

Министерство образования Республики Беларусь
БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Архитектурный факультет

АРХИТЕКТУРА

Сборник научных трудов

Выпуск 4

**М и н с к
БНТУ
2012**

УДК 72(082)
~~ББК 85.11я43~~
А 87

Редакционная коллегия:

главный редактор А.С. Сардаров (доктор архитектуры),
зам. главного редактора Е.Е. Нитиевская (кандидат архитектуры),
ответственный секретарь И.Ю. Голишникова (архитектор),

В.Н. Аладов (доктор архитектуры), И.А. Иодо (доктор архитектуры),
Н.В. Кожар (доктор архитектуры), А.А. Литвинова (доцент),
В.Ф. Морозов (доктор архитектуры), Е.Б. Морозова (доктор архитектуры),
Г.А. Потаев (доктор архитектуры), С.А. Сергачев (доктор архитектуры),
К.К. Хачатрянц (кандидат архитектуры), Ю.В. Чантурия (доктор архитектуры),
О.В. Белова дизайн обложки, цветных вкладок

В сборник включены материалы международной научной конференции, посвященные актуальным проблемам архитектуры. Материалы отражают результат плановых и инициативных научных исследований в области теории и истории архитектуры, градостроительства и территориальной планировки, ландшафтной архитектуры, архитектуры жилых и общественных зданий, вопросов архитектурного образования.

Предназначен для специалистов, аспирантов, магистрантов, работающих в области архитектуры и смежных отраслях.

The collected articles include the materials from the International scientific conference concerning the urgent problems of architecture. The materials are the results of planned as well as initiative research in the field of architecture theory and history, town and territorial planning, landscape architecture, problems of training architecture.

The collection is intended for architects, post-graduate students and other specialists, working in the field of architecture as well as in adjacent fields.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ.....	5
КАПИТАЛЬНАЯ ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ ЦЕНТРОВ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА Асташенок Л.С.	5
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИЛИ КУЛЬТУРА МЕСТА Белова О.В.....	9
ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ Иодо И. А.....	13
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ Кожар Н. В.....	17
ДУХОВНО-РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ	24
И РАСПРОСТРАНЕНИЯ Колосовская А.Н.....	24
АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИЗАЙН В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ Литвинова А.А.....	34
РЕГУЛЯРНАЯ ПЕРЕПЛАНИРОВКА БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XVIII в. Морозов В.Ф.....	39
СРЕДНЕВЕКОВАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСТАНА: РАЗВИТИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ Надырова Х.Г.	44
РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ФАКТОР АВТОРСТВА) Сергачев С. А.....	48
ВИДЫ ЖИВОПИСИ В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА Слаук С.Я.....	53
ДРЕВНИЙ РЫНОК В ТЕБРИЗЕ (ИРАН) Хабибзаде Хамед.....	56
РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ, АДАПТИРОВАННОЙ К ВОЗМОЖНОСТЯМ ФИЗИЧЕСКИ ОСЛАБЛЕННЫХ ЛИЦ Хачатрянц К.К.....	60
БЕЛОРУССКОЕ РЕГУЛЯРНОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО.....	66
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГЕНЕЗИСА XVI-XVII ВЕКОВ Чантурия Ю.В., Януш А.П.....	66
РАЗДЕЛ 2 ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО	71
К ВОПРОСУ ОПТИМАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ.....	71
КОННОГО СПОРТА, ОЗДОРОВЛЕНИЯ И ТУРИЗМА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ Боярина Г.П., Боярина Н.Ю.	71
АРХИТЕКТУРНОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА Другомилов Р.А.	74
БРОДАКР-СИТИ Ф.Л. РАЙТА – ПОСЕЛЕНИЕ БУДУЩЕГО Зуева П.П.	78
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА Кишик Ю.Н.	83
КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ.....	88
ТРАНЗИТНЫХ ТУРИСТСКИХ КОРИДОРОВ Потаев Г.А.....	88
ЗЕЛЕНый ГОРОД ПОД МОСКВОЙ (1929 г.). К ИСТОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ	92
ГОРОДА-СПУТНИКА ДЛЯ ОТДЫХА МОСКВИЧЕЙ Чередица И.С.	92
РАЗДЕЛ 3 АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ	96
РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ Би Синь.....	96

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЛЫХ ПРОСТРАНСТВ НА БАЗЕ РЕНОВАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ Ивкина Е.В., Мурашко Е.М., Сысоева О.И.	101
ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ МАЛОЭТАЖНЫХ СЕКЦИОННЫХ ЗДАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ Рак Т.А.	104
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЙ БРЕСТА Смолина Л.В.	107
ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ	112
АРХИТЕКТУРНОЙ ПРАКТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Темирова А.С.	112
ADAPTACJE SYNAGOG NA PODLASIU. REALIZACJE KONTRA PROJEKTU Trojnieł P.	116
РАЗДЕЛ 4 АРХИТЕКТУРА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ	126
ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В БЕЛАРУСИ Залесская Г.Л.	126
ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННО-СЕЛИТЕБНОЙ ЗАСТРОЙКИ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА) Купрейчик Л.В.	131
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ Морозова Е.Б.	136
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ	140
ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ЗАСТРОЙКЕ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА Сысоева О.И.	140

Раздел 1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

УДК 728.1.011(476)

КАПИТАЛЬНАЯ ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ ЦЕНТРОВ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Асташенок Л.С.

ассистент, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

В статье рассмотрены исторические и социально-экономические факторы, произошедшие в обществе, и повлиявшие на планировочную структуру и капитальность застройки центров городов. Выявлены предпосылки возникновения и развития новых типов жилых зданий в городах. Установлены основные для каждого типа функциональные и архитектурно-планировочные характеристики.

Введение. Одной из важнейших задач современной исторической науки Беларуси является изучение проблем, связанных с развитием и деятельностью городов, их ролью в экономическом, социальном, политическом и культурном процессе. В этой связи актуальным представляется анализ архитектурного наследия жилого фонда XIX – начала XX в. и определение его истоков и основных этапов. Сложившаяся в это время застройка городов и сегодня определяет облик их центральных районов, остается важнейшей частью среды обитания. Изучение сохранившихся построек, обширного круга архивных материалов показало, что города Беларуси обладают ценным историко-культурным наследием. Его систематизация позволит раскрыть закономерности формирования и развития архитектуры жилых зданий в целом, обобщить обширный фактический материал XIX – начала XX в., проанализировать жилую застройку с точки зрения ее типологической и стилевой эволюции.

Основная часть. Вторая половина XIX века – время стремительного роста строительства в городах Беларуси. В результате развития производства, превращения жилья

в «товар», роста городов и городского населения возникли новые типы жилых домов. Натурные обследования и анализ архивных материалов позволяет установить следующую классификацию типов жилых зданий: доходные дома, особняки, гостиницы. В свою очередь каждый из этих типов имел свои разновидности:

I тип – доходный жилой дом:

- а) классический (предназначался только для жилой функции);
- б) модернизированный (предусматривал совмещение жилой функции с производственной и/или торговой).

II тип – особняк:

- а) обычный (предназначался только для жилой функции);
- б) усложненный (предусматривал совмещение жилой функции с производственной).

III тип – гостиница:

- а) классическая гостиница (совмещала жилую функцию с обслуживанием);
- б) меблированные комнаты (предусматривались только для жилой функции).

Жилищный вопрос, как и многие другие стороны жизни, получил социальную основу, созданную экономическим неравенством людей обеспеченных и необеспеченных. Борьба за существование особенно ярко выступала в городских центрах, поскольку здесь наиболее остро и полно отражались все тенденции и противоречия социального развития общества. Приток населения к центру вызывал спрос на квартиры, а он, в

свою очередь, – рост земельной ренты. В большом городе, таким образом, наибольшей притягательной силой обладала центральная, деловая часть, сосредоточивающая в себе банки, конторы, административные и культурные объекты [1]. Центральный и периферийный районы отличались друг от друга. В центральном проживало богатое население, на периферии – беднейшее. Например, в г. Витебске кварталы состоятельных людей находились между Витьбой и Западной Двиной, вдоль улиц Смоленской, Суворова, Замковой, Вокзальной (рис. 1) (на плане обозначены желтым цветом – прим. автора). Они отличались лучшим благоустройством и были застроены в основном каменными двух и трехэтажными домами [2].

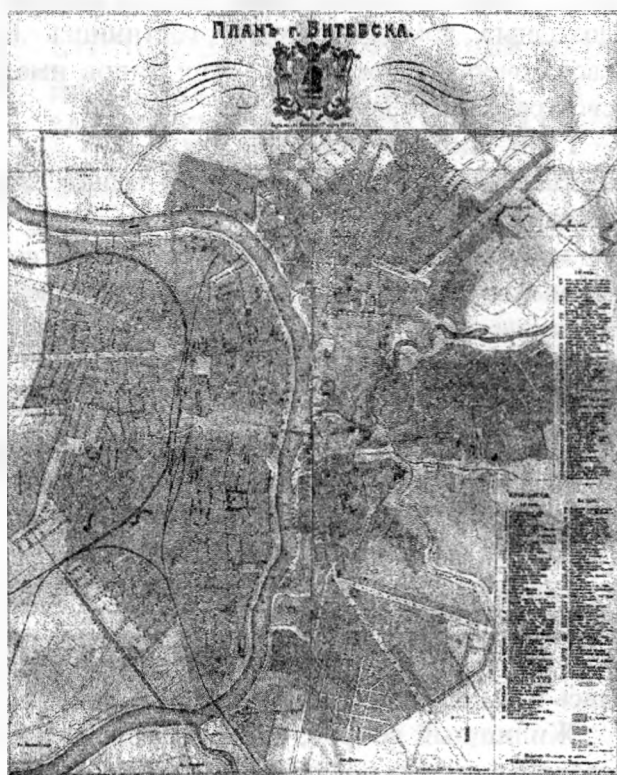

Рисунок 1 - План г. Витебска, 1904 г.

Социальное разграничение территории было характерно как для губернских, так и для уездных городов. Это отражалось и на капитальности жилой застройки. В малых и небольших уездных городах каменные дома в середине XIX в. были представлены еди-

ничными экземплярами, но уже к концу XIX – начала XX в. их количество растет, хотя и довольно медленно. Каменные дома принадлежали в основном купцам, деревянными же постройками владели мещане. Например, в конце 1850-х г. Мстиславль уже значился как лучший среди уездных городов. Исторический проектный план города предусматривал определенное классовое зонирование городской территории: например, для строительства жилых домов шляхты в проекте предусматривались кварталы, примыкающие к центральной площади; для жилых домов купечества были предназначены кварталы вокруг торговых площадей. Всю среднюю полосу городского плана, ограниченную двумя улицами, соединяющую все площадки города, предполагалось застроить домами привилегированных сословий. Остальные, расположенные на периферии кварталы, отдавались для построек рядовых горожан. По «Окладной книге» г. Мстиславля за 1903 г. улица Парадная (ныне Советская) была единственной, на которой существовало большое количество каменных домов [3].

Центральные кварталы городов отличались высокой стоимостью земли. В большинстве случаев в центре города, где селились купцы, собственные здания строились на собственной земле.

В 60–70е гг. XIX в. городские земли покупались купцами, но не в массовом порядке. К концу XIX в. большинство купцов приобретали землю под своими домами в частную собственность. В сохранившихся ведомостях, содержащих сведения о недвижимом имуществе в городах, редко встречаются описания домовладений купцов с пометкой «на арендуемой земле», почти всегда отмечено «собственная земля». Но аренда имела место и в конце XIX, и в начале XX в. [4].

Стоимость земли постоянно увеличивалась. В Гомеле, к примеру, в восьмидесятые годы XIX века за место под постройку дома в центре города платили до 1 тыс. руб., в середине девяностых – уже от 10 до 15 тыс. рублей [5]. Это стимулировало купцов ин-

вестировать средства в строительство многоквартирных домов (рис. 2).

Рисунок 2 – Бывший доходный дом в г. Минске по улице Володарского 9 (современный вид)

Становясь собственниками домов и зданий в городах, купцы предлагали новую услугу – помещения внаем. По архитектурно-планировочным характеристикам эти дома были представлены двумя типами. Первый тип доходного дома – классический, где весь объем здания был занят только под жилую функцию.

Во втором типе – модернизированном доходном доме – первый этаж предназначался для торговых залов магазинов, лавок, коммерческих учреждений, различных элементов обслуживания, а верхние этажи отводились под жилье. Принадлежащее домовладельцу пространство участка, на котором строился доходный дом, было занято самим зданием. По причине ограниченных возможностей в условиях тесной городской застройки, имелся лишь небольшой внутренний двор-колодец. На одном участке рядом с домом владельца строились временами не один, а несколько домов. Крупные домовладельцы старались приобрести любой участок земли в центральной части города, застроить его и этим обеспечить себе дополнительную прибыль.

Степень коммунальных удобств была одним из основных показателей стоимости квартирной платы. Варьировалась она и в

зависимости от места расположения недвижимости. Например, в г. Минске в начале XX в. на улице Подгорной она составляла от 95 до 1700 руб. в год, на Юрьевской улице – от 230 до 430 руб., на Петропавловской – от 100 до 870 руб., на Богадельной – от 30 до 600 руб., на Немигской и Раковской – от 25 до 650 руб. в год [6]. Минские врачебные известия отмечали в 1911 году: «Жилищная нужда в Минске столь же велика, как в самых крупных центрах. Цены квартир здесь не ниже, чем в Берлине или Париже...». Растущий город предъявлял на жилье большой спрос. Если в 1896 году сдавалось внаем 11,6 тысячи квартир, то в 1911 году это число увеличилось в 2 раза [7].

Отдельно стоящие частные дома в центральной части города могли позволить возводить для себя исключительно состоятельные горожане, высшие гражданские и военные чины, духовенство. Особняки представляли собой комфортабельные, одно-двухэтажные, многокомнатные дома для проживания одной семьи, располагавшиеся на отдельном участке, включающем двор со службами и сад (рис. 3).

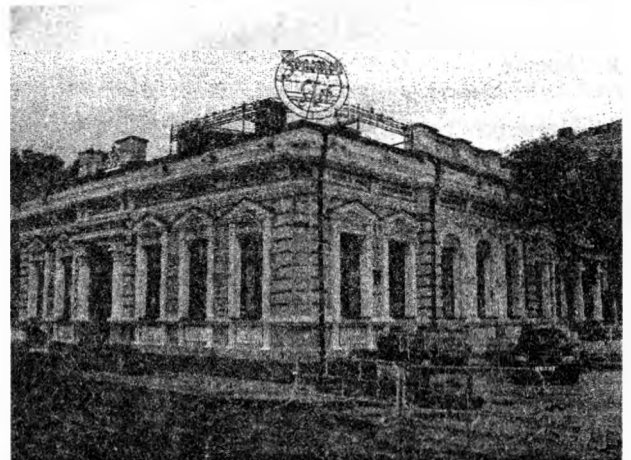

Рисунок 3 – Бывший особняк в г. Витебске по улице Суворова 26 (современный вид)

Потребность совместить жилую и производственную функцию обусловила формирование усложненного типа жилого дома. Характерной особенностью такого типа особняков был довольно развитый комплекс

помещений, предназначенных для частной практики, которую вел хозяин дома. Такие особняки строили для себя коммерсанты, врачи, архитекторы, имевшие большие доходы (например, дом архитектора Т. В. Кибардина в г. Витебске по улице Крылова, 6; дом врача Алшибаева в г. Гродно по улице Студенческой, 6).

Новый этап в развитии получили гостиницы, как самостоятельный тип жилья, предназначенный для временного пребывания (рис. 4). Располагались они в районах близких к железной дороге, на улицах, прилегающих к вокзалам, на центральных площадях.

Рисунок 4 – Бывшая гостиница «Бристоль» в г. Бресте

Нередко гостиницы становились зданиями многофункционального предназначения, включающими не только номера, но и рестораны, парикмахерские и даже театр, являясь своеобразным культурным центром города (например, гостиница «Бристоль» в г. Бресте по улице К. Маркса, 60).

Широко распространенной практикой было устройство в многоквартирных домах меблированных комнат (например, «Парижские» по ул. Белостокская, «Купеческие» по ул. Тополевая в г. Бресте). Для этого в Городскую Управу подавалось ходатайство для получения распоряжения о выдаче билета на право их содержания. Городской санитарный врач производил осмотр означенных помещений и уведомлял управу о

возможной пригодности здания в санитарном отношении.

В создании архитектурного образа городской жилой застройки лидирующая роль принадлежала эклектике с использованием различных классических приемов и элементов: колонны, портики, пилястры, карнизы, руст. Основной декор был сосредоточен на главных фасадах. Дворовые фасады домов оформлялись очень слабо, с минимальным количеством декоративных элементов, но в их компоновке выразилась структура многоквартирного дома.

В архитектурном облике домов, не принадлежащих к разряду дорогого жилища, отсутствовали, какие бы то ни было, изыски: на плоском фасаде располагались равномерные ряды окон с минимальным количеством декоративных деталей. Они представлены лаконичными фасадами, в оформлении которых использовались упрощенные варианты того или иного исторического стиля.

Использование классических форм было также характерно для архитектурно-декоративного оформления городских особняков. Каждый строился по индивидуальному проекту и имел неповторимое архитектурно-художественное решение. Основным элементом пластического обогащения архитектуры городского дома становился портик, вертикальные членения которого контрастно выделялись на общем фоне вытянутого по горизонтали фасада. Многие особняки, построенные в стиле модерн, обычно имели усложненный фасад: сочетание прямых и округлых линий в окнах, балконах, решетках, декоративные вставки, расположенные в композиционно важных частях наружных стен.

Архитектурно-художественные решения гостиниц характеризовались тем же конгломератом разностилевых форм. Идентичность декоративной обработки окон отразила функциональную сущность здания. Цокольный ярус получал слабую обработку, стены верхних ярусов ритмично украшались пилястрами в простенках, окнами в виде портиков, в которых чередовались треугольные и лучковые фронтоны. Интерес-

ное объемно – пространственное построение и художественное оформление имели наиболее крупные гостиницы. Фасады зданий были насыщены декоративными элементами: проемами с арочными завершениями, пилястрами, карнизными поясками (например, гостиница «Гарни» в г. Минске, отель «Франция» на Театральной площади в г. Могилеве).

В целом анализ городской жилой застройки городов дает право утверждать, что при всем многообразии объемно пространственных композиций, архитектурная стилистика развивалась в едином направлении. Это, прежде всего, плоскостное решение фасадов, создающих линейный фронт застройки улиц, их горизонтальное завершение карнизом или аттиком, лаконичное выделение центра фасада балконом, пилястрами или просто наличниками окон. Иногда в композиции жилых домов появлялась асимметричность, подчеркнутая размещением арки или входа.

Заключение. Ответом на нужды времени, второй половины XIX – начала XX в., явилось развитие и возникновение новых типов жилья: доходных многоэтажных домов, городских особняков, гостиниц. Доходные дома начали оказывать влияние на развитие архитектуры и градостроительства. В противоположность эпохе классицизма, когда ведущим типом были усадебные дома и общественные здания, теперь жилые дома формировали облик целых кварталов, становились самым массовым и характерным типом сооружений. В сравнении с предшест-

вующими эпохами частные жилые дома теперь являлись не фоном для отдельных крупных зданий, таких как храмы, памятники, общественные здания, но и сами становились важными элементами застройки города, формируя его административно-общественные центры.

Литература

1. «Зодчий», 1914. – Вып.7-С.79.
2. Якімовіч, Ю.А. Помнікі мураванага грамадзянскага доілідства Віцебска XIX - пачатку XX ст.// Ю.А. Якімовіч. – Мінск: Польша, 1990. – С. 40.
3. Национальный исторический архив Беларуси, Ф.2101, Оп.1, Д. 322.
4. Полетаева, Н.И. Купечество Беларуси (60-е гг. XIX – начала XX века)// Н.И. Полетаева – Мн, 2006. – С. 104.
5. Справочная и коммерческая книга г.Гомеля и окрестных городов Минской, Могилевской и Черниговской губерний на 1895 г. – Вильно, 1894.
6. Полетаева, Н.И. Купечество Беларуси (60-е гг. XIX – начала XX века)// Н.И. Полетаева – Мн, 2006. – С. 105.
7. Экономика Белоруссии в эпоху империализма. – Мн., 1963. С. 30.
8. Целеш, В. М. – Гарады Беларусі на старых паштоўках / В. М. Целеш – Мінск: «Беларусь», 2005. – С. 65.

RESIDENTIAL BUILDINGS IN THE STRUCTURE OF URBAN CENTERS OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19 Th - BEGINNING OF THE 20 th CENTURY

Astashonok L.S.

The historical and socioeconomic factors which have occurred in a society, and affected on planning structure and the solidity of building of the centres of cities are described. The origin prerequisites and development of new types of residential buildings in epy cities are revealed. The main functional and architectural features for each type are established.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.13.01

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИЛИ КУЛЬТУРА МЕСТА

Белова О.В.

старший преподаватель, кафедра «Дизайн архитектурной среды»

Статья посвящена анализу понятия «территориальная культура» и выявлению аспектов ее развития.

Введение. Один из контекстов, в которых может изучаться культура – это отношение

Человека и Места. Интерес к данной проблематике имеет довольно широкий научный диапазон – от этнографии, антропологии, географии до социологии и культуро-

логии. Столь же широк диапазон используемых методов исследования. Данная статья посвящена краткому обзору лишь некоторых аспектов этой проблематики, а в частности связи культуры и ландшафта, а также пониманию культуры в контексте феномена совместного обитания.

Основная часть. Понимание ландшафта как своего рода культуурообразующего фактора во многом является устоявшейся аксиомой. Особенности ландшафта и климата, несомненно, формируют определенный тип ментальности, также диктуют вид и характер деятельности, задавая тем самым предпосылки для становления системы ценностных отношений, поведенческих моделей и форм предметно-пространственной среды [1]. Особенности геополитических и геоэкономических связей, а с тем и особенности исторической судьбы Места обуславливают приток различных влияний извне, а также определяют интенсивность исторических процессов. Помимо этого, большое внимание исследователи уделяют факту влияния уникальных характеристик Места на творческое осмысления мира, на формирование языка и системы художественных образов.

Важно отметить, что взаимодействие ландшафта и культуры – это двухсторонний процесс, в котором следы человеческого присутствия, накапливаемые ландшафтом, становятся его неотъемлемой составляющей и уже на новом витке, посредством нового культурного кода влияют на человека.

Отношение Человека и Места также могут быть рассмотрены в контексте феномена совместного обитания. Совместное обладание некоей территорией и одновременная принадлежность ей, с одной стороны являются основой хозяйствования и распределения ресурсов, а с другой - формирования «символической культуры» (ценностных отношений, норм и моделей поведения). Однако наша сегодняшняя реальность такова, что совместная жизнь людей (идет ли речь о регионе, городе или селе) отнюдь не всегда является фактором становления локальных общностей, как носителей само-

стоятельной местной культуры. О наличии местного сообщества, позволяет говорить не столько сам факт проживания на некоей территории, сколько каждодневная практика единой *системы ценностей*, наличие выраженных *территориальных интересов* и, самое важное, *территориальной самоидентификации* [2].

Разрушение культуры местных сообществ, ее обеднение и деградация, является, на мой взгляд, серьезным негативным фактором для развития культуры в целом. Ведь местная культура – это своего рода «буфер» между «общим фондом культуры» и индивидуумом [3]. Она выполняет первичные социализирующие функции, интерпретируя через поведенческие модели и образы ближайшего окружения систему общезначимых ценностных отношений. На уровне местной культуры не только реализуется практически вся линейка человеческих потребностей, но и формируются стимулы к ее расширению и совершенствованию.

Внимание к культуре местных сообществ в основном связано с этнографическими и краеведческими изысканиями, и, прежде всего, направлено на неиндустриальные общности, сохраняющие традиционный жизненный уклад. Исследования же, связанные не столько с сохранением местных культур как неких реликтовых ценностей, сколько с развитием и планированием культуры в основном проводятся в рамках таких наук как «социология города», а также в рамках средового проектирования. О них и пойдет речь далее.

Административная территориальная структура общества рисуется как иерархия уровней от страны до отдельного поселения и его районов [4]. В отличие от нее, «естественная» территориальная структура является более сложной и менее упорядоченной. В ее основе лежит значительное количество факторов: от половозрастных и этнических, до экономических и профессионально-квалификационных [5]. Однако в выше обозначенном контексте интерес представляет, прежде всего, выраженность связей «людей-

на-месте» (К. Линч). В исследовательской практике эти связи изучаются преимущественно в контексте проблематики *соседств* и *городского сообщества*.

В Западной Европе и США накоплен достаточно убедительный опыт, демонстрирующий эффективность «соседств» как единиц самоуправления. Их численные характеристики, а также степень и форма самоорганизации различны, однако фактор кооперации сообществ неизменен – это *совместные «территориальные интересы»*, то есть необходимость решения вполне конкретных задач связанных с проблемами экологии, коммунального хозяйства, а также проблемами сохранения историко-культурного наследия. Феномен «соседства» может рассматриваться и с более эмоциональной, ценностно-окрашенной стороны. Тогда основа соседских отношений, в первую очередь, видится в *выраженности личностных контактов*. Они создают необходимый психологический комфорт жилой среды, и помимо этого обеспечивают определенный уровень безопасности, выполняя функцию социального контроля. Неоспорима польза личностных отношений и в поддержании порядка, в уходе за ближайшим окружением, в его благоустройстве. Ведь именно личностное (хозяйское) отношение «создает Места с яркими характерными чертами и выраженными признаками любви и заботы» [6].

Несмотря на то, что социо-культурная значимость и непосредственная практическая польза соседских отношений очевидна, не менее очевиден тот факт, что на сегодняшний день они фактически разрушены, в особенности в больших городах. Механизмы их становления и поддержания во многом остаются неизученными.

Интерес к идее соседства, как к «первичной строительной ячейке города» в архитектурной науке насчитывает уже более полувека. Однако четко выстроенная концепция соседства – микрорайона, представляющего собой «ограниченную территорию, свободную от транзитного транспорта и макси-

мально самодостаточную в отношении первичного обслуживания» [7 стр. 191], не стала гарантией автоматического возникновения соседских отношений [8]. Несомненно, что яркость, опознаваемость предметно-пространственной среды, ее структурированность и сомасштабность человеку, способствуют формированию чувства личной сопричастности (территориальной самоидентификации), но, к сожалению, и эти факторы не являются достаточным условием возникновения устойчивого локального сообщества, а в частности соседства.

Для описания социального, предметного и природного единства, каким является поселение любого уровня, О.Н.Яницкий вводит термин «социобиотехническая система», при этом подчеркивая, что в его основе, прежде всего, «лежит понятие «дома», где все обустроено и *пригнано* друг к другу» [9 стр. 50]. Возможно, что именно эта «пригнанность», являющаяся результатом длительного естественного становления, и есть основа устойчивости социо-территориальных сообществ. Во всяком случае, целый ряд авторов подчеркивают зависимость степени самоидентификации территориального сообщества от его «генетического состава» [2], то есть от количества коренных жителей [4, 5], являющихся непосредственными носителями системы ценностей Места. Это в равной степени справедливо и в отношении соседских общностей, и городского сообщества, о котором пойдет речь далее.

Необходимо отметить, что интерес к городскому сообществу сегодня связан с общим вниманием к городской культуре. Он не является продолжением исторической тенденции противопоставления города деревне, как плохого хорошему или наоборот. На первый план вышло понимание города как самоценного культурного феномена. Центральными категориями в описании городской культуры стали *городское сознание* и *городской образ жизни*. Основа городского сознания видится в высокой степени *территориальной самоидентификации* городского сообщества или, как пишет

Л. Коган в «солидарности горожан как граждан своего города» [10]. Важнейший признак городского сознания – это его «мобильность», не в смысле «подвижности», как приспособляемости и готовности к переменам, но способности реагировать на изменения, активно, сопричастно относится к происходящему [10].

Согласно ряду авторов [11, 12, 9] объективная реальность существования *специфически городского сознания*, как выраженного культурного феномена, эмпирически подтверждается сложностью адаптации прибывших из деревни жителей, и еще в большей степени тем фактом, что при активном привлечении в город сельского населения, такой феномен как *городской образ жизни* не возникает даже через десятилетия. На сегодняшний момент обыденное, а зачастую и научное понимание *городского образа жизни* связано с довольно негативными чертами, например, такими как высокая степень анонимности и отчужденности [5]. В понимании города, как особого архетипа культуры, *городской образ жизни* трактуется как высокая степень социальной активности, «включенности» жителя в процессы, происходящие в городе, уменьшение межличностной дистанции, разнообразие и выраженность социальных связей и рисунков средового поведения. Что позволяет говорить о развитости повседневной жизни, наличия в ней активного деятельного начала как о критериях оценки потенциала культуры городских сообществ в частности и местных сообществ в целом.

Заключение. Проблематика территориальной или местной культуры требует внимания различных специалистов: от социологов до архитекторов. Так как местная культура (которая может пониматься как культура локальных сообществ, интерпретирующих посредством образа жизни – системы ценностей, поведенческих моделей и образов предметно-пространственной среды – возможности ландшафта и историческую память Места) является неотъемлемой частью целого национальной культуры.

Важно также отметить, что это внимание не может ограничиваться лишь интересом к внешним признакам и проявлениям культуры и должно быть связано с изучением внутренних механизмов ее функционирования и саморегулирования.

Литература

1. Генисаретский, О.И. Регионализм, средовое проектирование и проектная культура // <http://prometa.ru/olegen/publications/120>
2. Богданова Л.П., Щукина А.С. Генетическая структура городского сообщества как основа формирования территориального сознания. Социологические исследования. 2006. М. № 7. С. 133-136.
3. Яницкий, О.Н. Самодеятельные инициативы как культурная инновация. / О.Н. Яницкий // *Культура города: проблемы инноваций: сборник научных трудов.* – Москва, 1987. – С. 128-135.
4. Мосиенко Н.Л. Локальные территориальные общности: социально-территориальная структура и реальные границы // *Регион: экономика и социология.* – 2007. – № 2. – С. 105-112.
5. Генисаретский, О.И. Еще раз о средовом проектировании и проектности культуры (заметки по ходу дела) / О.И. Генисаретский // *Персональный сайт О.И. Генисаретского [Электронный ресурс].* – 2004 – Режим доступа: http://www.procept.ru/publications/eshe_raz.php – Дата доступа: 22.10.2010
6. Glazychev V. Notes on neighborhood activity in Washington D.C. / В.Л. Глазычев // *Персональный сайт В.Л.Глазычева [Электронный ресурс].* – 2009 – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1994-08-23_washington.htm
7. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве / Пер. с англ. В.Л. Глазычев. – Москва: Стройиздат, 1982. – 264 с.
8. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. Москва: Наука, 1984. – 350 с.
9. Яницкий, О.Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. – Москва, ИС РАН, 2009 – 239с.
10. Казанцев В.И., Светульников М.Г. Социология города: учебно-методическое пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2004, 140 с.
11. Коган, Л. Б., Куда идут наши города / Л.Б. Коган // *Персональный сайт Л.Б.Когана [Электронный ресурс].* – 2008 – Режим доступа: <http://emsu.ru/kogan/view.asp?c=1429&p=1> – Дата доступа: 22.10.2010.
12. Коган, Л.Б. Лечение городом / Л.Б. Коган // *Персональный сайт Л.Б.Когана [Электронный ресурс].* – 2008 – Режим доступа: <http://emsu.ru/kogan/view.asp?c=1429&p=1> – Дата доступа: 22.10.2010.

13. Коган, Л.Б. *Урбанология: От городского сознания к знанию.* / Л.Б. Коган // *Городское управление.* – 2010. – №11. – С.2-4.

14. Лихачев, Д.С. *Экология культуры* / Д.С.Лихачев // *Москва.* – 1979. – № 7. – С. 173-179.

TERRITORIAL CULTURE OR CULTURE OF THE PLACE

O.V. Bialova

This article is devoted to the analysis of concept «local culture» and to understanding of aspects of its development.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 710.01

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ

Иодо И. А.

доктор архитектуры профессор, кафедра «Градостроительство», БНТУ

Вместо введения: Историческая фактура.

Зарождение научной деятельности в области архитектуры в Беларуси следует соотносить с появлением работ, содержащих новые знания, которые вскрывают закономерности развития материально-пространственной среды, включая здания, сооружения, различного рода градостроительные образования. Строго говоря, это касается начала 1950-х гг., когда Ю. Егоров, приехавший в 1944 г. работать в Минск, будучи уже кандидатом архитектуры, успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Градостроительное развитие городов Белоруссии» (1951 г.). В 1954 г. выходит его первая книга «Градостроительство Белоруссии». В этот же период времени под руководством Ю. Егорова защищают кандидатские диссертации молодые ученые, которые и заложили фундамент развития архитектурной науки в республике.

Первым значимым научным направлением явились исследования по историческому наследию в архитектуре Беларуси. Постепенно круг изучаемых проблем расширялся, поступали заказы на научную продукцию из центральных научных организаций, расположенных в Москве, из других стран. Расширялся и состав организаций, в которых велись научные исследования в области архитектуры. Однако, несмотря на то, что исследования велись уже по нескольким направлениям, лишь одно из них, а именно история архитектуры, сформировалось как наиболее значимое, как по численному со-

ставу ученых, так и по результативности работы. Под руководством доктора архитектуры В. Чантурия на кафедре теории и истории архитектуры велась большая работа по выявлению, систематизации и оценке памятников архитектуры, по изданию монографий, учебной литературы.

Долгое время, более пятнадцати лет, В. Чантурия оставался единственным доктором архитектуры в политехническом институте и в республике. В сложных условиях отсутствия в Беларуси совета по защитах диссертаций в области архитектуры круг докторов наук расширялся. После защиты диссертационных работ в Москве и в Ленинграде степеней докторов наук удостоились: А. Сычева (1983 г.), И. Иодо (1987 г.), Е. Агранович-Пономарева (1988 г.). Каждая из них сформировала свое направление научно-практической деятельности, включая подготовку специалистов высшей квалификации, издание учебной и учебно-методической литературы. Особое направление в архитектурной науке возглавила кандидат архитектуры ныне профессор К. К. Хачатрянц. Феномен белорусской архитектурной науки состоял в том, что после ухода из жизни в 1988 г. В. Чантурия, почти десятилетие у руля формирования научной школы Беларуси стояли женщины.

Вторая половина 1960-х и 1970-е гг. для развития белорусской архитектурной науки характерны активным пополнением рядов кандидатов архитектуры, которые (и это

следует отметить особо) были востребованы обществом, поскольку развивалось архитектурное образование и поступали заказы на научную продукцию. Часть ученых занималась научной и педагогической деятельностью на архитектурных кафедрах Белорусского политехнического института, другие вели исследования в Институте строительства и архитектуры Академии наук БССР. Исследования велись в области жилищного строительства, истории архитектуры, планировки и застройки населенных мест. В 1961 году Институт строительства и архитектуры переходит в подчинение Госстроя БССР, а в 1970 г. из него выделяется градостроительное научно-проектное направление, которое преобразовывается в Минский филиал ЦНИИП градостроительства (Москва), а с 1976 г. – в самостоятельный институт БелНИИП градостроительства. В 1972 г. открывается научное подразделение в БелНИИгипросельстрое. Таким образом, для того времени отличительным является перераспределение научных кадров, расширение и специализация тематики исследований.

Научные исследования выполнялись как по республиканским, так и по союзным планам и охватывали широкий круг проблемных вопросов: совершенствование систем расселения, преобразование сельских поселений, активизация развития малых городов, формирование систем общественного обслуживания, упорядочение планировки и застройки больших городов, архитектурно-планировочная организация городских общественных центров, организация отдыха и охрана природной среды и др.

Постепенно накапливался опыт постановки проблем, методической обеспеченности исследований, всесторонней обоснованности результатов. Этому способствовали не только стабильный государственный заказ на научную продукцию и совместная разработка научных тем с учеными других республик, но и работа с зарубежными коллегами (Болгария, Венгрия, Польша). Необходимо отметить, что в тематике исследований преобладало градостроительное на-

правление, что связано как с наличием специализированного научно - исследовательского подразделения, так и с нарастанием в процессе развития урбанизации проблемных ситуаций на обширных территориях. Невозможно перечислить темы международного, общесоюзного, республиканского и ведомственного значения, по которым велись исследования, также как и невозможно назвать всех участников научных разработок, поскольку вместе с архитекторами всегда работали экономисты, экологи, инженеры-транспортники и другие специалисты смежных областей знаний. Важно, что и в республике и за ее пределами белорусская архитектурная наука завоевывала авторитет. Издавались нормативно-методические материалы, монографии, учебники и учебные пособия, аналитические обзоры.

1980-е гг. можно считать качественно новой ступенью в развитии архитектурной научной школы Беларуси. Продолжаются научные исследования по международным, союзным и республиканским программам. Набирают силу созданные новыми докторами наук научные школы в области региональной планировки, планировки и застройки городов, ландшафтной архитектуры, интерьеру зданий, колористке.

Следует особо отметить разработку невиданной по масштабу научно-практической темы «Генеральная схема комплексной территориальной организации Белорусской ССР» (ГСКТО). Особенностью работы является то, что она охватила основные пространственные уровни среды обитания – национальный, отдельных поселений, их структурных составляющих (жилые территории, общественные центры, производственные и рекреационные территории). При этом не декларативно, а на деле учитывались горизонтальные и вертикальные взаимосвязи между выделенными в качестве объектов исследования фрагментами целостной среды жизнедеятельности, что позволило с наибольшей объективностью подойти к формированию материально-пространственных структур.

С начала 1990-х гг. научные исследования в области архитектуры свертываются. Прекратилось выполнение совместных научных тем на уровне бывшего СССР, практически оборвались личностные научные контакты специалистов различных республик. Правда, некоторое время выполнялись научно-практические работы совместно с соседними странами по совершенствованию пространственной организации приграничных территорий, велись исследования, связанные с программами ООН по человеческому развитию. Со временем объемы этих работ уменьшались, что вынуждало научных работников или подключаться к выполнению проектных заданий, или искать другие места работы. Прекратились научные исследования по сельской тематике, в институте БелНИИПградостроительства научное подразделение претерпело значительные изменения в сторону сокращения.

Профессиональные научные кадры снова начали перераспределяться и сосредотачиваться на архитектурном факультете Белорусского политехнического института – БПИ (затем Белорусской государственной политехнической академии – БГПА, а позже Белорусского национального технического университета – БНТУ). Здесь выполнялись научные темы по плану Министерства образования, Министерства архитектуры и строительства, велись диссертационные исследования, развернулась научно-методическая деятельность, связанная с разработкой новых учебных планов и программ. На архитектурном факультете БНТУ сосредоточилось более 80% квалифицированных научных работников республики в области архитектуры.

На пути к оптимистичному будущему. С середины 90-х гг. на архитектурном факультете БНТУ произошли некоторые неомыслимые. При факультете создан совет по защите диссертаций в области архитектуры. За время существования совета по защите кандидатских (1996 – 2001 гг.), а затем докторских (с 2001 г.) диссертаций успешно защитили диссертационные исследования с

последующим утверждением Высшей аттестационной комиссией 24 кандидата наук (в том числе 9 иностранных граждан) и 6 докторов архитектуры. Состав докторов архитектуры расширился. Высшую ученую степень получили в процессе разовой защиты на совете по смежной специальности И. Малков, В. Аладов и Г. Потаев. В Москве защитила диссертацию Н. Кожар. На своем совете стали докторами наук – А. Локотко, В. Морозов, А. Сардаров, Ю. Чантурия, С. Сергачев, Е. Морозова. В 1996 г. создана Белорусская общественная академия архитектуры, ныне Белорусский академический центр Международной академии архитектуры.

Белорусские ученые официально получили международное признание: наши ученые избраны иностранными членами Российской академии архитектуры и строительных наук, удостоены званий почетного профессора зарубежных вузов. Премией в области архитектуры и градостроительства им. В. А. Короля за подготовку и издание понятийно-терминологического словаря «Градостроительство и территориальная планировка» награжден коллектив составителей словаря В 2001 г. группа вузовских ученых удостоена Государственной премии Республики Беларусь за «Комплекс исследований по теории архитектуры (формирование белорусской научной школы)». Ученые-архитекторы принимали участие в подготовке Закона «Об основах архитектурной и градостроительной деятельности в Республике Беларусь», в подготовке Градостроительной хартии Содружества Независимых Государств, в выполнении ряда научных программ Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, связанных с разработкой и реализацией эффективной градостроительной политики в стране. Хорошая возможность реализовать свой научный потенциал предоставилась ученым в 1996 г., когда они были приглашены Представительством ООН в Беларуси возглавить и принять участие в подготовке национального доклада о человеческом развитии «Беларусь: среда для человека». В

обширном и хорошо иллюстрированном докладе, изданном на русском и английском языках и разосланном во все страны, не только глубоко и всесторонне анализируется и оценивается состояние материально-пространственной среды, предназначенной для разных социально-демографических групп населения, но и излагаются возможные пути эффективного развития и преобразования среды обитания на различных пространственных уровнях.

Показательной является и издательская деятельность. За тридцатилетний период времени издано более 50 монографий, учебников и учебных пособий, опубликованы сотни статей и тезисов докладов. Результаты научных исследований широко освещаются в ходе конференций, семинаров, симпозиумов, которые проводятся в Беларуси и за ее пределами (Англия, Голландия, Китай, Польша, Россия, Словакия, Чехия, Италия). При факультете работают две творческие мастерские, в рамках которых студенты имеют возможность заниматься реальным проектированием. С 2004 г. издается, редактируемый силами факультета, журнал под названием «Архитектурные тетради», затем «Архитектура». На основе сотрудничества кафедры «Градостроительства» и БелНИИГрадостроительства создан филиал кафедры, который являет собой росток новых организационно-структурных отношений в научно-практической деятельности.

Стартовый потенциал. Белорусская архитектурная наука прошла стадии становления, развития, качественного преобразования и признания. Этот путь был достаточно сложным в меняющихся социально-экономических условиях. Следует отметить, что структурные преобразования и перераспределение научных кадров, их сосредоточение в вузах отвечает мировым тенденциям. Достижение наивысшего общественного эффекта от создания научных центров при вузах позволяет: максимально использовать научный потенциал, постоянно обновлять знания педагогов, вовлекать в научную деятельность студентов и выявлять наиболее

одаренных, устанавливать непосредственные контакты (прямые и обратные связи) с производственными институтами. Далеко за примерами ходить не следует, ряд факультетов БНТУ работают по такой системе.

Какая ситуация сложилась у нас, мы знаем, но все же стоит напомнить. На начало 2011 г. в стране насчитывается 10 докторов архитектуры, 9 из них работают в вузах. На архитектурном факультете БНТУ – 8 докторов и более 20 кандидатов наук. Как расходуются научные силы этих специалистов? Содержание кафедральных НИР второй половины дня в лучшем случае известно только членам этой же кафедры. Ученые-одиночки иногда благодаря собственным усилиям внедряются в выполнение тем других организаций и ведомств. Эти работы порой бывают весьма удачны и значимы. Однако об этом мало кто знает, и престиж архитектурной науки не растет. Третью докторов наук совмещает преподавание в белорусской архитектурной школе с работой за рубежом (Польша). Имея личный опыт такого совместительства, могу утверждать, что какие-либо прогрессивные дидактические приемы польских коллег не удастся перенести в нашу реальность. В науке же мы им оказываем посильную помощь. Главное – материальная выгода, а это немаловажно в наших условиях.

Вместе с тем в магистратуру и аспирантуру стремятся поступить жаждающая знаний (и естественно профессиональной карьеры) молодежь. Темы диссертационных исследований весьма редко соответствуют запросам практики. Будущая научная деятельность, помимо педагогической, неопределенна.

Следует констатировать, что невостребованному научному потенциалу грозит саморазрушение. Ущерб обществу трудноопределим.

Причины такой нерадивой расточительности интеллектуального потенциала можно объяснить по-разному. Возможно это и скудность средств, выделяемых на научные исследования в области архитектуры при

необходимости «содержать» другие уже существующие научные подразделения, и ложное представление об отсутствии проблемных ситуаций в организации пространства, а также заказов на научную продукцию в рамках страны и СНГ.

Заключение. Исходя из сказанного, следует отметить, что в ведущей архитектурной школе Беларуси сложился высококвалифицированный творческий коллектив, равного которому в стране нет. Этот коллектив в рамках научных исследований, проектно-практических разработок, предпроектных обоснований и экспертных заключений способен эффективно решать комплекс проблем пространственной организации среды жизнедеятельности на различных уровнях – от крупных территориальных образований до элементов средового дизайна, интерьера зданий. Такое положение соот-

ветствует глобальной тенденции развития вузовской науки, привлечения будущих специалистов к творческому поиску новаций во всех областях знаний. Остается пожелать, чтобы государственные и общественные институты Беларуси, с одной стороны, также как и ученые-педагоги – с другой, нашли возможность стыковки обоюдных выгодных интересов во благо развития общества.

The resume

The architectural science in Belarus has passed a way of becoming, development, qualitative transformation and recognition. Wide experience is saved up, the qualified scientific staff, capable to solve challenges are prepared. The basic scientific potential is concentrated to architectural faculty of technical university. Here work 8 of 10 doctors of architecture and 20 of 32 candidates of sciences. It is created the seven scientific schools headed by doctors of architecture and professors. At the same time an available scientific potential is used insufficiently.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 72. 01(476)

**ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВА
В ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ**

Кожар Н. В.

доктор архитектуры, профессор, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

В статье показана история развития категории «пространство» в европейской теории зодчества от зарождения архитектурной мысли и до начала XX века.

Введение. Для полного воссоздания исторической картины формирования градостроительной культуры требуется изучение всех аспектов зодчества, в том числе архитектурных воззрений. Многолетний опыт втора по изучению истории европейской архитектурно-теоретической мысли показывает, что для оценки явлений архитектуры определенного исторического периода или стилевой эпохи необходимо выяснить содержание ряда основных теоретических положений и терминов. Особый интерес представляют собой исторические изменения, происходившие в

трактовке понятия «пространства», анализу которого и посвящена данная статья.

Основная часть. Категория «пространство» в архитектурной теории. Одним из хрестоматийных определений архитектуры является ее трактовка как «системы материальных структур, формирующих пространственную среду для жизни и деятельности человека» [1, с. 3]. В связи с этим необходимо подчеркнуть важную специфическую сторону архитектуры – ее пространственно-временной характер. Зритель воспринимает архитектурный объект не только в пространстве, но и во времени, в движении. Причем не мысленно, а реально, физически. Во время обхода вокруг здания последовательно переживаются ракурсы, меняются точки зрения, открываются различные перспективы. Эти

особенности архитектурного пространства обусловили существование двух типов архитектурной композиции, связанных с движением в пространстве (I) и пребыванием в пространстве (II).

Типы композиции архитектурного пространства. Первый тип пространственной композиции можно наблюдать в архитектуре древнеегипетских храмов: аллея сфинксов, череда открытых дворов и закрытых залов, рассчитанных на движение процессий (рис. 1).

К этому типу относятся также христианские романские и готические базилики (рис. 1).

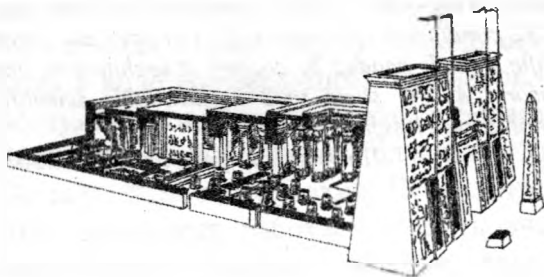

Рисунок 1 — Разрез египетского храма.
Первый тип пространственной композиции

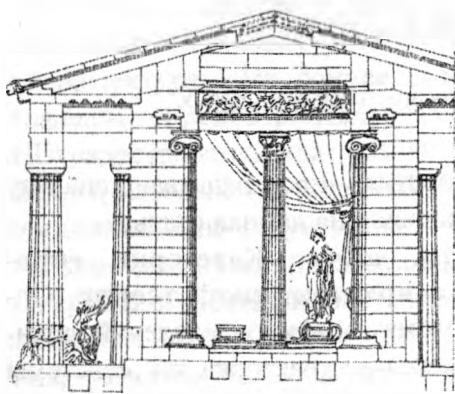

Рисунок 2 — Разрез греческого храма.
Второй тип пространственной композиции

Второй тип композиции свойственен архитектуре древнегреческого храма (рис. 2), византийской церкви центрического типа, многим постройкам итальянского Возрождения.

В архитектуре барокко проявились оба типа композиции (рис. 3). Сооружениям и ансамблям барокко свойственны контраст масштабов, чередование открытых и закрытых

форм, «перетекание пространства». Со зрительной динамикой архитектуры связано и явление «романтики масштаба» игры величин, обмана зрения, превращение материальных зримых форм в фантазию, полет воображения. Не случайно в эпоху романтизма возникло определение архитектуры как «застывшей музыки» (Ф. Шеллинг).

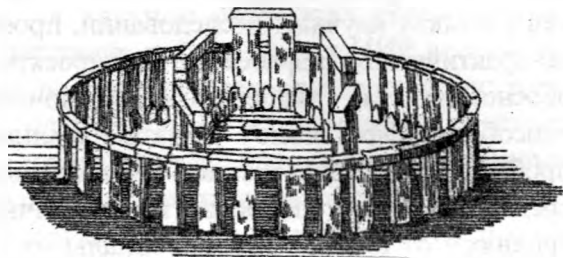

Рисунок 3 — Соединение первого и второго типов пространственной композиции в архитектуре барокко (Площадь Святого Петра в Риме)

Следует, также отметить, что, несмотря на то, что в архитектуре применяются композиционные средства, общие для всех видов изобразительных искусств (ритм, пропорции и др.) пространство в архитектуре имеет особый характер. В живописи и скульптуре пространство воспринимается извне, со стороны. Причем в живописи это пространство иллюзорное, а в скульптуре — осязательное. В архитектурном же пространстве зритель всегда находится *внутри* него, даже если осматривает здание снаружи. Это пространство обладает особыми масштабными и ритмическими соотношениями, воспринимаемыми в движении. Поэтому переживание архитектурного пространства человеком, находящимся внутри него, имеет специфический ритмико-моторный характер. Не случайно мы говорим о «чувстве пространства» архитектора, как, например, о чувстве цвета у живописца или об абсолютном слухе музыканта. Это чувство создает гармонический резонанс с биологическим ритмом и пропорциями тела человека.

Исторические закономерности изменения концепции пространства. Осознание пространственного характера окружающей человека среды возникло на самой ранней стадии формирования человеческой культуры. Однако первые постройки позволяли людям лишь частично ориентироваться в пространстве – камнями, столбами, стенками, коридорами. Но столбы и крыша над головой, как и пещера, являлись лишь укрытием, а не архитектурой. Только постепенно сформировавшееся эстетическое осмысление конструктивной задачи строительства привело к приданию мегалитическому сооружению бронзового века (III-II тыс. лет до н.э.) определенного содержания.

В результате строительный объект стал способен удовлетворять не только утилитарные, но и духовные потребности человека. Возникла архитектура и деление на утилитарное и сакральное пространство (рис. 4).

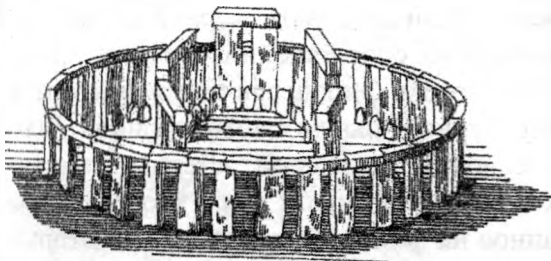

Рисунок 4 – Кромлех Стоунхендж

В странах Восточных Деспотий, имевших письменность, появились первые описания способов возведения зданий. Сохранившиеся многочисленные глиняные таблички, найденные на территории древних государств Месопотамии, свидетельствуют об имевшихся здесь чертежах и письменных описаниях способов строительства.

Известно, что и древнеегипетские строители имели собственные теоретические пособия. Например, на внутренней стороне ограды храма Гора в Эдфу (327-57 гг. до н.э.) сообщается, что при его возведении строители пользовались книгой об устройстве храмов «которую сочинил Имхотеп ве-

ликий сын бога Пта». Египтяне разработали методы гармонизации пространственной среды. С помощью математических вычислений были установлены «божественные пропорции» (или «золотое сечение»), правила «египетского священного треугольника», лежавшие в основе создания пространственной композиции египетских храмов.

Формирование теории архитектуры, как научной дисциплины, связано с именем древнеримского архитектора и инженера Марка Витрувия Поллиона (I в. до н.э.), создавшего первый архитектурно-теоретический трактат «Десять книг об архитектуре».¹

В трактате впервые было дано определение новой архитектурной науки: «Теория есть то, что может законченные обработкой произведения подать в наглядном показе. Раскрыть их со стороны ловкости исполнения и точности расчета» [2].

Однако в период античности пространство являлось предметом исследований в основном у математиков и философов. Это было связано с тем, что традиционная классическая концепция мира базировалась на «целостности». К зодчеству стремились применить математический порядок Космоса и одновременно определить границы или структурные рамки человеческой деятельности. Модель Вселенной как геометрического тела переносилась на архитектурную среду. В трехмерном мире воплощалась геометрия Пифагора и идеи Платона, создавалась гармония между микро- и макрокосмосом (рис. 5).

Пропорциональный строй архитектуры не только определял характер здания, но и положение человека во времени и пространстве. Например, Цицерон в «De natura deorum» записал, что люди пытаются создать в мире природы собственный мир (свою архитектурную среду).

¹ На время забытый и заново напечатанный в эпоху Возрождения труд античного теоретика не потерял своей актуальности. Его определение архитектуры как единства пользы, прочности и красоты (триада Витрувия) и сегодня определяет ее суть.

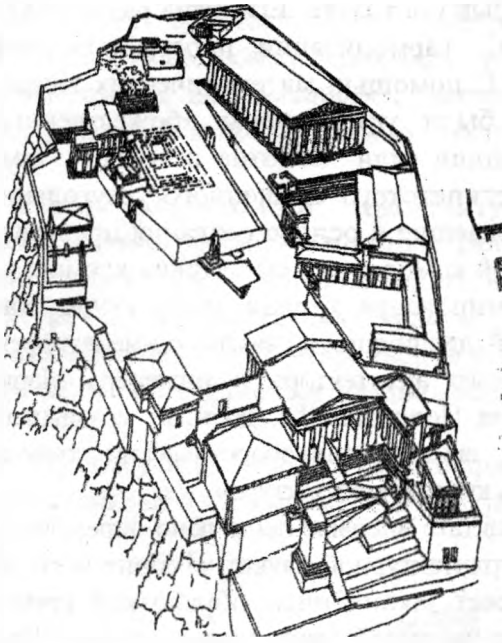

Рисунок 5 — Акрополь — воплощение античной концепции пространства

мысли сыграли исследования проблем оптики и связанное с ней познание законов перспективы, сказавшиеся на восприятии архитектурного пространства (рис. 6).

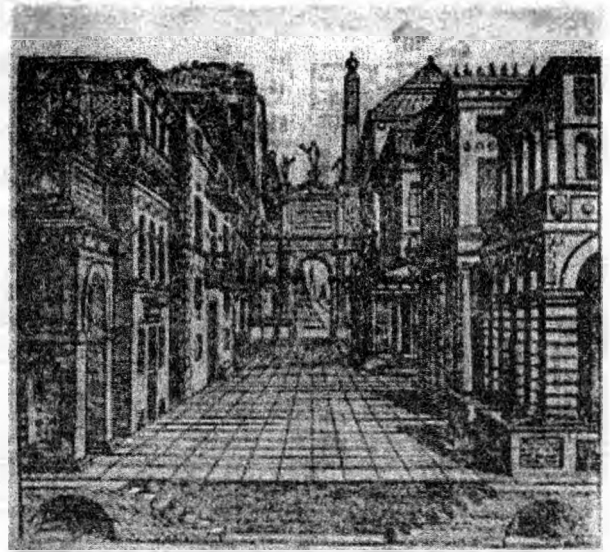

Рисунок 7 — Идеальное городское пространство эпохи Ренессанса. Рисунок С. Серлио

Рисунок 6 — Изучение законов перспективы

В эпоху Средневековья преобладало цеховое строительство. Архитектурные навыки и умения передавались от мастера к ученику как «тайные знания». Процесс возведения здания был связан с обрядом «Посвящения в Великие тайны» и символизировал познание единства Высшего (идеального) и низшего (материального) мира.

Результатом архитектурного процесса должно было явиться постижение «Духа космической красоты». В этот период важную роль в формировании архитектурной

В архитектурной теории Ренессанса продолжала господствовать идея простых математических соотношений, которые правят всем космосом. Определяющими факторами архитектурной мысли этого периода являлось освоение античной эстетики, творческих принципов, новых форм и образов, основанное на философии гуманизма. Вторым важным фактором явилось обращение художников к науке — геометрии, оптике, математике, анатомии, механике. Третий фактор — открытие законов линейной перспективы и классического ордерного языка архитектуры. Пропорциональность стала символом природных законов. Пропорции архитектуры выводились по античным антропоморфным законам, то есть архитектурное пространство трактовалось как среда, соразмерная человеку (рис. 7).

Период барокко характеризовался не только использованием в архитектурной практике обоих видов пространственной композиции. Расширились и методы анализа пространственных образований. Для характеристики пространства категория «движе-

ние» стала более важной, чем основные античные понятия «завершенность» и «уравновешенность». Формы архитектуры барокко подчинялись идее «перетекания пространства», являвшейся наиболее характерной чертой стиля (рис. 8).

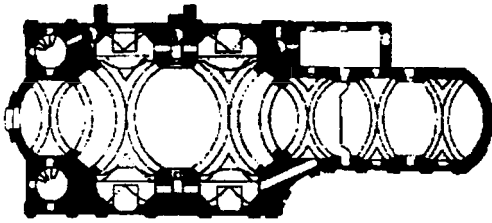

Рисунок 8 – Банкетная зала в Монастырской церкви (1710-1718, архитектор И. Динтцхофер)

В XVII в новые принципы градостроительства разработали французские архитекторы. Их новаторские приемы решения городской среды были основаны на рациональной, строго геометрической организации городского пространства (рис. 9).

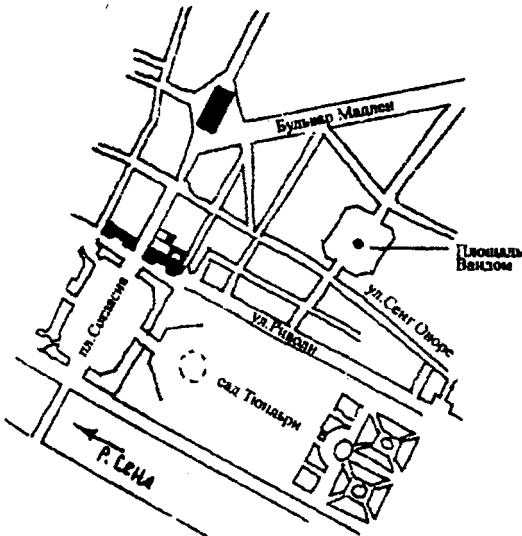

Рисунок 9 – Схема центра Парижа XVII в.

В целом период характеризовался сосуществованием двух направлений: «первой волны классицизма» и барокко. Соответственно применялись свойственные обоим стилям виды пространственных композиций. Прием систематизации знаний и практического опыта составлял суть рационального метода классицизма. «Технологической» основой классицистического творче-

ского метода оставалось «проектирование по образцу» (обычно античному) с возможностью его свободной трактовки (в частности, изменения масштаба выбранного образца).

Архитектурную теорию и практику XVIII века можно определить как противостояние «классицизм-барокко» и «классицизм-романтизм» («вторая волна» классицизма XVIII века). Противоречивость теоретической мысли была обусловлена влиянием буржуазного просветительства и идеологии сентиментализма. Кроме того, приверженцы каждого течения и направления разрабатывали теоретические положения, свидетельствующие в его пользу.

Предромантическая позиция в осмыслении пространственной среды в первую очередь была характерна для теоретиков «паркового искусства». Основой ее возникновения послужили публикации лорда А. Э. К. Шефтсбери, который в работе «Моралисты» (1709) проповедовал ценности живой природы. Во Франции создание «английских парков» было связано с идеями сентиментализма Ж. Ж. Руссо, в Германии – с теоретическими положениями книг Х. К. Л. Хиршфельда «Теория паркового искусства» (1779-1785) (рис. 10).

Разработанные теоретиками садово-паркового искусства понятия «живописности», «характера», использование малых сооружений различных народов и стилей определили новое отношение к окружающей среде как явлению не только физическому, но и историческому. Эти особенности были наследованы романтиками.

В середине 90-х годов XVIII в. разрозненные предромантические тенденции стали складываться в достаточно ярко выраженную картину, и можно говорить о возникновении романтических взглядов на архитектуру, начале формирования направлений «романтической» архитектурной теории.

Одним из важнейших моментов романтической эстетики явилось формирование понятия исторического своеобразия, обусловленного определенной эпохой и национальными особенностями. «Местный коло-

рит» становился существенной категорией романтической эстетики, в том числе и архитектурной теории. Он требовал выявления национального своеобразия. Возникшее пристальное внимание к отличительным особенностям этапов исторического развития обусловило принципиально иной, чем в Просвещении, подход к вопросам пространства и времени. В романтической архитектурной теории понятие «пространство» стало временной категорией.

Рисунок 10 – Английский парк. Рисунок Хиршфельда

Новая трактовка категорий «пространство и время» является существенной чертой эстетики романтизма. В эстетике Просвещения и классицизма пространство являлось нейтральным, служило фоном для деятельности абстрактного человека (Шеллинг). «Принцип меры», требование «единства места и времени» отражали безразличие к реальным категориям. У романтиков понятие «пространство» наполнилось историческим, национальным или индивидуальным содержанием.

Изменилась точка зрения и на методы его художественного изображения и восприятия. В архитектурной практике возникли противоречивые течения: «архитектура силуэта» (рис. 11) и стремление к возрождению объемности, пластичности (рис. 12).

«Чувство пространства» романтиков изменялось в широких пределах: от «бесконечного» в крупных храмах-монументах до интимно-защищенного в жилых домах бидермайера (рис. 13).

Рисунок 11 – «Архитектура силуэта». К. Г. Лангханс. Берин. Бранденбургские ворота

Рисунок 12 – Э.Л. Булле. Проект кенотафа Ньютона «Нерасчлененные массы передают идею Бесконечности» Э.Л. Булле

Рисунок 13 – Жилое пространство Бидермайера

Большое влияние на формирование архитектурных концепций европейских архитекторов оказали гравюры Д. Б. Пиранези (рис. 14). В них историческая архитектура была представлена в гипертрофированных масштабах, отражая символизм романтического мышления.

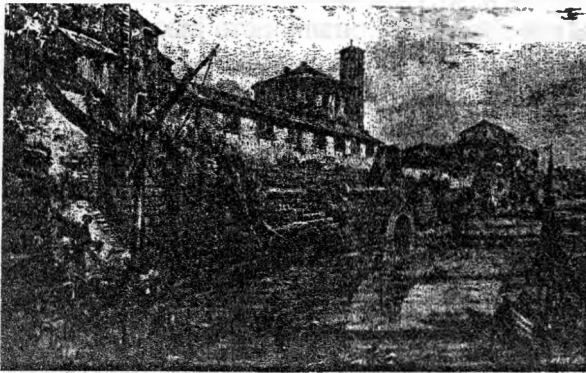

Рисунок 14 – Д.Б. Пиранези. Берег Тибра.
Из серии «Виды Рима». Гравюра 1776 г.

Историческое мышление романтиков способствовало тому, что сооружения стали символом, знаком характерных явлений определенного этапа жизни человека. Такая мифологизация архитектурного пространства оставалась характерной на всех этапах развития романтизма. В 1822 году в письме В. Скотту Д. Г. Байрон написал: «Мы живем во времена гигантских, преувеличенных масштабов. Когда все, кто мельче Гога и Магога, кажутся пигмеями» [3, с. 42].

Романтики установили существование в истории разновидностей времени, временных ритмов, различных для политической истории, истории религии или искусства. Это понимание дало возможность различать время «историческое» и «повседневное», отражать явления прошлого, ретроспективно восстанавливая их и используя в новом контексте. Осознание «исторического» времени предопределило особый характер его изображения. В ансамблях Потсдама, Мюнхена, Вены и др. романтическая идея связи судьбы отдельной личности со всей историей выразилась в представлениях об «идеальном стиле», который позволяет каждому индивидууму совершить ретроспективное путешествие в его «золотой век».

Произошел переход от гармонии к «поэтике контрастов». На этой основе возникла «образная гигантомания» в различных областях искусства. В градостроительстве ог-

ромные масштабы городских пространств потребовали грандиозных объемов, сооружения становились стихийными блоками в городе (дворец Юстиции в Брюсселе, Арсенал в Вене).

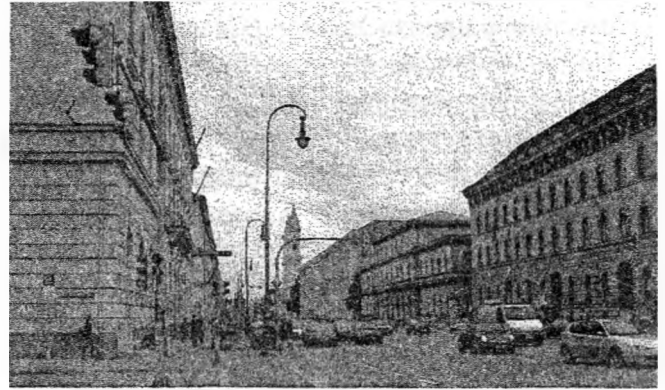

рис.15 – Мюнхен. Людвигштрассе

Созданная в эпоху романтизма Людвигштрассе в Мюнхене представляла собой пример того, как «улица людей» становится «улицей великанов» (рис.15). Был нарушен масштаб, соразмерный простому человеку. Улица, ограниченная Залом полководцев и Воротами Победы, с одной стороны возвращала к барочной идее зального пространства в градостроительном ансамбле. С другой – являла собой пространство для «Гога и Магога», которое трудно охватить сразу взглядом и тем более измерить шагами. Архитектурная среда, окружающая человека стала трактоваться как временная категория, отражающая идеалы своего времени и народа.

На рубеже XIX-XX вв. новый виток попытки создания «стиля эпохи» и стремление преодолеть эклектизм привел к возникновению стиля «модерн». Основной задачей модерна являлась «гуманизация жилой среды посредством искусства» в изменившихся социальных и экономических условиях быстро развивающегося индустриального общества. Усилился интерес к проблеме пространства. Например, В.Хильдебрандт, используя достижения новой науки – перцепционной психологии – создал понятие «кинетического видения» и утверждал, что со-

временную действительность можно понимать как тотальное пространство, сутью которого является непрерывность. Опираясь на концепцию пространственно-временного характера архитектуры Хильдербрант предложил возродить понятие «единого художественного произведения» (Gesamtkunstwerk). На этой основе он попытался разработать концепцию «единого пространства», в котором архитектурный объект рассматривался фрагмент целостной композиции, охватывающей всю среду.

Заключение. Романтическое стремление организовывать пространство из форм, ассоциирующихся с идеалистическими ценностями, было наследовано градостроителями XX века, в первую очередь создателями «социальной архитектуры». В работах О. Нимейера (ансамбль Бразилиа), Ле Корбюзье («Проект современного города на три миллиона жителей», 1922), Б. Таута (поселок Бриц в Берлине, 1925-30), советских градостроителей (ансамбли 1930-1970 гг. Москвы, Ленинграда, Минска, Киева, Ташкента и др.) была заложена идея создания «гуманистической среды для нового человека».

В 2000 г. Пауль Вирилио высказал предположение, что в XXI веке «Архитектура

найдет свое место в прямом смысле этого слова в двух сферах: в действительном пространстве (материальность архитектуры) и в виртуальном пространстве (трансмиссия электромагнитных импульсов)» [4, с. 132]. Актуальность концепции пространства сохраняется и в архитектурной теории XXI века.

Литература

- 1 Будыко Н.С., *История архитектур: курс лекций: в 2 ч./ Н.С. Будыко, Н.В. Кожар. – Минск: БНТУ, 2008. Часть 1. Архитектура Древнего мира.* - 160 с.
- 2 Марк Витрувий Поллион. *Об архитектуре десяти книг/ Редакция и введение А.В. Мишулина. – Л, 1936.*
- 3 Кожар Н.В. *Архитектурная теория эпохи романтизма в Германии и развитие западноевропейского зодчества конца XVIII – первой половины XIX вв./ Н.В.Кожар. – Минск: «Парадокс», 2000. – 260 с.*
4. *Definowanie przestrzeni architektonicznej / Międzynarodowa Konferencja naukowa.-Kraków 2001. -222 s.*

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE SPACE CONCEPT IN THE EUROPEAN ARCHITECTURAL THEORY

Kozhar N.

The history of development of a category "space" in the European architectural theory since ancient times up to XX century is shown in this paper.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 72.01

ДУХОВНО-РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Колосовская А.Н.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

Духовно-рыцарские ордена были учреждены для защиты рыцарями паломников раненых на Святой земле. В государствах крестоносцев стали строить многочисленные крепости, в которых могли укрыться от мусульман множество рыцарей. Орден госпитальеров (после 1530 г. Верховный военный орден Мальты) известен как христианская организация основанная в качестве амальфийского госпиталя в 1023 году в Иерусалиме, форма которой – черный плащ и белый крест. После западного христианского завоевания Иерусалима в 1099 г во время первого крестового похода,

организация стала религиозным и военным орденом со своим собственным уставом, на нее была возложена забота и защита Святой земли. В 1119 г. был основан орден тамплиеров (храмовников), члены которого носили белый плащ с красным крестом. Тевтонский орден (орден госпиталитов Св. Марии) возник позже иоаннитов и тамплиеров и организовался под их несомненным влиянием (1190 г.), хотя и отличался своим национальным составом. Финансовые операции вели к быстрому росту богатств орденов и уводили от первоначальных идеалов служения.

Введение. Миссия защиты больных, бедных и нуждающихся паломников в Святую Землю, защиты Гроба Господня от неверных в сочетании с принесением монашеских обетов привела к возникновению рыцарских орденов. В XI в. в Святой Земле появились иоанниты. В начале XII в. там возникли храмовники (тамплиеры). Существовали национальные ордена: первоначально палестинский Тевтонский орден, в Испании (Алькантары, Калатравы, Сантьяго²), в Португалии (Ависский орден), Реконкисты. Кроме монашеских обетов безбрачия, бедности и послушания, члены духовно-рыцарских орденов давали обет с оружием в руках защищать христиан и христианскую веру. Духовно-рыцарские ордена приносили обет верности римскому папе и были выведены из подчинения епископам и светским государям. Национальные ордена были в большей степени связаны с местными государствами. Владения орденов были объединены в провинции и округа комтуррии во главе с комтурами и капитулами. Каждый орден возглавлял великий магистр, у иоаннитов, тамплиеров и тевтонов его резиденция находилась в XII–XIII вв. в Святой Земле. Когда Восток был христианами потерян, борьба с неверными должна была отойти на второй план, вновь уступая место задачам каритативным³, но обогащение орденов приводило к отклонению от первоначальных задач служения христианской идее. Орден иоаннитов или Мальтийский орден – последний из Рыцарских орденов, сохранившийся до наших дней, в виде общин, напоминающих монашеские, которые разделяются на евангелическую (иоанниты) и католическую (мальтийцы) ветви.

Историография по проблемам деятельности рыцарских орденов затрагивает вопросы, связанные с важнейшими событиями в жизни католической церкви: создание орде-

нов и их устройство, крестовые походы рыцарей в Святую землю, взаимоотношения орденов с государством, а также деятельность видных представителей орденов. Вопросы возникновения и развития монашеских орденов, хронология монашества в истории церкви широко представлены в трудах Макса Геймбухера (Heimbucher) «Ордена и конгрегации католической церкви» [1] и «Истории христианского монашества» Леонарда Хольца (Holtz) [2]. Ряд изданий освещает движения в Церкви, отдельные ордена, их организацию, уставы, деятельность, архитектуру (В. И. Герье, В. Рожков, Л. П. Карсавин, Н. Тальберг) [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Среди многочисленной литературы о рыцарских орденах интересна работа Мариона Мервиля [9] о христианском рыцарстве и его зодчестве. Существует много справочных и энциклопедических изданий, отражающих различные стороны жизни христианского монашества и рыцарских орденов, содержащих термины, понятия и персоналии по их истории и организации [10, 11, 12, 13]. В статье привлекаются различные по своему содержанию материалы, предоставившие возможность всесторонне исследовать деятельность рыцарских орденов на фоне культурной, религиозной, политико-экономической жизни.

Основная часть. В XI–XII вв. в связи с крестовыми походами возникают духовно-рыцарские ордена (*ordines militares, regulares militares*): иоанниты (госпитальеры), тамплиеры (храмовники), Тевтонский, Левонский ордена и др.

Папа Григорий VII (3. 6. 1073–25. 5. 1085) пытаясь привлечь рыцарей на службу Церкви для священной войны, пользовался старым термином «*militia Cristi*» (с латинского «воинство Христово»). Идеологом «воинства Христового» выступил св. Бернард Клервоский: «Великое счастье умереть в Боге, счастливее тот, кто умирает за Бога!» Осенью 1096 года начался поход, 6. 06. 1099 г. крестоносцы осаждают Вифлеем, 15. 07. 1099 г. – Иерусалим: отряд Готтфрида Буйонского осадил на храмовой площади мечеть Аль-

² Каноники св. Элигия, соединясь с появившимся еще в 1161 г. рыцарском орденом св. Иакова, составили *Ordo militaris crucigerorum* (1171 г.) В историографии этот испанский орден иногда называют Сантьяго.

³ Каритативный (от лат. «*caritas*» — любовь) — благотворительный.

Акса. Построенный в 691 г. Наскальный собор, был обращен в христианскую церковь и назван храмом Господним («templum Domini»). Полумесяц на куполе сменяется золотым крестом. Готтфрид Буйонский основал Иерусалимское королевство и назвал себя «хранителем Гроба Господня», его брат и преемник Болдуин стал называть себя королем. Его вдова приказала построить в 1150 г. у северной границы Храмовой горы (известной во времена Иисуса под названием Вифезда) церковь святой Анны.

Одной из первоначальных задач христианских рыцарей на Востоке была помощь больным и паломникам, почему братья и назывались госпиталитами, и защита паломников от разбойников и неверных. Рыцарские ордена объединяли военную службу с заботой о больном – иоанниты основали ряд госпиталей⁴ в Иерусалиме, чтобы обеспечивать паломников, например, связанный с бенедиктинским аббатством S. Maria Latina (основан в 800 г.). Орден тевтонов, развился из полевой больницы под стенами Акры существовавшей под названием «domus hospitalis S. Maria Teutonicorum in Jerusalem» с одобрения папы Clement III в 1191 г. Члены ордена обязали себя клятвой строительства и содержания больниц, везде, где орден имел свое представительство. Центр деятельности ордена был вскоре перемещен из Святой Земли в Европу. Подобные учреждения, главным образом управляемые в соответствии с Правилом St. Augustine, появлялись во многих частях Италии, но к началу XIII в. они перешли из власти епископа в руки чиновников.

Мальтийский орден. Основан в 1023 г. купцами из Амальфи (Южн. Италия), построившими больницу и приют для паломников, шедших в Иерусалим. После взятия крестоносцами в 1099 г. Иерусалима орден,

оказывал помощь раненым воинам, и получил признание папы. Полное название звучало «Рыцарский орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского». Герард стоявший во главе существовавшего госпиталя (hospitale hierosolymitanum) положил начало братству, устав которого принял окончательный вид лишь к началу XIV в. Особенно славился госпиталь напротив Гроба Господня, вслед за ним появились госпитали и в др. городах Востока. Борьба с неверными все более усиливала военное назначение ордена и в 1259 г. папа Александр IV утвердил деление ордена на три слоя: рыцари, священники и братья-госпиталиты. С расширением военных задач ордена у него появились замки и обширные владения. Вслед за вытеснением христиан из Святой Земли (1291 г.) остатки госпиталитов переехали на Кипр, приобрели Родос и создали новое островное государство. В 1530 г. иоанниты (родосские рыцари), теснимые турками, получили от императора Карла V в ленное⁵ владение Мальту (отсюда орден стал называться мальтийским) с двумя соседними островами, Гоццо и Комино, обязавшись охранять Средиземное море и его побережья против турок и африканских корсаров.

Поселившись на Мальте орден удержал свою прежнюю организацию. Законодательная власть и выбор главы ордена принадлежали генеральному капитулу. Исполнительными органами являлись великий магистр и состоящий при нем совет (consiglio ordinato). Великий магистр избирался пожизненно и утверждался в своем сане папой. Орден, включал в себя членов разных наций и соответственно им делился на восемь «языков»: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Англия, Германия и Кастилия. В свою очередь она распадалась на приораты, подчиненные приора и визитируемые главным приором округа. Высшая

⁴ *Госпиталь* (лат. hospitalis – гостеприимный). [204, с. 329]. «Госпиталь» – термин, в средние века обозначавший больницу и странноприимный дом вместе. Первые больницы были основаны на Востоке, но их названия использовались и на Западе: Nosocomium для обслуживания больных; Вегроторhium – подкидышей; Орфаноторhium – сирот; Ртоchium – бедных, неспособных к работе; Геронтотchium – пожилых; Xenodochium – бедных или слабых паломников.

⁵ Лен (нем. Lehn) в средневековой Германии земельное владение, которое жаловал король в пожизненное пользование вассалу на условии несения им военной или административной службы. То же, что бенефиций, затем то же, что феодал.

власть в ордене была поделена между магистром и генеральным капитулом.

В 1609 г. князь Острожский, Януш, учредил майорат в пользу своей дочери Евфросинии, бывшей замужем за Александром Заславским, с тем, чтобы, в случай прекращения рода, майорат образовал командорство мальтийского ордена. Вопреки этому завещанию, майорат, в конце XVII в., перешел в род кн. Сангушко. По вмешательству Екатерины II дело решено в пользу рыцарей: учреждено в Польше великое приорство ордена.

В 1776 г. великий магистр принц Роган (1775 – 1797 гг.) созывает в последний раз высшее законодательное учреждение ордена – генеральный капитул, которым был издан в 1779 г. кодекс законов ордена («Codice del sacro militare ordine Gerosolimitano»). В 1798 г. состоялся Высочайший манифест «об установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского». Новый польско-русский мальтийский орден состоял из двух приорств: римско-католического и российско-православного, с 1798 года командорствами. 16. 12. 1798 г. Павел был избран в великие Магистры и к Императорскому титулу, по Высочайшему указу, повелено было прибавить слова «и Великий Магистр Ордена Св. Иоанна Иерусалимского». Резиденция ордена (конвент) была перенесена в С.-Петербург. Капитулу Мальтийского ордена в 1798 году был подарен дворец графа М. И. Воронцова, что дало ему новое название – «Замок мальтийских рыцарей» (позднее занимал Пажеский корпус с католической церковью Св. Иоанна Крестителя). Александр I отказался от звания вел. Магистра, сохранил лишь титул протектора ордена, а в 1817 году Высочайше объявлено, что «после смерти командоров ордена св. Иоанна Иерусалимского, наследники их не наследуют звания командоров ордена и не носят знаков ордена, по тому уважению, что орден в Российской Империи более не существует».

В начале XIX в. орден постепенно теряет свои земли в России, Баварии, Вестфалии, Пруссии. В 1834 г. капитул ордена переносится в Рим. Во 2-й пол. XIX в. орден обращается в обширную духовно-благотворительную корпорацию, распространенную и в католических, и в протестантских странах Европы.

Тамплиеры. После появления в 1119 г. восьми французских рыцарей во главе с Гюгом (Hugues de Pauns) и Годфруа (Godefroid de Saint-Omer) иерусалимский король (Балдуин II) пожаловал им собственность, и поселили в палатах дворца близ Храма Господня⁶. Рыцарям для нужд их служения передали землю на месте старого Соломонова храма, поэтому впоследствии их стали называть «тамплиерами» – «храмовниками». Орден тамплиеров (Fratres militiae templi, equites templi, pauperes commilitones templi Salomonis⁷), вначале нашел пристанище во дворце Иерусалимского короля, потом в расположенном на месте старого Соломонова храма доме каноников. Храмовники превратились в орден-государство, сначала в Палестине, потом на Кипре, затем распространились по Европе, особенно по Франции.

Появилось новое рыцарство – воинство Божье (militia Dei). Три качества воина: острое зрение⁸, быстрота и готовность к бою. Собор в Труа (1131 г.) дал рыцарям первоначальный устав. Собор предоставил право носить белые плащи, владеть и управлять землями и вассалами (невзирая на обет бедности) и получать, в качестве милостыни, десятину. Орден рос, рыцари владели огромными богатствами, им принадлежали города и дворцы, некоторую сумму от доходов они ежегодно передавали на защиту Святой Земли верховному магистру, главная резиденция которого находилась в Ие-

⁶ У каждого брата – своя кровать с соломенным пофяком, простыней, подушкой в виде валика и покрывалом из овечьей шерсти. Спят они в дортуаре (общей спальне), где всю ночь горит огонь.

⁷ Братья воинства храма, рыцари храма, сражающиеся вместе бедняки храма Соломона (лат.).

⁸ Тамплиеры не носят длинных волос, чтобы свободно глядеть вперед и назад.

русалиме. После потери Иерусалима орден стал постепенно угасать. Но вопреки указу папы Климента V об упразднении ордена, король Дионисий Португальский отказался преследовать братьев и основал орден Христа, дабы собрать тамплиеров под прежним именем Бедных рыцарей.

Булла «*Omne Datum Optimum*», данная Иннокентием II Роберу де Краону 29 марта 1139 г., является «Великой Хартией» ордена Храма, основой всех его привилегий. Целью буллы было учредить статут братьев-капелланов, освободить тамплиеров от всякой церковной власти, кроме власти Папы, и передать магистру и капитулу ответственность за управление орденом. У ордена центр находился в Иерусалиме, командорства во Франции, Италии, Англии существовали для обеспечения людьми и доходами монастыря Святой Земли. В 1145 г. последовала булла «*Militia Dei*», разрешающая тамплиерам строить часовни с кладбищами для себя и своих слуг, но сохраняющая епископские права на десятину, на причастие и погребение.

Сохранились некоторые описания Святого Града. Два огромных купола возвышались над городом: на западе – купол *Templum Domini* (Храма Господня), бывшей мечети Омара; на востоке – ротонда церкви Гроба Господня, с раскрытым в небо сводом. Близ Голгофы высилась дозорная башня ордена Госпитальеров. Весь горизонт между этими ориентирами был изрезан башенками с колокольнями и террасами; четыре главные башни венчали ворота четырех кварталов Иерусалима. Святой Град пересекали 4 главные улицы: 2 из них – улица святого Стефана и улица Сиона – пересекали пояс укреплений с севера на юг, от ворот святого Стефана до ворот Сиона. Пересекались с ним на западе – улица Давида, а на востоке – улица Храма. Кварталы с извилистыми и узкими улочками, расположенные между этими улицами, состояли из церквей, монастырей, обителей.

Средневековые описания Святой Земли начинаются у врат святого Стефана, в северной части города. Между стенами Иеру-

салима и Золотыми воротами находится Храм. От земляной насыпи ступени ведут вверх к Собору в Скале – Храму Господню⁹.

У рыцарей ордена Храма много прилегающих к дворцу зданий, с новой церковью (как и большинство церквей ордена Храма посвященной Богородице). Церковь называли «Святая Мария Латеранская» (по аналогии с папской Латеранской резиденцией в Риме). Трапезная (тамплиеры называли ее палатами), была просторным залом с изогнутым сводом, поддерживаемым колоннами. Стены украшали военные трофеи (тамплиеры украшали ими и церкви). Оруженосцы расставляли вдоль стен столы. Пришедшие первыми усаживались спиной к стене, прочие – лицом. Особые места были отведены только для магистра и капеллана монастыря. Плиты пола посыпали тростником, как во всех замках. Между дворцом и церковью находились спальни братьев-рыцарей – ряды келий, выходящих в коридор. В каждой келье был стул или скамеечка, ларь или сундук, кровать с соломенным тюфяком, подушкой в виде валика, простыней и одеялом (иногда с покрывалом). Спальни братьев-сержантов были только общими. Все имели доступ в церковь, куда братья спускались каждую ночь петть заутреню. Возле церкви находились также лазарет для больных и покои командоров и великих бальи (высших судебных чинов). В дальнейшем в подчинение маршалу монастыря был отдан маршальский склад со снаряжением вместе с кузницей и склады для упряжи с шорной мастерской. Работали также сукнодельная (со складом тканей), швейная и сапожная мастерские управляемые суконщиком монастыря. Во владения командора по провианту включались кухни, винный погреб и печи. Братьев-пекарей, кузнецов освобождали от дневных служб.

⁹ «Напротив южной лестницы (от мечети Омара) – мечеть Аль-Акса, базилика в честь Пресвятой Богородицы, обращенная в мечеть халифом Омаром. Обширное подземелье под мечетью известно под названием Ковчег Соломона. Это сооружение 83 м в длину и 60 м в ширину, составленное из 13 арочных сводов, поддерживаемых 83 столбами из крупных камней, некоторые из которых монолитные.

Командор по провианту заведовал также свинарниками, курятниками и огородами. До сих пор существуют вырубленные в скале огромные площадки, отведенные под силосные башни, а также под зерно и фураж. Глубокие цистерны использовали как бассейны или водопойные желоба. Хлевы, овчарни располагались за городом.

Монастырь состоял приблизительно из 300 рыцарей и множества сержантов. Братья сержанты-ремесленники, работавшие в кузнице, швейной или сапожной мастерской, были скромнее рангом, так как не проливали кровь за Святую Землю, но они давали те же обеты, что и тамплиеры-воины. Для тяжелого труда использовались рабы, сарацинские пленники или обитатели замков, принадлежащих ордену Храма, откуда присылали на работы непокорных братьев (рыцарей или сержантов).

Рыцари носили гербовую коту¹⁰ и белую эксклавику (одежда с капюшоном), сержанты одевались в черное; коричневый цвет предназначался для рыцарей-мирян, примыкавших к ордену. Рыцари поначалу носили ворсистые (velus) плащи, но позднее они воспользовались игрой слов, чтобы носить бархат (velours). Во времена папы Евгения III (1145–1153 гг.) на одежде тамплиера появился красный крест (белый – эмблема невинности, красный – мученичества). Все нашивали на одежду большой красный крест, помещая его на груди и спине.

С появлением системы расчетов посредством денег этому ордену предоставляется единственная возможность вести расчеты по платежам между разными странами. Парижский Дом стал в XIII в. центром банковских операций тамплиеров. Командорства в Испании, Италии не сравнимы с ним по значению. Старый Храм располагался на правом берегу Сены, позади церковью Сен-Жан-ан-Грев и Сен-Жерве; Новый Храм, с массивной башней, располагался за крепостной стеной (квартал Тампль). Две группы строений состояли из просторных покоев,

где французские короли размещали своих избранных гостей. В башне Тампля хранилась королевская казна. Долгое время парижский Дом организовывал связь между провинциями ордена на Востоке и Западе. По финансовым и дипломатическим функциям приближался к нему лондонский Дом. Первый Дом ордена Храма в Лондоне был расположен за Холборном, на северо-западе Сити. Имение состояло из огорода, фруктового сада, кладбища и круглой церкви со служебными постройками, окруженными рвом. Здесь находился административный центр лондонского бальяжа¹¹ и орденская цитадель – укрепление английской провинции. Основание провинции связано с пребыванием Гуго де Пейена в Англии и Шотландии после Собора в Груа. В этих странах орден развернулся только с восшествием на престол Стефана Блуаского в 1135 г.

Рыцари разделяются по сословиям: благородные рыцари, служащая братия, капелланы ордена. Главными должностными лицами поначалу были: магистр – подчинен в большинстве случаев решению капитула, где сам имел 1 голос; сенешаль – ведал снабжением и бытом Дома; маршал – отвечал за военную подготовку и дисциплину в монастыре, который часто возглавлял во время войны; смотритель одежд – занимался экипировкой. Командоры трех Провинций Востока (Иерусалима, Триполи и Антиохии) подчинены только магистру и генеральному капитулу; каждый имел под своим началом маршала и смотрителя одежд. За командорами провинций (шателенами – управляющими замками) и командорами Домов; были командоры рыцарей, повиновавшиеся маршалу своего монастыря. Смотрители Домов (часто сержанты) управляли сельскими владениями ордена. Не являлись частью ордена оруженосцы (наемные, получавшие приказы от знаменосца) и туркополы – легковооруженные отряды наемников из местных жителей, сражавшиеся

¹⁰ Особая одежда, на которой изображался собственный герб рыцаря.

¹¹ Орденский округ во главе с администратором высокого ранга – Бальи (от старофранцузского baillif – править, управлять).

под командой рыцаря из монастыря туркополье (turkorolier). Наиболее гибкой структурой обладали провинции Запада: Франция, Англия с Шотландией и Ирландией, Фландрия, Овернь, Пуату, Аквитания, Прованс, Каталония, Арагон, Португалия, Апулия, Сицилия, Венгрия. Всюду имевшиеся магистры или командоры нередко управляли одновременно несколькими провинциями. Существовали визитеры (смотрители-контролеры) инспектировавшие Дома одной или нескольких провинций. Тамплиеры объединялись в капитулы двух видов. Обычный капитул собирался раз в неделю для решения вопросов каждодневного управления имуществом командорства. Генеральный капитул состоял из всей братии монастыря, великих бальи (высших судебных чинов) и командоров всех рангов. На генеральном капитуле обсуждали администрацию ордена, назначение должностных лиц. Это была и апелляционная курия для судебных дел, возвращенных обычными капитулами. Генеральный капитул одобрял решения, принятые советом магистра, где заседали великие бальи и рыцари, занимавшиеся внешней политикой Дома. Раз в год проводились генеральные капитулы провинций.

В конце XII в. строительную деятельность развернули тамплиеры и госпитальеры, использовавшие для своих сооружений отличные архитектурные стили. Когда тамплиеры разбивали лагерь, прежде определяли место для часовни. Круглый шатер магистра устанавливался рядом с палатками маршала и командора Провинции и шатром обоза. Потом, при командоре рыцари натягивали свои палатки таким образом, чтобы лагерь разбивался по кругу, вокруг часовни. Тамплиеры, склонные к наукам Востока, возродили традицию Юстиниана, сохранившуюся в пришедших в упадок крепостях северной Сирии. Эту традицию они развили путем ее упрощения. Замки времен Юстиниана располагали 3 линиями защиты – насыпью, рвом и двумя крепостными стенами за рвом. Стены поддерживал донжон; искусно соорудилась надвратная башня. С появле-

нием латинского Иерусалимского королевства крестоносцы восстановили или отремонтировали греческие укрепления Сирии и Палестины. Госпитальеры в силу своей консервативности взяли за образец фортификационную школу, процветавшую во Франции.

Характер тамплиерского стиля раскрывается в плане Атлита – Замка Паломника (назван из-за паломников – добровольной рабочей силы) их главной крепости сооруженного при магистре Гийоме Шартрском в 1218 г. Король Иоанн предпринял строительство замка на юг от Цезарей (цезарейский замок¹²). В новой марке (провинции) ордена он решил со своей стороны укрепить мыс Атлит, чтобы преградить дорогу к Хайфе. Укрепление это занимает узкий скалистый и песчаный мыс. Башня стоит на востоке, рядом с морем, на выступе горы. Тамплиеры соорудили две прямоугольные в плане башни перед фронтоном из четырехугольных отполированных камней. Использовался камень и цемент, замешанный на морских ракушках. Высокая стена с зубцами, связывает обе башни, с лестницами внутри. Другая стена простирается между берегами и охраняет колодец с пресной водой у конца полуострова. Замок окружен со всех сторон стеной с башнями, которая поднимается от самой отмели; внутри нее часовня с палатами и хозяйственные здания. Владение располагает рыбными промыслами, солончаками, лесами, выпасами, пахотными землями, пастбищами, виноградниками и фруктовыми садами. Единственная оборонительная линия на Атлите – толстая стена, сооруженная из каменных блоков, усиленная прямоугольными башнями, с полукруглыми в плане фасадами. Донжоны – главные башни замка, вынесенные наружу на самом опасном направлении. Стены тонкие, по сравнению с куртиной (участок стены между башнями), деревянные галереи поверх башен для усиления их оборонительной мощи не использовались. Неприступность Атлита обеспечена высотой стен

¹² Тамплиеры поначалу называли замок – «Замком Сына Божьего».

и препятствием в виде глубокого рва в уровень с морем, выдолбленного в скале под башнями. Замок Паломника обладал морским портом, который позволял во время осады снабжать его обитателей всем необходимым или эвакуироваться.

Марион Мервиль считает, что прототипом оборонительных сооружений Замка Паломника служит замок Тортозы, морская крепость, хорошо показавшая себя во время осады 1188-1189 гг. Замок Тортозы принадлежал ордену с 1169 г. Ров на уровне моря изолировал крепость, а к единственному главному входу вела дамба. Каменоломней послужили развалины одного из финикийских городов. Внутри крепостных стен, слева от площади, возвышался сводчатый зал в форме галереи, который освещали 6 больших окон. По длине его разделяли прямоугольные колонны, поддерживающие своды. Как и круглая церковь ордена Храма в Лондоне, зал украшен Агнцем, несущим хоругвь, и крестом, поросшим листвой и цветами. Часовня была в том же стиле с прямоугольным завершением, без апсиды, и освещенная окнами в стрельчатых арках, также выходящих на площадь. «Со стороны моря все еще виднеется основание огромного донжона продолговатой формы, с откосом рва, облицованным камнем ... длинная сторона донжона насчитывает не менее 35 метров, а с запада короткая сторона была прикрыта двумя навесными квадратными башенками. Под этим массивом еще сохранились просторные казематы, которые сообщаются с морем посредством потайного хода, начинающегося на уровне воды ... башня, изолированная от остального замка глубоким рвом» [9, с. 185].

После падения Святого Града Акра и Тортоза стали главными центрами паломничества на Востоке. Тамплиеры следуют правилам латинской Иерусалимской церкви, близкой к кармелитской практике. По статутам, новоприбывшие и те, кому возраст или ранения мешают совершать обычные колелопреклонения, размещаются в глубине часовни. Мессы были открыты для

мирян и очень посещаемы. Братия причащалась три раза в год: на Рождество, Пасху и Троицу. В 1312 г. французский король Филипп IV¹³, стремясь завладеть огромным богатством ордена, вынуждает Вьеннский собор запретить орден тамплиеров.

Тевтонский орден. Во время третьего крестового похода жители Бремена и Любека основывают около Акко госпиталь, из которого впоследствии образуется Немецкий (Прусский или Тевтонский) орден. Целью ордена, основанного в 1128 г. небольшой группой богатых немцев (впоследствии братьями св. Марии тевтонской), было оказание помощи больным и бедным паломникам германского происхождения. Около 1189 г. сын Фридриха I Гогенштауфена придал новому ордену военный характер, дал ему устав тамплиеров и форму одежды (белый плащ с черным крестом) и назвал орден «Домом св. Девы Иерусалимской». В 1191 г. папа Климент III утвердил устав ордена, орден называли тевтонским. В 1198 г. он прочно осел в Германии. Став военным учреждением, орден сохранил свой первоначальный характер религиозно-благотворительного учреждения со многими правилами монастырской жизни, часто пополнялся членами германских аристократических фамилий.

В 1226 г. под руководством магистра Германа фон Сальца орден берет на себя задачу покорения и обращения в христианство язычников пруссов. На их территории он создает хорошо организованное прусское государство, а свою резиденцию в 1309 г. переносит в Мариенбург. Тевтонский орден с 1237 года включал ливонских рыцарей (меченосцев)¹⁴. По уставу запрещено принимать в орден местных жителей.

¹³ Филипп IV Красивый (1268—1314) — французский король с 1285 г. Против тамплиеров были выдвинуты обвинения в ереси, служении сатане, противоестественных пороках и т.п. В результате инквизиционного процесса были подвергнуты пыткам и публично сожжены руководители ордена, включая его великого магистра.

¹⁴ Меченосцы (Орден меченосцев, Братия Христова воинства) — духовно-рыцарский орден, основанный в 1202 г. для завоевания и крещения земель ливов, эстов, литов и других прибалтийских народностей и племен. В 1237 г. объединен с Тевтонским орденом.

В начавшейся в 1361 г. войне с Литвой Тевтонский орден захватил Каупу (Ковно). С 1377 г. после смерти литовского князя Ольгерда, ведется борьба за власть, в которую вмешивается орден. В 1392 г. Витовт получил великокняжеский стол в Литве, и в войне 1394-1398 гг. отдает Тевтонскому ордену Жмудь. В 1410 г. Польша и Литва, со вспомогательными отрядами русских и татар, напали на владения ордена и 15.07.1410 г. произошло сражение при Грюнвальде и Танненберге, окончившееся полным поражением ордена: рыцари сдавали замки и уезжали в Германию. В 1432 г. Ягайло, в союзе с западными славянскими князьями, предпринял поход против Пруссии. В 1433 г. заключен Брестский мир, по которому орден уступил Польше ее завоевания. В 1464 г. был заключен в Торне мир, орден признал вассальную зависимость от Польши – гохмейстер приносил присягу польскому королю и утверждался им. В 1511 г. гохмейстер ордена Альбрехт Гогенцоллерн (Hohenzollern) отказался от присяги Сигизмунду I¹⁵, вследствие чего в 1519 г. поляки опустошили всю Пруссию. Альбрехт в 1525 г. секуляризировал орден и получил его от польского короля в лен в качестве герцогства.

В XIV в. устройство ордена установилось. Рыцари давали обеты целомудрия, послушания и бедности. Во главе ордена стоял гохмейстер, избираемый старшими рыцарями, при котором в качестве совещательного и в тоже время контролирующего его действия учреждения был орденский капитул. Землями ордена в Германии управлял дейтмейстерг, надзиравший над гохмейстером и один имевший право собрать общий капитул. Общий капитул собирался один раз в год: издавал законы, назначал высших сановников, мог лишать гохмейстера сана. Гохмейстер имел 5 помощников: великого комтура (финансы), верховного маршала (военные дела), верховного госпиталиера,

верховного гардеробмейстера и орденского казначея. Гохмейстер был верховным повелителем; он утверждал и магистра ливонского ордена. Его помощники были своего рода министрами. Все земли ордена были разделены на области, которыми управляли особые комтуры. Все должности замещались исключительно рыцарями ордена, что вызывало недовольство духовенства, а также дворянства и горожан.

Его окончательный распад в остальных провинциях наступает во время Реформации. Хотя орден отменен в 1806 г. декретом Наполеона, орден продолжает существовать, находя себе применение в военно-санитарном деле. Реформа (завершившаяся в 1929 г.) упраздняет должность «братьев-рыцарей». Как и в самом начале основания, в составе «Немецкого (Тевтонского) ордена» остаются только священники и братья без сана. В 1938 г. орден расформирован национал-социалистами. В настоящее время орден причисляется к регулярным каноникам.

Заключение. В возникших в XII веке духовно-рыцарских орденах кроме монашеских обетов безбрачия, бедности и послушания, их члены давали обет с оружием в руках защищать христиан и христианскую веру. Духовно-рыцарские ордена приносили обет верности римскому папе и были выведены из подчинения епископам и светским государям. Национальные ордена были в большей степени связаны с местными государями, а орден меченосцев и с епископом. Владения орденов были объединены в провинции и округа комтурии во главе с комтурами и капитулами. Каждый орден возглавлял великий магистр, резиденция которого у иоаннитов, тамплиеров и тевтонов находилась в XII-XIII веках в Святой Земле. Генеральный капитул собирался нерегулярно и играл лишь подчиненную роль. Орден иоаннитов, включал в себя членов разных наций и соответственно им делился на восемь «языков»: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Англия, Германия и Кастилия. Каждая нация (язык) состояла из приоратов, подчиненная приору и, в свою оче-

15 Сигизмунд I (Zygmunt) Старый (1467—1548), король польский и великий князь литовский с 1506 г., из династии Ягеллонов. В 1526 г. включил Мазовию (Mazowsze) в состав Польши.

редь, главному приору округа. Высшая власть в ордене была поделена между магистром и генеральным капитулом, которому принадлежала законодательная власть и выбор главы ордена. Исполнительными органами являлись великий магистр и состоящий при нем совет (*consiglio ordinato*); финансами ведала особая камера. Великий магистр избирался пожизненно и утверждался в своем сане папой. В XIV веке установилось устройство тевтонского ордена, организованного во главе с гохмейстером, избираемым старшими рыцарями. При нем в качестве совещательного и контролирующего его действия учреждения был орденский капитул, собираемый раз в год. Гохмейстер имел пять помощников: великого комтура (финансы), верховного маршала (военные дела), верховного госпиталяра, верховного гардеробмейстера и орденского казначея. Все земли ордена были разделены на области, которыми управляли особые комтуры. Когда Восток был христианами потерян, борьба с неверными отошла на второй план, вновь уступая место задачам каритативным. Но каритативная цель орденов часто закрывала собой финансовую деятельность, ведущую к обогащению и отдалению от монашеских идеалов.

Литература

1. Heimbucher, M. *Die Orden und Kongregationen der Katholischen Kirche*, 2 Bde. / M. Heimbucher. – Paderborn: Schöningh, 1933–1934.
2. Хольц, Леонард. *История христианского монашества* / Л. Хольц. – СПб.: Святой крест, 1993. – 425 с.
3. Герье, В.И. *Западное монашество и папство*. / В.И. Герье – М.: Т-во «Печатная», 1913. – 334 с.
4. Рожков, В. *Очерки по истории римско-католической церкви: курс лекций Московской духовной академии* / В. Рожков. – М.: Колокол, 1994. – 305 с.
5. Карсавин, Л.П. *Монашество в средние века* / Л.П. Карсавин – М.: Высшая школа, 1992. – 192 с.
6. Тальберг, Н. *История христианской церкви*: В 2 ч. / Н. Тальберг; сост. цикла И. Розова. – М.: Интербук; Нью-Йорк: Астра, 1991. Т. 1. – 2.
7. Голицын, А.И. *Ядро хронологическое истории Всемирной, от начала света до кончины Екатерины: Содержащее Хронологию Истории Священной и гражданской; основание и перемену Государев и их владетелей; Вселенские и частные Соборы; когда*

они существовали, кто на них присутствовал и повод их созыва; главные ереси заблуждения и основателей оных; достопамятныя в свете происшествия, великих людей деяния, славные брани, возмущения, мирные трактаты, учреждения монашеских обществ, кавалерских Орденов, изобретения в Науках, Художествах, и прочая: Собранные из разных достоверных летописей / А.И. Голицын; В 4 ч. – М.: В вольной тип. Гария и Комп. 1804–1805. – Ч. 2. – 1804. – 322 с.

8. *Уложение Священного воинского ордена Иерусалимского вновь сочиненное по повелению Священного Генерального капитула собранного в 1776 году под началом его преимущественного высочества великого магистра брата Еммануила де Рогана в Мальте 1782 года напечатанное*: В 24 ч. / Пер с итал., лат. и фр. на рос. Т. Андреевского [и др.]. – СПб.: Печ. в Имп. тип., 1800–1801. – Ч. 1. – 1800. – 547 с.

9. Мервиль, Марион. *История ордена тамплиеров* / Марион Мервиль; пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько. Науч. ред. М.Ю. Медведев. – СПб.: Евразия, 2000. – 416 с.

10. *Католическая энциклопедия*. В 4 т. / Т. 1: А–З / Ред.-изд. О. Григорий Цёрох OFM Conv (председ.) и др. – М.: Изд-во Францисканцев, 2002. – 1906 с.

11. *Христианство: Словарь*. / Под общ. ред. Л.Н. Митрохина и др. – М.: Республика, 1994. – 559 с.

12. *Христианство. Энциклопедический словарь*: В 3 т. / Под ред. С.С. Аверинцева. – М.: БРЭ, 1993–1995. Т. 1–3.

13. *Хроника христианства*. Пер. с нем. В. Годфрида. – М.: ТЕРРА, 1999. – 464 с.

14. *Новейший философский словарь* / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Сакун, 1998. – 896 с.

15. *Советский энциклопедический словарь* / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. – 1600 с.

ORDERS OF KNIGHTHOOD: FORMATION AND DISTRIBUTION HISTORY

Kolosovskaja A.N.

For protection of pilgrims and wounded men on the Holy Land knights had been founded spiritually-military orders. In the states of crusaders began to build numerous fortresses in which could take cover from Moslems set of knights. The Knights Hospitaller (later 1530 the Sovereign Military Order of Malta) are known as the Christian organization based in 1023 in Jerusalem arose around the work of an Amalfitan hospital, wich form – a black raincoat and a white cross. After the Western Christian conquest of Jerusalem in 1099 during the First Crusade, the organisation became a religious and military order under its own charter, and was charged with the care and defence of the Holy Land. In 1119 the Knights Templar which members carried a white raincoat with a red cross has been based. The

Teutonic Knights (the Order of Brothers of the German House of Saint Mary in Jerusalem) has arisen later the Knights Templar and the Knights Hospitaller and was organized under their doubtless influence (1189) though differed the national structure. Financial operations

conducted to fast growth ideals of service of riches upwards and withdrew from initial.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.01

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИЗАЙН В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Литвинова А.А.

зав. кафедрой «Дизайн архитектурной среды» БНТУ

Тема статьи – архитектурный дизайн в современном городе: состояние, проблемы, современные тенденции. Автор высказывает свое видение создания среды жизнедеятельности человека с помощью архитектурного дизайна.

Введение. Данный материал является результатом диссертационных исследований в области архитектурно-дизайнерского формирования урбанизированной среды.

Цель исследований рассмотреть архитектурный дизайн как следующий шаг в развитии архитектуры как искусства.

Одна из задач исследования выявить современные тенденции архитектурного дизайна в контексте комплексного проектирования целостной экологически целесообразной урбанизированной среды.

Актуальность данного исследования определяется следующим: перспективы реализации концепции устойчивого развития в Республике Беларусь, особенно в крупных городах, прямо или косвенно связаны с использованием архитектурного дизайна, предполагающим качественное целенаправленное улучшение состояния экосистемы, и требуют более профессиональных подходов в архитектурно-дизайнерском проектировании.

Основная часть. АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИЗАЙН – КОНЦЕПЦИЯ И КОНТЕКСТ. Реалии сегодняшнего дня таковы – дизайн все активнее проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Архитектура не осталась в стороне. Тем более что XXI век за свое первое десятилетие еще более ускорил темпы организационных, технических и технологических процессов в архи-

тектуре и строительстве, постоянную смену целевых установок, миграцию научных кадров и творческой интеллигенции. Это позволило дизайну, как более молодому и динамичному виду искусства, способствовать объективизации профессионального знания архитектора и продиктовало вовлечение в исследование профессиональных проблем комплекса культурно-антропологических дисциплин, более присущих дизайну. Дизайн в архитектуре конца XX века – начала XXI века выводит архитектурно-художественную сторону проектирования предметно-пространственной среды жизнедеятельности человека и общества на совершенно новый качественный уровень. Имея больше сходства, чем различий, архитектура и дизайн в современном мире представляют собой достаточно успешный тандем, направленный на создание максимальных возможностей для бытия человека.

В практике современного проектирования все чаще используются такие понятия как «средовой объект», «средовая система», которые более точно отражают структуру современного города. Это связано с тем, что городская среда стала более многоликой, сложной по своей структуре, по связям, возникающим между элементами систем. Все больше профессионалов в своей работе придерживаются принципа от «архитектуры объекта» к «архитектуре среды». Это значит время, когда архитектор проектировал объект изолированно от той среды, где предполагалось его построить, уходит в прошлое [1].

Сегодня быстроразвивающиеся крупные города, города-лидеры находятся на следующем этапе своей эволюции. Мы видим, как все активнее современные технологии меняют структуру общества и влияют на его духовно-культурное развитие. Рассматривая современную городскую среду как непрерывную систему неразрывно связанных городских интерьеров, наполненных не только зданиями, сооружениями и объединяющими их открытыми пространствами, но и другими составляющими – от уникальных произведений монументально-декоративного искусства до стандартных элементов городского оборудования и благоустройства, архитектор-дизайнер должен учитывать и новое ее технологическое измерение.

Мобильная телефония, беспроводной доступ к интернету, многослойные цифровые инфраструктуры обеспечивают поселениям непрерывное движение и изменение, трансформируют многочисленные процессы их метаболизма, добавляя к урбанистической структуре дополнительный пласт – информационный. Понимание технологии как отдельной сущности мирового развития сегодня меняется на ее трактовку, с одной стороны, как проявления сложных интеллектуальных процессов, с другой – как особой среды обитания человека. Феномен технологии диктует нам свои ритмы (производственные, транспортные, коммуникационные), рождает новые потребности, а также меняет саму структуру среды обитания. Именно поэтому информационно-технологическая проблематика является особо острой в контексте организации городской (урбанистической) среды [2].

Современная урбанистическая среда предоставляет широкий комплекс условий для творческой деятельности, формирующей новые направления в науке, искусстве, культуре и т.д. Архитектурный дизайн как раз и является тем новым в искусстве, которое позволяет использовать не только традиционные средства архитектуры и дизайна, но и задействовать такие новые как интерактивная архитектура, интерактивный дизайн, в ком-

плексе решая функциональные и эстетические задачи [1].

В проектировании, базирующемся на принципах средового подхода, изменяется отношение к объектам дизайна и архитектуры, так – «их создание уже не является конечным результатом проектирования, ...они рассматриваются не как самоценные формы, а как средства, обеспечивающие оптимальные условия жизнедеятельности» [3]. А это значит, что для создания оптимального диалога между человеком и урбанистической средой XXI века современной проектной практике необходимо учитывать возможности реализации цифровых интерактивных систем при жизнеустройстве города.

Для приведения городской среды в соответствие с актуальными социо-культурными процессами важно также понимать имманентность связи «информационная технология – городская организация» [2]. В этом видится одна из возможностей архитектурного дизайна, способного рассматривать город в его потенциальном развитии, переосмысливать его природу с целью создания новых свойств и характеристик городского пространства. Архитектурный дизайн даст возможность человеку находиться в более совершенной среде, более комфортной, эстетически значимой, информационно-продуктивной, экологически целесообразной. С помощью средств архитектурного дизайна, возможно полностью изменить восприятие среды; изменить сценарии, по которым «живут» городские пространства. Архитектурный дизайн позволит не только преобразовать материальное наполнение и формирование стилистической окраски городской среды, но и осмыслить ее цифровой аспект, выявить коммуникационный потенциал, и привести ее к согласию с современной моделью мира, где доминирующим явлением все больше оказывается информация.

Поэтому кроме профессиональных знаний проектирования «архитектурного объекта» требуется комплекс знаний проектирования «архитектуры среды», который поможет рассматривать город как простран-

венную форму и как процесс, как сформированное целостное образование и как пульсирующую изменчивую материю, как физическое пространство и ментальный организм. При этом использование средств и методов цифрового проектирования в архитектурном дизайне даст возможность для создания новых свойств городского пространства, адекватных его сложной и изменчивой структуре: гибридность, динамичность, адаптивность. Так, интерактивная архитектура и интерактивный дизайн смогут воплотить мобильные и динамические свойства городской среды, найти гармоничную связь между информационной и физической составляющей урбанистической структуры, реализовать в своей сущности информационный код города. Интерактивность в архитектуре (*interactivity in architecture*) имеет как минимум три уровня, каждый из которых сложнее предыдущего. Наиболее комплексный из них – физическая интерактивность, которая подразумевает изменимость самой архитектуры. Существуют интеллектуальные дома, в которых окружающая среда изменяется в зависимости от ситуации. Разработаны материалы, изменяющие свои физические свойства в ответ на воздействие на них тепла, звука, прикосновения, света и т.д. Хотя эти идеи в основном применяются сейчас в дорогих жилых домах, но за ними видится будущее и в широкой архитектурной практике, и в общественных зданиях, музеях и целых зонах городского пространства. Кроме этого «мутационного» уровня интерактивности в архитектуре существуют два низших уровня, которые легче применимы. Сегодня мы можем объединить реальность и виртуальность способами, которые были невообразимы в прошлом. Прогресс в области проекционных систем позволяет нам встроиться в саму ткань стены, и при помощи «медиа-иллюзионизма» привнести жизнь в «мертвую» среду и пространства. Интервенции такого рода могут «спасти» деградирующие районы города, некоторые участки исторических центров [4]. Такой вари-

ант интерактивной архитектуры – это еще один шаг к широкому присутствию информационных технологий в городской среде. Последний уровень – это привнесение интерактивности в сам процесс архитектурного и дизайнерского проектирования. Сегодня весь процесс проектирования – от первоначального эскизирования до составления строительной сметы и социологической апробации архитектурных объектов, проходит в виртуальной компьютерной среде. Интерактивное программное обеспечение используется уже не только для 3D визуализации, но и при создании архитектурных форм, подборе и проверке конструктивных схем. Таким образом, интерактивные компьютерные технологии оказывают влияние на архитектурное формообразование. Наряду с этим существуют и полностью виртуальные объекты, облаченные в цифровую архитектурную форму и существующие в сети Интернет.

Но архитектурный дизайн способен решать не только новые задачи. Архитектурный дизайн успешно справляется и с традиционным спектром задач архитектурной практики, например, с созданием определенного эмоционального климата проектируемого или реконструируемого городского интерьера. Здесь работают приемы колористической организации пространств, цветового дизайна, ландшафтного дизайна, светового дизайна. Все чаще мы используем при решении возникающих задач следующие тенденции современного архитектурного дизайна: возникновение и последующее слияние разных видов дизайна (свето- и интерактивный дизайн, рекламный дизайн и свето-дизайн и т.д.); экологически направленный дизайн (в том числе активное включение ландшафта в городскую среду, органичное взаимодействие ландшафта и архитектуры – «дом - холм», «дом - волна» и т.д.); возрождение ландшафтно-паркового искусства (активное включение в городскую среду ландшафтного дизайна, как неотъемлемого компонента, методом геодезии); тенденция использования средств светового

дизайна, с целью создания изменяющегося «многомерного пространства» города, свет как часть интерактивного дизайна; тенденция интерактивного дизайна – тенденция интеграции «театрализованного» пространства в городскую среду; тенденция цветодизайна: использование открытых насыщенных гамм, использование возможностей цветозкологии для создания психофизиологического комфорта, и формирования содержательного и эмоционально насыщенного городского пространства; тенденция синтеза искусств в городской среде.

Появившаяся новая форма синтеза искусств, подключающая к традиционной триаде «архитектура – живопись – скульптура» и другие виды предметного и художественного творчества, от инженерно-технического до сценографии процессов труда и быта, не только отражает новый уровень мировосприятия человека, но и дает возможность выразить новые знания о путях эмоционально-чувственного освоения сложности мира с помощью новых технологий формирования создаваемой нами «второй природы», и ее экологическое единство с естественной природной основой. Таким ярким примером, отражающим тенденции современного искусства, можно назвать интерактивное искусство (interactive art) – это искусство, которое каким-либо образом вовлекает зрителя. Например, некоторые скульптуры достигают этого, позволяя наблюдателю входить вовнутрь, заходить на, или обходить вокруг произведения. Другие работы содержат компьютеры и сенсоры, реагирующие на движение, тепло или другие виды воздействия. В противовес этому реактивное искусство, электронное или искусство погружения – это скорее монолог: произведение искусства способно менять форму в присутствии зрителя, но зритель не приглашается участвовать в этом изменении, а может лишь созерцать его.

Современные технологии в области архитектуры и строительства значительно расширили цветовую палитру и предоставили новые возможности в колористиче-

ском проектировании городской среды. Главным критерием, относительно которого должна осуществляться вся работа в области полихромной реконструкции, является создание целостного художественного образа реконструируемой городской среды с учетом использования универсальной роли цвета. При этом архитектор-дизайнер, опираясь на колористические региональные традиции, должен стремиться к повышению эколого-стимулирующих качеств архитектурной среды, к совершенствованию колористики города, к созданию гармоничной, многоплановой, визуально-комфортной архитектурной среды [5].

Архитектор-дизайнер может создавать сложную цветопластическую ткань взаимосвязанных городских пространств, в качестве интерьеров города. Причем, в зависимости от логически обоснованной сюжетной линии колористической темы, восприятие этих интерьеров может строиться как отдельными фрагментами, так и завершенной целостной картиной [6]. Такой подход позволяет представить город как сложное урбанизированное пространство, насыщенное искусственной и естественной полихромией, динамично развивающееся, постоянно изменяющееся и ощущающее на себе управляющее воздействие общества.

Полихромную реконструкцию города целесообразно рассматривать как часть общей системы архитектурно-дизайнерского проектирования, используя возможности цвета как автономного средства проектирования (цветовой дизайн) и как средства объемно-пространственной композиции (архитектурная колористика). Выбор того или иного решения зависит от конкретной ситуации. Необходимым условием является определение границ проектирования и задач проектной деятельности при полихромной реконструкции, с целью сохранения существующего саморегулирования цветовой среды или его воссоздания.

Зная, что в современной жизни все более сложными и многосторонними становятся контакты между архитектурой и дизайном с

одной стороны и психологией с другой стороны, особая роль в формировании экологически целесообразной цветовой среды отводится цветопсихологии. Цвет эмоциональнее пластики и, следовательно, психологически активнее воздействует на человека самой гаммой цветов, выбранным принципом их гармонического упорядочения.

Современная урбанистическая концепция повысила роль городского культурного окружения (городского контекста) в формировании образа города. В основу этой концепции положены два принципа: «незавершенность» фрагмента городского пространства и его «овременение». Известный архитектор Г. И. Батиашвили, будучи автором и руководителем работ по реконструкции старого Тбилиси, говорил: «Надо оставить завтрашнему дню возможность самовоспроизведения, иначе мы оставим в наследство мертвый организм».

Современный город, с одной стороны, должен быть статичен, а с другой стороны способен к динамичным изменениям. И в этом тоже одна из ролей архитектурного дизайна.

Заключение. Динамично модифицирующиеся виды и формы традиционной организации предметно-пространственных комплексов, все меняющиеся жизненные реалии требуют более активного и, главное, своевременного реагирования профессионалов «архитектуры среды» на запросы человека и общества.

И такой реакцией может стать архитектурный дизайн, в основе которого лежит многовекторный метод работы с пространством, позволяющий сформулировать общие закономерности модели художественного освое-

ния и восприятия предметно-пространственной среды – как целостной экологически целесообразной среды.

Архитектурный дизайн ориентирован на комплексное проектирование как крупных средовых систем, так и различных архитектурных объектов с позиции максимального широкого охвата взаимодействий человека с природой, с предметно-пространственным и социально-культурным окружением. При этом вопрос гармонизации среды, обладающей не только формальной целостностью, но и способной эмоционально выразить смысл и характер образа жизни, является ключевым в архитектурно-дизайнерском проектировании. (рис. 1-7, см. цветную вкладку).

Литература

1. Литвинова, А.А. *Архитектура&Дизайн - Дизайн&Архитектура. Архитектурный дизайн*. / А.А. Литвинова, АиС, №7, Минск, 2010.
2. Устинченко, Е.В., *Роль дизайнера в формировании инновационной среды города* / (Научный руководитель: канд. искуств, профессор Курочкин В.А. - УРАЛГАХ), Журнал известия вузов «АРХИТЕКТОН», №26, 2010
3. Попов, И.Е. *Методические указания к учебному архитектурному проектированию «структурно-функциональный аспект предпроектного анализа в учебном архитектурном проектировании»* / И.Е. Попов, А.В. Яровой -Харьков. ХИСИ, 1990
4. Новиков, А.В. *Пользовательское самоуправление как способ существования городских средовых объектов.* / Новиков А.В. *Архитектурные тетради.* Выпуск 2.– Мн.: БНТУ, 2006.-С.284-287
5. Литвинова, А.А. *Полихромная реконструкция города.* / А.А. Литвинова. // *Архитектура. Сборник научных трудов.* Выпуск 2, МН. 2010.
6. Литвинова, А.А. *Формирование предметно-пространственной среды методом архитектурного дизайна*/А.А. Литвинова//*Материалы международной 53-й НТК БГПА, Минск, 1999.*

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 725.182 (476)

РЕГУЛЯРНАЯ ПЕРЕПЛАНИРОВКА БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XVIII в.

Морозов В.Ф.

доктор архитектуры, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

В статье рассматриваются вопросы организации работ по регулярному переустройству белорусских городов в конце XVIII в., особенности композиции новых планов городов, их связь с европейским зодчеством и идейные предпосылки этого значительного в европейском градостроительстве Нового времени явления.

Введение. В истории градостроительства на белорусских землях можно отыскать многочисленные исторические периоды, когда изменения социальных, экономических и политических условий приводили к резкой смене в градостроительной политике, облике городов и их композиционному построению. Это капиталистическая эпоха второй половины XIX в., когда города застраивались во многом хаотично, под влиянием новых экономических факторов, социалистическая эпоха и связанное с ней социалистическое плановое переустройство городов и т. д.

Но наиболее значительные изменения в облике белорусских городов произошли в конце XVIII в., во время их регулярного переустройства после вхождения в состав Российской империи. Города получили новую планировочную структуру и застройку зданиями в классицистическом стиле. Именно тогда были заложены основы городской структуры, характерные для градостроительства Нового времени.

Основная часть. Прежде всего, определим, какова же была эта новая ситуация, новые условия, которые повлияли на формирование нового облика белорусских городов?

Изменилась государственная принадлежность белорусских земель – от Речи Посполитой к Российской империи с ее излишней централизацией власти и влиянием ментальности россиян с характерными для того

времени идеями дисциплины и порядка. Изменилась и экономическая ситуация. Белорусские земли попали в орбиту более мощного в экономическом отношении государства. Изменились политические условия. Со стороны руководства Российской империи было очевидным стремление изменить, перестроить не только города, но и порядки, унаследованные от Речи Посполитой. Изменилась и идеология. Стали господствующими идеи Просвещения с их рационализмом и практицизмом. Изменилась и организация проектирования городов. Центром отныне становится Санкт-Петербург.

Как же были организованы работы по переустройству городов? Сразу же после присоединения белорусские земли были разделены на две губернии – Полоцкую и Могилевскую, которые вскоре были переименованы в наместничества. В Полоцкую губернию вошли также псковские и курляндские земли. По существующим в то время требованиям каждая губерния должна была состоять из двенадцати уездов, и все уездные и губернские города должны были получить новые регулярные планы.

Работы по снятию планов существующих городов, порученные военным инженерам и землемерам, проводились достаточно быстро и затем этими же специалистами с учетом общих требований к устройству новых регулярных городов были выполнены предложения по их перепланировке. Все материалы отсылались в Петербург, в Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, где дорабатывались, идентично оформлялись и передавались для утверждения императрице. В 1778 году они были высочайше конфирмованы.

Кто же выполнил эти планы? Какова была роль местных специалистов и специалистов Комиссии? Из-за утраты многих архивных материалов сейчас это достаточно трудно определить. Однако имеющиеся у нас сведения и, главное, анализ композиции планов свидетельствует о том, что вклад их был обоюдным. Часть работ была выполнена землемерами на местах, что видно из рассмотрения плана Могилева, в котором точно снятая подоснова города была лишь немного подправлена – спрямлены улицы, приведены в более правильный геометрический вид площади, город был ограничен земляными укреплениями. Вклад членов Комиссии был также значителен. Об этом говорит идентичность многих приемов и принципов построения новых планов белорусских городов, близкие параметры их размеров и идентичность характера графического оформления.

Все планы были утверждены в одно и то же время – в 1778 году. Выполненные в идентичном оформлении, они были скопированы и разосланы на места с приложением указов об их осуществлении. Впоследствии они были опубликованы в книге Свода законов Российской империи [1].

Что же это были за планы? Каковы основные принципы их построения? Как они соотносились с современной им градостроительной практикой и градостроительными примерами прошлого?

На планах мы видим практически полностью обновленные города. Все они построены на регулярной основе. Их улицы прямые, площади имеют геометрические очертания. Города получили ясно выраженные границы – они обнесены земляным валом с воротами, открывающими уходящие вдаль прямые дороги. Эти планы олицетворяют собой новый, начинающийся с Нового времени процесс проектирования, идущий от замысла в виде схемы, осуществляющийся на листе бумаги и исходящий скорее из идеального построения, нежели от условий места. И здесь возникает вопрос – как же новые планы соотносятся с прежней струк-

турой города и с природным окружением? По степени учета прежней городской структуры они различаются от буквально точного ее повторения до полного изменения и построения идеально строгой геометрической схемы.

Примеров сохранения существующей планировочной структуры при незначительной коррекции направлений улиц немного. К ним можно отнести лишь Могилев и Полоцк, назначенные по новому административному делению губернскими городами (рис. 1-4, см. цветную вкладку). Сохранение планировочной структуры в этих городах было обусловлено значительной находящейся в них каменной застройкой и, главное, тем, что существующие планы этих городов в некоторой степени вписывались в приемлемый для классицистической эстетики стереотип регулярного города. Могилев в результате небольшой корректировки стал напоминать идеальный город итальянского Возрождения с радиально-кольцевой системой улиц [2, с. 43]. В Полоцке уже существовала прямоугольная сетка улиц, которая была лишь продолжена в восточном и западном направлениях и ограничена линиями земляных укреплений.

В основном же планировочная структура городов получила координальные изменения. Не взирая на существующее направление улиц, деревянную застройку и особенности рельефа, на город накладывалась прямоугольная сетка улиц, прерываемых прямоугольной же формы площадями. Вся территория города заключалась земляным валом в строгую геометрическую форму.

Зачастую новые планировочные построения создавались на свободном месте по соседству со старыми поселениями. И тогда они приобретали форму прямоугольника или восьмигранника и получали вид идеальных, замкнутых в себе организмов. Именно такими были новые планы Климовичей, Бабиновичей, и с некоторыми отклонениями – Белицы (рис. 5, 6, см. цветную вкладку). Полная симметрия построения городских пространств, мерная сетка улиц,

членящая город на идентичных размеров прямоугольные кварталы, четко ограниченные пространства площадей, орнаментально размещенные на плане, расположение площадей на главных осевых улицах, направление которых, проходя через земляные укрепления, теряется в окружающем город бесконечном пространстве -- все это заставляет нас вспомнить об идеальных планах итальянского Возрождения, которые отличает лишь присутствие не нужных для городов XVIII века звездообразной формы земляных укреплений. В проектных планах остальных белорусских городов эта идеальная схема использовалась практически повсеместно, приобретая характер своеобразного знака, ведущей архитектурной темы построения планировки, которая выполнялась с незначительными изменениями.

Если же определить место наиболее последовательного воплощения идеальных планировочных схем, то им окажется Могилевская губерния, где используются и идеальные построения, и канонические. В Полоцкой же губернии эта тема подвергалась изменениям в большей степени, а идеальных построений, за исключением плана Динабурга, не встречается.

Чем же было вызвано создание идеальной планировочной композиции и ее широкое использование? Каковы ее источники и аналоги в мировой архитектурной практике?

Конечно же, это было вызвано многими факторами, присущими эпохе в целом. Оказывал влияние век «логический» и «философский», требовавший от архитектурных построений реализации своих отвлеченных идей и определенной степени обобщения. Поэтому-то идеальные построения черпались из наследия эпохи Возрождения, из разработок английских философов-утопистов. Стремление в архитектурных построениях достигнуть идеала шло и от стилистики классицизма, носящей во многом интерпретационный характер. Черты максимализма, романтики, подчас чрезмерного увлечения новыми идеями, присущими переходному времени, проявились не только в архитекту-

ре Российской империи конца XVIII века, но и Речи Посполитой. Для этого достаточно вспомнить идеалистичные, геометрически четкие построения королевских мануфактур в Лососне и местечка Крынок.

Но все же это были общие, характерные для своего времени причины и факторы, влияющие и на строительство городов на территории России, и на присоединенных белорусских землях. Внимательно же рассматривая планы регулярных городов Российской империи конца XVIII века, мы убеждаемся, что хотя практически повсеместно главенствующее применение получила прямоугольная планировочная система, все же «идеальные», полностью симметричные построения, наложенные на прежнюю средневековую планировку городов, встречаются почти исключительно на белорусских землях, в планах городов Могилевской губернии. Причем эта схема используется здесь на редкость целенаправленно, а сами построения носят почти орнаментальный символический характер, характер символических фигур. А их использование свидетельствует о какой-то особой воле, руководителе, особой идее, бытовавшей здесь, в провинции, вдали от центра с его все обобщающим рационализмом и администрированием.

Думается, что местная архитектурная практика не могла здесь оказать столь радикального влияния, как считает И. Н. Слюнькова [3, с. 92]. Во-первых, она не была хорошо известна выполнявшим работы русским инженерам, так как тогда специальными теоретическими изысканиями никто не занимался. А, кроме того, русские специалисты вряд ли бы стремились использовать традиции градостроительства враждебного для них государства. А близкая идеальным планам планировка Чечерска, владения графа З. Г. Чернышева, была выполнена одновременно с проектными работами по переустройству белорусских городов и никак не могла влиять на них в качестве образца архитектуры предшествующих эпох. Поэтому думается, что главное здесь – в особенности

личности руководителя всех работ, генерал-губернатора Белорусского края графа З. Г. Чернышева, в его устремлениях и предпочтениях, а также в особой атмосфере, которая сложилась к тому времени в губернском городе Могилеве.

Граф З. Г. Чернышев являлся одним из главных действующих лиц екатерининского времени. В 1762 – 1776 годах он был руководителем Комиссии строения Санкт-Петербурга и Москвы, где работал рядом с И. И. Бецким. Именно непосредственно от него З. Г. Чернышев мог увлечься идеями полной перестройки действительности, создания идеальных условий для формирования нового человека, свободного от пороков современного общества. Эти идеи могли быть выражены в проектировании идеальных планов городов.

Кроме того, и это очень существенно для наших рассуждений, он был масоном. Вступил он в это общество очень рано, еще в 1747 году и к началу 1770-х годов играл в нем видную роль. Возможно, что именно благодаря влиянию З. Г. Чернышева в Могилев в 1776 году приехал известный деятель масонства И. Г. Шварц, основавший там ложу и ставший впоследствии основателем розенкрейцеров в России [4, с. 191]. И, конечно же, идеальные планы белорусских (а также русских) городов появились не без влияния руководителя работ графа З. Г. Чернышева. Ибо масоны не доверяли свои мысли словам, а стремились облечь их в символическую форму, используя для этого архитектуру. А архитектура, символическая по своей природе, по их мнению, была призвана формировать сознание нового человека.

В Чечерске З. Г. Чернышев осуществил подобный эксперимент, создав симметричное идеальное построение плана, носящее черты символики и масонских изображений, с «готической» ратушей посередине, окруженной четырьмя ротондами (символами счастья) культовых зданий, со стоящим в отдалении «готическим» замком владельца города, окруженным валом и рвом с водой (рис. 8-10, см. цветную вкладку). В этом

случае, очевидно, что именно заказчик являлся автором плана местечка, возможно заменив собой зодчего. Ибо для масона была характерна совместная с зодчим работа по созданию архитектурного произведения. Тем более что об архитектурных увлечениях З. Г. Чернышева имеется много сведений. Следует также отметить, что наличие в архитектурном произведении подчас излишних черт символики исходит от непрофессионализма автора – архитектора-дилетанта. Поэтому вероятнее всего, что граф являлся соавтором и главным вдохновителем создания идеальных построений планов новых городов Беларуси, никак не связанных с окружающей их природой и прежней средневековой застройкой и полностью противопоставляемых окружению. Эти чертежи идеальных городов, на наш взгляд, являются метафорой, передающей утопические идеи построения идеального общества будущего в окружении несовершенного, порязшего в пороке мира, который олицетворяла собой старая застройка города и его ландшафт.

Эти планы, по нашему мнению, являются своеобразным автопортретом графа З. Г. Чернышева в архитектуре, показывающим его облик и несовместимое с общепринятыми нормами «рыцарское» поведение. Об этом свидетельствуют воспоминания современников, рисующих облик старого воина, не льстившего и не заискивающегося перед императрицей, в частности, во время ее посещения в 1780 году Могилева [5, с. 175].

Если же продолжить поиск источников, оказавших влияние на создание регулярной планировки белорусских городов, то необходимо обратиться к архитектуре Франции. Именно из Франции в екатерининскую эпоху, особенно в ее первую половину, был воспринят сам дух абсолютизма и многие сопутствующие ему государственные программы. Так Вольтер при посещении России советовал Екатерине II заняться прокладыванием дорог, и эта работа была активно проведена в особенности на землях

Беларуси одновременно с регулярным переустройством городов. Радиальные направления дорог, изображенные на картах империи совместно с регулярными городами, являлись зримым воплощением идеи регулярности государства просвещенного абсолютизма. Из Франции, от идей Декарта были восприняты идеи рационализма в устройстве городов, идеи о необходимости изменения сложившейся средневековой застройки по замыслам геометрических построений одного автора. Белорусские города по аналогии с Парижем, в соответствии с его описанием, выполненным аббатом Ложье, приобретали некоторые качества французской столицы – ограничивающие город линии укреплений, ожерелье триумфальных арок, сочетание в построении регулярного и живописного начал [6, с. 96-100]. В их планировке ощутимо характерное для эпохи Просвещения усиление гражданских начал и ослабление религиозной идеологии, что проявилось в устройстве обширных пространств площадей и улиц для народа, смещении культовых зданий с главных мест в городе.

В то же время мы замечаем, что на планах белорусских городов отсутствуют лучевые построения и повсеместно использована прямоугольная сетка улиц. В эпоху классицизма, учитывая широкое распространение аллегорических построений, их большую знаковую и заложенную в программе стиля следование лучшим образцам архитектуры прошлого, можно сказать, что лучевые построения являлись знаком столичности, так как были осуществлены в Риме, Париже и Петербурге. А в белорусских городах подобных знаков по мысли проектировщиков не должно было быть, и они целенаправленно наделялись символами провинциальности.

Каким же образом на новых планах была намечена новая застройка города? Намечены были не все дома, а лишь основные, соответствующие складываемому в представлении общества военно-административному стереотипу города. Это были присутственные места, гостиные дворы и магазины, церкви и гауптвахты. Их предполагалось вы-

полнить из камня – излюбленного материала классицистического зодчества, и они располагались, в основном, в застройке кварталов, окаймляющих обширные пространства площадей. Причем главными здесь были не здания, а пространства площади, ограниченные линиями застройки и фасадами проектируемых зданий. Пространства площадей создавались незаполненными, предназначались для больших масс людей и лишь прямоугольники гостиных дворов подчас занимали ее центральную часть. Сразу же следует отметить, что схематично намеченные под застройку места, выходящие на площадь, впоследствии не были застроены «сплошной фасадой», так как для этого не хватало объемов зданий.

Как же были реализованы эти регулярные планы? Несмотря на жесткие требования им придерживаться при строительстве, далеко не во всех городах они были осуществлены в конце XVIII века. В Витебске из-за неточного снятия подосновы регулярный план оказался полностью неосуществимым и лишь к концу XVIII века был заменен новым планом. Места расположения новых городов Бабиновичей и Белицы были выбраны неудачно, и в 1790 году они получили новые планы [3, с. 97].

Устройство регулярной планировки столкнулось с большими трудностями, – необходимы были огромные материальные затраты для их осуществления, а, кроме того, некоторые детали планов не могли быть выполнены из-за большого объема земляных работ. Поэтому было дано разрешение могилевскому губернатору П. Б. Пассеку в 1783 году допускать некоторые отклонения от подтвержденных планов [7, с. 189]. И хотя многое из задуманного на планах никогда осуществлено не было (устройство фортификации, кордегардий на въездах в город, гостиных дворов в виде огромных прямоугольных в плане строений), но, тем не менее, уже после утверждения новые планы стали проводником классицистических идей, рационалистических требований не только в

конце XVIII века, но и вплоть до конца XIX века.

Заключение. Рассмотрение опыта регулярного переустройства белорусских городов, где наряду с казенными были выполнены перепланировка частновладельческого города Чечерска, находящегося в ведении руководителя Комиссии строения Санкт-Петербурга и Москвы графа З. Г. Чернышева, позволяет утверждать, что работы по регулярному переустройству городов во всей Российской империи были predeterminedены не только идеологией Просвещения, но и масонскими идеями.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. - собрание первое / СПб., 1830-1851 - Книга чертежей и рисунков. - 1839. - 417 с.
2. Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII - первой половины XIX веков / НИИ теории архитектуры и градостр-ва; под ред. Н.Ф.Гуляницкого. - М.: Стройиздат, 1995. - 404 с.
3. Слюнькова, И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII - середины XIX в. / И.Н. Слюнькова. - Мн.: Наука и техника, 1992. - 114 с.

УДК 72.03 (470.40)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСТАНА: РАЗВИТИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Надырова Х.Г.

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань

В статье рассматриваются формирование системы расселения Волго-Камья в X - середине XVI вв. в рамках государств: Волжско-Камская Булгария, Булгарский улус Золотой Орды и Казанское ханство. Установлено, что в рассматриваемый период с появлением нового государства в регионе изменялась иерархия городов в системе расселения и формировалась новая столица. Система расселения Волго-Камья расширила пространства цивилизованного мира средневековья.

Введение. Современный Татарстан расположен в Волжско-Камском регионе, где в период средневековья последовательно существо-

4. *Масонство в его прошлом и настоящем: в 2 т. / под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова: Репринтное воспроизведение издания 1915 года: - М.: Сп «Икпа», 1991. - Т. 1. - 255 с.*

5. *Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М.О. Без-Корнилович. - С-Пб.: Тип. III отд. Е.И.В. Канцелярии, 1855. - 356 с.*

6. *Саваренская, Т. Ф. Западноевропейское градостроительство XVII - XIX веков: эстетические и теоретические предпосылки / Т.Ф.Саваренская. - М.: Стройиздат, 1987. - 190 с.*

7. *Сытин, П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования: в 3 т. / П.В. Сытин. - М., 1950 - 1972. - Т. 2: 1762 - 1812. - 1954. - 622 с.*

REGULAR REPLANNING OF THE BELARUSSIAN CITIES IN THE END OF THE XVIII C.

Morozov V.F.

The article is about the organization of the process of belarussian cities' space and planning reconstruction in the end of the XVIII c. There are considered the composition peculiarities of the new cities' plans, their connections with the European architecture, and the idea base of this process as the important event of the modern European urbanism movement.

Поступила в редакцию 21.04.2011

вали государства: Волжско-Камская Булгария, Булгарский улус Золотой Орды и Казанское ханство. Исследование средневековой системы расселения в Волго-Камье, послужившей основой для региональной системы расселения в составе Российского государства, и на современном этапе - в рамках Республики Татарстан, имеет важное значение для установления преемственности, традиционных закономерностей и структурных особенностей в развитии региона, а также для выявления градостроительного наследия и

определения его национально-культурной значимости.

Основная часть. С целью выявления точной системы расселения по отдельным временным периодам, которым соответствовали городища и поселения соответствующих культур добулгарского, собственно булгарского и золотоордынского времени, автором собраны воедино различные материалы. Объекты наследия различных археологических культур от палеолита до времени Казанского ханства, выявленные на территории Волго-Камья, в 1980-е – начале 1990-х впервые были сведены в серию Археологических карт Татарской АССР [1].

В последующие десятилетия они были значительно дополнены и уточнены [2].

Территорию Волго-Камья, разделенную двумя большими реками Волгой и Камой на три крупные зоны: Предкамье, Предволжье и Закамье, издавна населяли люди в постоянных поселениях. При этом с V до сер. XVI вв. известно несколько волн нашествия в регион кочевых племен, часть из которых оседала, другие – откочевывали в юго-восточные и южные степи. Появление и развитие первых городов в Волго-Камье обусловлено сложением в конце IX – начале X вв. государства Волжско-Камская Булгария. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях помимо Булгара (Великого города)¹ в Волжско-Камской Булгарии в связи с определенными событиями упоминаются города Тухчин, Торцк (Торческ), Бряхимов, Собекуль, Челмат, Ошель и другие [3, с. 17-29]. В действительности их было значительно больше.

В западной части Закамья на территории современного Татарстана сосредоточено около половины известных археолого-градостроительных памятников Булгарии. Среди них 97 городищ. Из них Билярское горо-

дище связывают со столицей государства Биляр (Булгаром, Великим городом); Булгарское городище – с портовым городком Булгаром; Татгородокское городище – со вторым по значимости городом Булгарии Суваром; Донауровское городище – с г. Джукетау и т.д. Восточное Закамье в домонгольский период было заселено слабо и на его территории выявлено 7 городищ, исторические названия которых, как и подавляющего большинства булгарских городов, остались неизвестны [4, с. 30-31].

Территория Предкамья в булгарский период была заселена относительно слабо. Из ряда выявленных археологами булгарских поселений было только 10 городищ. Из них пять памятников определены как остатки военных крепостей на высоких берегах рек, четыре – как остатки городов (Елабужское городище X-XVI вв., Кирменское городище X-XI вв., Кашанское I городище XI-XIV вв., Чалыньское городище XI-XVI вв.) [5, с. 32-37]. Самые северные памятники домонгольского периода Булгарии выявлены в бассейне р. Казанки, где на рубеже X-XI вв. возник торговый пункт, известный позднее как Казань.

В предволжской части Волжско-Камской Булгарии известно свыше 60 городищ домонгольского времени. Из них 36 памятников расположено в предволжских районах Татарстана, 21 – на территории Пензенской области, остальные – в Ульяновской области. Остатками городов являются Деушевское, Красносундюковское I и Староалейкинское городища на берегах р. Свяги, Хулашское городище на берегу р. Кильны, Городищенское городище на правом берегу Волги, Криушское II городище, Вальнское городище (Муромский городок) и другие. Богдашкинское городище сохраняется на месте легендарного булгарского города Ошель [6].

Вокруг каждого города существовала сельскохозяйственная округа с сетью селений. Наиболее плотно относительно равномерной сетью булгарских селищ была покрыта территория центральных районов Булгарии в зоне Закамья. В системе расселения Волжско-Камской Булгарии немаловажную роль иг-

¹ Под данными названиями в летописях известна столица Волжско-Камской Булгарии Биляр. Слова «булгар» и «биляр» в понимании русских являлись синонимами и обозначали названия родственных булгарских племен, которые отразились в наименованиях булгарских городов: Биляр, Булгар, Сувар и т.д.

рала сеть дорожных коммуникаций, без которой, несмотря на большую значимость водных путей, государство не смогло бы существовать. Главным в этой сети был трансконтинентальный караванный путь из Средней Азии в Древнерусское государство, связывавший Киев, Биляр, Ургенч и другие крупные города Мавераннахра [7].

Наряду со стационарной системой расселения в Булгарии существовала система кочевого, а вернее, полукочевого расселения. В нее входили территории ежегодного сезонного кочевания родственных групп племен, которые были традиционно за ними закреплены. Так называемые археологические местонахождения булгарской керамики и бытовых изделий без выявленных остатков стационарных построек в соответствующих ландшафтных условиях, очевидно, являются местами летних стойбищ. Помимо этого, на территории Волго-Камья находятся многочисленные курганы, которые маркируют места бытования кочевников. Сезонные поселения формировали кочевую (полукочевую) систему расселения региона. Оседлая и кочевая системы расселения взаимно дополняли друг друга и отражали специфический, традиционный образ жизни булгарского населения.

В 1236 году Волжско-Камская Булгария и ее столица Биляр были разгромлены монгольскими войсками. Ее территория как Булгарский улус была включена в состав государства Улус Джучи (Золотая Орда). Большинство булгарских городов и селений после погрома не восстанавливались. После гибели Биляра, столичные функции в регионе, как центру улуса, перешли к Булгару, расположенному в северо-западной части Закамья недалеко от Волги. Возрождение и дальнейшее развитие его в рамках Золотой Орды было обусловлено его выгодным географическим положением вблизи Волги.

Городища, датированные только золотоордынским временем, в закамской части региона не выявлены. Часть поселений домонгольского времени была восстановлена. В Закамье известно 85 селищ золотоордынского периода, из которых 51 возникло в

указанный период, а остальные продолжали существовать с домонгольского времени. Селища группировались в северной половине Западного Закамья по левому берегу Камы и ее левым притокам. По р. Малому Черемшану золотоордынские селища известны в районе бывшей столицы – Биляра. По левобережью Волги селища этого периода известны в окрестностях г. Булгара, на водоразделе рек Бездны и Утки. В нижних течениях рек Малый и Большой Черемшан и Сульча золотоордынские селища не встречаются.

В Предволжье основным районом сосредоточения археологических памятников золотоордынского периода стали бассейны рек Улемы и Сухой Улемы, а также правый берег Волги. Возникновение городов и селений в золотоордынское время в Предволжье происходило на фоне гибели селений домонгольского времени на Верхней и Средней Свияге.

В Предкамье в золотоордынский период увеличившееся население расселялось в бассейнах правых притоков р. Камы и р. Казанки. Большим торгово-ремесленным центром округа в бассейне р. Казанки становится Камаевское городище и являвшееся его посадом Урматское селище. К золотоордынским поселениям с булгарскими корнями относились Арча, Казань и Ашит.

В золотоордынский период во всех трех зонах поселения всех типов тяготеют к берегам Волги и Камы и их притоков. Сеть таких поселений значительно уплотняется, что отражало общую тенденцию в системах расселения других регионов Золотой Орды. Кочевой (полукочевой) компонент в Булгарском улусе получил дальнейшее развитие, поскольку Золотая Орда являлась оседло-кочевым государством. Сложившаяся в Булгарии система сезонных кочевков и стойбищ была сломана в связи с демографическими изменениями в регионе и притоком кочевого населения. С развитием Булгарского улуса шел процесс становления новой кочевой (полукочевой) структуры, входившей составной частью в систему расселения региона.

После развала Золотой Орды Булгарский улус распался на несколько независимых княжеств. На основе Казанского княжества в середине XV в. сформировалось Казанское ханство.

Для выявления системы расселения Казанского ханства данные археологических исследований были дополнены картографическими материалами, составленными на основе русских писцовых книг конца XVI – первой половины XVII вв. Большой вклад в реконструкцию системы расселения Казанского ханства внес Е. И. Чернышев [8, с. 272–292]. Система расселения Казанского ханства также строилась как улусно-даружная, только в меньшем масштабе и, вероятно, видоизмененная [9]. На территориях Предволжья и Предкамья система расселения приобретает равномерную структуру, представленную помимо столицы Казани в основном городами-крепостями, являвшимися центрами административно-территориальных областей – даруг (Арск, Чаллы, Алат, Зюри и другими), городками – вотчинными центрами, военными крепостями и сельскими поселениями. Вместо оседлой системы расселения, в которую включалась сезонная полукочевая структура, в Закамье практически стала преобладать кочевая система расселения. Небольшое количество стационарных поселений на правобережье Камы и в районе Булгара, оставшееся от прежней системы расселения этой зоны, не играли существенной роли и не могли противостоять кочевникам Ногайской орды, вытеснившим прежнее оседлое население. С этой зоны в ханскую казну Казани поступал налоговый «выход» (ясак), хотя кочевое население фактически относилось к Ногайской орде.

Заключение. Результатом исследования явилось создание модели развития системы расселения Волго-Камья X – середины XVI вв. в рамках государств региона на периоды их расцвета. Модель показала, что система расселения региона обладала особенностью пространственной организации, которая определялась устойчивым сохранением Волги и

Камы как каркасных коммуникаций региона. С одной стороны зоны региона разделялись реками, а с другой – связывались этими водными путями. Издавна сложившаяся в регионе система бродов, переправ связывала их берега. Зимой ледяные дороги напрямую связывали зоны государств. Жизнь государств в этот период строилась вокруг этих водных коммуникаций.

Система расселения региона с начала X до середины XVI вв. отражала изменения в градостроительном развитии Волго-Камья в рамках названных государств. Волжско-Камская Булгария, Булгарский улус Золотой Орды и Казанское ханство являлись государственными образованиями с иерархичной системой расселения. В этой иерархии было характерно преобладание по габаритам и архитектурно-градостроительной значимости одного столичного города, что обуславливалось особенностями государственного устройства с сильной центральной властью, и соподчинение им меньших по масштабам городов.

В этих государствах последовательно складывались собственные системы расселения, обладавшие преемственностью друг с другом только в определенной степени. Часть поселений существовала на своих местах в течение всего средневекового периода, при этом могли изменяться тип и величина поселения. При периодическом вкраплении кочевых элементов в систему расселения, регион Волго-Камья оставался в средневековый период пространством градостроительного развития с устойчивым оседлым расселением, получившим в дальнейшем развитие в рамках Русского государства.

Литература

1. *Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье* /АН СССР. Казан. фил. – М.: Наука, 1981. – 210 с.; *Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье* /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1985. – 116 с.; *Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. – Ч. I.* /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1986. – 110 с. *Археологические памятники Восточного Закамья* /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1989. – 99 с.; *Археологические памятники бассейна р. Черемшан* /АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1990. – 112 с.; *Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада* /

Рос. АН, Казан. науч. центр, ИЯЛИ. – Казань, 1992. – 144 с.; Хузин Ф.Ш. *Булгарский город в X-XIII вв.* / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с.; Губайдуллин, А.М. *Фортификация городищ Волжской Булгарии* / А.М. Губайдуллин. – Казань, 2002. – 232 с.;

2. *История татар с древнейших времен в семи томах. Т.II. Волжская Булгария и Великая Степь.* Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. (Под ред. Усманова М. и Хакимова Р.). – 956 с.;

3. Бурханов, А.А. *Золотоордынские памятники Поволжья: некоторые итоги, проблемы и перспективы изучения, сохранения и использования памятников в Среднем и Нижнем Поволжье (по материалам исследований поселений XIII-XVI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье в 1995-2004 гг.)* / А.А.Бурханов // *История и современность.* - №1, Март, 2007. – С. 85-108.;

4. Бурханов, А.А. *Археология Казанского ханства: история изучения, итоги последних исследований и перспективы* / А.А. Бурханов // *Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования.* – Казань, 2002. – С. 246-267; Руденко, К.А. *Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура* / К.А Руденко. – Казань: Школа, 2007. – 241 с.

5. ПСРЛ. Т. 1. *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку.* М.:Изд-во вост. лит-ры - 1962. с.520. - стб. 352-353, 390, 460.

6. Хузин Ф.Ш. *Булгарский город в X-XIII вв.* / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с. – С.17-29.

7. Хузин Ф.Ш. *Булгарский город в X-XIII вв.* / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с. – С.30-31.

8. Хузин Ф.Ш. *Булгарский город в X-XIII вв.* / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с. – С.32-37.

9. Моця, А.П. *Булгар – Киев. Пути. Связи. Судьбы* / А.П. Моця, А.Х. Халиков. – Киев, 1997.

10. Чернышев Е.И. *Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)* / Е.И.Чернышев // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья.* – Казань, 1971. – С. 272-292.

11. Галлямов, Р. *Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции* / Р. Галлямов // *Казанское ханство: актуальные проблемы исследования.* – Казань: Фэн, 2002.

DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SETTLEMENTS OF THE VOLGA –KAMYA IN THE X - THE MIDDLE OF XVI CENTURIES

Nadirova K. G.

In clause is considered by formation and development of the system of settlements of the Volga-Kamya in the X - the middle of XVI centuries within the limits of the states of structure: the Volga - Kamskaya Bulgaria, Bulgarian ulus of the Golden Horde and the Kazan Khanate. It is established, that in the medieval period with occurrence of the new state has changed hierarchy of cities in system of settlements of region, and the new capital was founded. The system of settlements of Volga - Kamya has expanded a place of the civilized world of the Middle Ages.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 72.036

РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ФАКТОР АВТОРСТВА)

Сергачев С. А.

доктор архитектуры, профессор, кафедры «Жилые и общественные здания», БНТУ

При совершенствовании сложившейся среды или отдельных объектов архитектуры не всегда учитывают их принадлежность к творчеству известных архитекторов-авторов. Это не содействует сохранению архитектурно-художественного образа существующего здания или сооружения, которое может быть отнесено даже к достижению белорусской архитектуры. Предлагается разработать рейтинг архитекторов, работавших и работающих в Беларуси, чтобы объективнее оценивать достоинства произведений архитектуры при принятии решений о реконструкции, сохранении или сносе зданий и сооружений.

Введение. Регламент отнесения объекта историко-культурного наследия к той или иной категории ценности отработан, но критерии [1, с. 12–13], по которым определяется особенность объекта, в том числе и произведения архитектуры, практически не учитывают личность автора, создавшего его. Методика придания материальным объектам статуса историко-культурной ценности основывается на применении определенных критериев, указанных в Статье 20 Закона “Об охране исто-

рико-культурного наследия Республики Беларусь”. Перечень критериев, которыми должен руководствоваться Научно-методический совет, состоит из множества позиций – около трех десятков, которые, казалось бы, предусматривают все возможные варианты для рассмотрения и обсуждения при принятии решения о включении объекта в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Но ни одна из этих позиций не ориентирует на учет того, кто именно является автором того или иного объекта.

Основная часть. Один из критериев указывает, что объект-претендент на получение статуса историко-культурной ценности должен быть “авторским произведением искусства” (Статья 20, пункт 1.1). Но такая трактовка не учитывает, насколько известен автор, насколько его творчество характеризует эпоху или отдельный исторический период и т.д. Кроме того, такая редакция критерия однозначно относит его применение к объектам искусства, а вот применение его к объектам архитектуры может считаться не обязательным.

В какой-то мере учет авторства может происходить при использовании критерия, оговаривающего, что объект-претендент на получение статуса историко-культурной ценности должен быть «непосредственно связан» с “жизнью и деятельностью известных личностей мира и Республики Беларусь” (Статья 20, пункт 1.3). Но неясно, как определить, является ли автор известной личностью Республики Беларусь? В этом просматривается широкое поле для субъективных мнений и принятия возможных конъюнктурных решений.

Такое положение делает памятники архитектуры как бы обезличенными, они могут рассматриваться вне связи с творчеством конкретных авторов. При этом следует отметить, что в целом объекты архитектурного наследия Беларуси, если судить по опубликованному государственному списку историко-культурных ценностей, сведениями об авторах сопровождаются недостаточно. Исторически так сложилось, что в Беларуси вплоть

до конца XIX в. известны авторы совсем немногих объектов архитектуры. Лишь с конца XIX в. положение улучшается, чему содействовали большая, чем прежде, обязательность разработки проектно-сметной документации, лучшая сохранность архивных материалов, расширение спектра литературных источников, периодической печати и т.д.

Традиционный для Беларуси недостаток информации об архитекторах-авторах, возможно, сказался на том, что и для произведений архитектуры, относящихся к временам, более близким к нам, какая-либо фиксация их связи с творчеством конкретных личностей считалась необязательной. Хотя несложно установить авторство, закрепить его в мемориальных досках или каким-либо иным способом соединить объект архитектуры с личностью, его создавшей. Возможно, в этом просматриваются и последствия социальных экспериментов, которые испытало наше общество в XX в., когда больше ценились коллективные усилия, а не проявления индивидуальных достоинств личности, в том числе и в архитектурном творчестве. Однако, подобная обезличенность объектов архитектуры не содействует сохранению их как объектов историко-культурного наследия.

Поэтому возникает ощущение, что не все, что может быть критерием при оценке произведения архитектуры, используется при определении его истинной значимости и места среди объектов, получивших статус историко-культурного наследия.

В связи с этим как раз и возникают проблемы, так как в мировой практике достижение любым объектом материальной культуры и художественной культуры возраста в 40–50–60 лет может служить основанием для рассмотрения вопроса о признании его, как объекта, имеющего историко-культурное значение. Если Закон Республики Беларусь “Об охране историко-культурного наследия” в 1992 г. [2, с. 14] не определил какие-либо подобные параметры, то его новая редакция от 9 января 2006 г. [3, с. 17], учитывая, возможно, практику применения подобной регламентации в других странах, установи-

ла в качестве одного из критериев отбора для придания материальному объекту статуса историко-культурной ценности срок – не менее 40 лет “со времени первоначального создания недвижимого материального объекта” (Статья 20, пункт 2). Возможно, и другое – это стало своеобразной реакцией на процессы становления нового государства – Республики Беларусь, осознания достижений собственной истории, поиска дополнительных обоснований признания достижений предшествовавших исторических периодов.

Но это одновременно стало основанием того, что здания и сооружения, построенные до 1970 г. многими уже воспринимаются, как получившие возможность сохраниться, так как являются историко-художественной ценностью. Безусловно, возраст здания или сооружения – не единственный фактор признания его историко-культурной значимости, а порой и не самый главный. Но он все же является как бы изначальным, он воспринимается априорным, и, если он известен, его не надо доказывать или ставить под сомнение, в отличие от других критериев. Он подтверждается конкретными документами, которые по такому историческому периоду, как 1950–70 гг., находятся в хорошей сохранности.

Данное обстоятельство становится особенно важным для Беларуси, так как именно в 1950–60 гг. начинается новый этап формирования белорусской архитектурной школы. А в конце 1960-х гг. архитекторы, получившие высшее образование в Беларуси (1958 г. – первый выпуск архитекторов в БПИ), выдвигаются на лидирующие позиции, им стали доверять авторство при проектировании ответственных объектов, что существенно активизировало процессы формирования национальной архитектурной школы.

Создание в Белорусском политехническом институте в 1946 г. кафедры “Архитектура” (первый заведующий кафедрой – Егоров Ю. А.), безусловно, содействовало более качественной подготовке специалистов для строительной отрасли республики. При этом некоторые выпускники строи-

тельного факультета БПИ – Рыминский Л. Н., Барсуков М. З., не имея в дипломе записи о том, что их специальность – «Архитектура», в первые послевоенные годы и в последующем смогли все же заметно проявить себя в архитектурной деятельности. Но открытие в БПИ в 1952 г. специальности «Архитектура» да и сам факт набора студентов на первый курс стали важными событиями в развитии высшего образования в республике, в подготовке специалистов для строительного комплекса и в культурной жизни Беларуси в целом. Впервые в республике началась подготовка специалистов-архитекторов на высшем уровне обучения. Поэтому первый выпуск в БПИ архитекторов в 1958 г. можно воспринимать и как своеобразное начало нового этапа в архитектурном процессе Беларуси. Вскоре к ним подключились выпускники Брестского инженерно-строительного института (современный Брестский государственный технический университет) – первый выпуск архитекторов состоялся в 1971 г. Его выпускники тоже стали активными участниками архитектурного процесса в Беларуси, а белорусская архитектурная школа стала еще более сложно структурированным явлением.

Это становится актуальным для современной Беларуси, так как все чаще возникают проблемы, когда архитектурный процесс затрагивает среду и сооружения, созданные в 1940–70-х гг. Опыт реконструкции городской застройки в ряде случаев показывает, что не всегда принимается во внимание контекст сложившейся в этот период среды, не учитываются, как определенная историко-художественная ценность, особенности отдельных зданий. Проявляется готовность, прежде всего исходя их меркантильно-финансовых интересов, даже к уничтожению зданий, хотя некоторые из них уже прочно вошли в сложившуюся композицию города, в его привычный силуэт. И крайне недостаточно, при решении вопросов сохранения того или иного объекта или его перестройки, используется факт связи здания и сооружения с творчеством конкретных архи-

текторов. А это всегда содействовало раскрытию значимости произведений архитектуры, своеобразному встраиванию их в общее русло архитектурного процесса.

Поэтому если бы была выработана некая шкала оценки творчества архитекторов, работавших в Беларуси, в виде рейтинга, определяющего значимость личности архитектора, его вклад в развитие национальной или мировой архитектуры, творческую высоту идей и образов, формирующих его произведения, то, возможно, был бы уточнен и алгоритм действий, устанавливающих, в необходимых случаях, историко-культурную значимость произведения архитектуры. Возможно, это позволило бы отразить и особенность архитектурного процесса Беларуси, а именно – начало творческого пути архитекторов, получивших высшее архитектурное образование в белорусских вузах.

В связи с этим, следует отметить, что уже имеется опыт составления рейтинговых оценок архитекторов, художников. Достаточно широко известен опыт определения рейтинговых оценок творчества художников, который применяется в сфере антиквариата. Например, разработан и предложен для использования российский художественный рейтинг – единый рейтинг художников XVIII–XXI веков, работающих, работавших либо родившихся на территории Российской империи, СССР, “русского зарубежья”, Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза [4].

Критерии, разработанные для оценки произведений искусства, учитывают множество позиций, но среди них отправным моментом является личность автора произведения. При этом выполнено деление творческих личностей на две категории “А – авторский”, для которого художественный уровень произведений является главным, и “В – востребованный”, преимущественно ориентированный на запросы художественного рынка.

Отнесение художника к той или иной категории или к тому или иному уровню в какой-то категории может зависеть не только от разных критериев (наличие профессио-

нального образования, оценка искусствоведскими, приобретение работ ведущими музеями, новаторство, количество упоминаний в прессе и др.), но и от того, насколько он подражает предшественникам или повторяет собственные удачные решения. Упорядочению рейтинговых категорий художников содействуют и принятые условные возрастные ограничения, хотя это и очень спорное положение. Например, современному художнику не может быть присвоен первый рейтинговый уровень, а второй – художнику, чей возраст не превышает 60 лет и т.д., в чем просматривается безусловная необходимость своеобразной проверки художественного уровня произведения временным фактором.

По аналогии с рейтинговыми категориями для художников существует описание рейтинговых категорий, применимое и для архитекторов. На основании этих категорий рейтинговым центром Профессионального союза художников России в 2002 году составлен и рейтинг архитекторов [5]:

1 – архитектор мирового значения, проверенный временем (не менее одного века);

1А – архитектор мирового значения;

1В – архитектор высокого профессионального уровня, востребованный заказчиками и пользующийся авторитетом у власти;

2А – архитектор-профессионал высокого уровня с индивидуальной творческой манерой;

2В – архитектор-профессионал, востребованный заказчиками и пользующийся авторитетом у власти;

3А – архитектор-профессионал высокого уровня с узнаваемой творческой манерой;

3В – архитектор-профессионал, востребованный заказчиками;

4А – профессиональный архитектор, реализующий творческий потенциал;

4В – состоявшийся профессиональный архитектор;

5А – профессиональный архитектор с творческим потенциалом;

5В – профессиональный архитектор;

6А – архитектор с творческим потенциалом;

6В – практикующий архитектор;

7 – начинающий архитектор.

Одно из изданий Единого художественного рейтинга, издающихся под редакцией С. В. Заграевского, было посвящено рейтинговой оценке архитекторов [6]. Однако кри-

тика, кроме неточностей, обратила внимание и на проявление протекционизма относительно действующих архитекторов [7], озабоченных повышением своего рейтинга для более активного и эффективного продвижения собственной продукции на рынок проектных услуг. Тем не менее, подобные разработки для нас представляют интерес методическими подходами и результатами, так как рейтинг составлялся с включением некоторых архитекторов, работавших и работающих в Беларуси [5]:

- рейтинг 1 – И.В. Жолтовский, И.А. Фомин;
- рейтинг 1 А – Г.П. Гольц;
- рейтинг 2 А – И.Г. Лангбард, Н.А. Львов, Л. Гуцевич (Стуока-Гуцявичюс);
- рейтинг 2 В – Г.В. Заборский, Ю.П. Григорьев, А.К. Кавос, Б.Р. Рубаненко, С.Б. Сперанский;
- рейтинг 3 В – Л.С. Аранаускас, А.Н. Белоконь, Ю.М. Градов;
- рейтинг 4 А – Л.М. Левин, Л.А. Соскин.

Не предлагая данные разработки взять за основу, не настаивая на признании приведенных результатов и не ставя их под сомнение, возможно, следует, используя этот опыт, попробовать составить рейтинг, который учел бы наши особенности, среди которых факт зарождения белорусской архитектурной школы занимает особое место. Такая работа позволила бы точнее разобраться в ценности наследия, которое сегодня является частью архитектуры Беларуси. Возможно, учет сведений об авторе при рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе произведения архитектуры каким-то образом сможет служить ему защитой. Тогда бы общественное мнение меньше возмущало слухи и действия, когда архитектурная общественность вынуждена предпринимать различные меры, предвидя возможность несправедливого решения о будущем некоторых известных зданий.

Такая работа вполне могла бы выполняться комиссиями Белорусского союза архитекторов, Белорусского общественного объединения архитекторов и деятелей строительных наук, Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры и другими общественными организациями. Безусловно, мо-

гут быть предложены иные методические подходы, другие системы категорий и критериев. А вот достойное произведение архитектуры, которое будет неразрывно связано с личностью автора, может получить дополнительную поддержку в том, чтобы прочнее закрепиться в общественном сознании как достижение белорусской архитектуры.

Выводы: Необходимо совершенствование критериев оценки историко-культурной ценности объектов архитектуры.

Один из резервов в поиске дополнительных критериев, определяющих историко-культурную значимость зданий и сооружений прежних лет строительства, просматривается в обязательном выявлении их связи с творчеством архитекторов – авторов произведений архитектуры.

Одним из направлений решения данной проблемы может стать составление рейтингов архитекторов, работавших и работающих в Беларуси.

Литература :

1. Закон Рэсп. Беларусь “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэсп. Беларусь”, 9 студзеня 2006 г. / – Мінск : РУП “Ізд-во “БДП”, 2006. – 46 с.
2. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны : Закон Рэсп. Беларусь, 13 лістапада 1992 г. // *Ведомасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь*. – 1992. – № 30. – С. 3–42.
3. Закон Рэсп. Беларусь “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэсп. Беларусь”, 9 студзеня 2006 г.
4. Положение о Рейтинговом центре Профессионального союза художников // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: – Дата доступа: 9.11.2010.
5. Рейтинг архитекторов, составленный Профессиональным союзом художников в 2002 году // [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: – Дата доступа: 9.11.2010.
6. Единый художественный рейтинг. Справочник. Выпуск 6. Номинация “Архитекторы”. – М. : АЛЕВ-В. 2002. – 96 с.
7. Рейтинг или классификация? // [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: ru/ magazine/872. – Дата доступа: 9.11.2010.

RATING ASSESSMENT OF THE OBJECTS OF ARCHITECTURAL HERITAGE (FACTOR OF THE AUTHORSHIP)

S. A. Sergachev

While improving the current environment or the individual objects of architecture do not always consider their belonging that they belong to the creation of the famous architectures-authors. This does not promote the

preservation of architectural and artistic image of an existing building or structure, which can be attributed even to the achievement of Belarusian architecture. It is proposed to develop a rating of architectures, that were working and work in Belarus, to objectively evaluate the

values of creation of architecture in making decisions about reconstruction, preservation or demolition of buildings and structures.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.5

ВИДЫ ЖИВОПИСИ В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА

Слаук С.Я.

ассистент, кафедра «Дизайн архитектурной среды», БНТУ

В статье произведена попытка классификации различных видов живописи, существующих в архитектурной среде современного города. Проведен анализ материалов, полученных методом фото фиксации, а так же фотографий и информации, предоставленной сетью интернет. Результат типологического исследования выражен в таблице.

Введение. В настоящий момент в крупном современном городе можно наблюдать разнообразие возможностей живописи в архитектуре, которое выражается не только в вариациях техник исполнения, специфике предназначения, различии временных стилей, но и в принципиально разных изобразительных языках, которые сформировались уже в самостоятельные направления настенной живописи. Сегодня в городской среде встречается живопись, которая не вполне отвечает понятиям Монументальной. Такой вид живописи можно условно обозначить более соответствующим ему термином – настенная урбанистическая живопись, или Mural – росписи, какие-либо произведения искусства, выполненные непосредственно на стене, потолке или других крупных постоянных поверхностях. Поэтому, прежде всего можно сразу разграничить две различные категории живописи в городской среде:

– *Монументальная живопись* – вид синтеза искусств, предназначенный для активного взаимодействия с архитектурной средой, решения композиционных задач в архитектуре города. Выражает наиболее актуальные идеи, воплощая философские концепции, возвышенные общезначимые явления и идеалы. Для дос-

тижения синтеза искусств использует соответствующие композиционные приёмы и принципы. В понятие монументальной живописи так же входит *монументально-декоративная живопись* – вид монументального искусства, выполняющий вспомогательную роль по отношению к архитектурным сооружениям, являющийся их необходимым дополнением, усиливающим выразительность их общего строя и композиционных особенностей.

Отличительной чертой монументальной и монументально-декоративной живописи является то, что они создаются из долговечных материалов в таких техниках как фреска, сграффито, мозаика, витраж, майолика и так далее. Характерно для этого рода живописи и то, что произведения выполняются профессионалами – художниками монументалистами, в идеале в сотрудничестве с архитекторами [1].

– *Урбанистическая живопись*, принадлежит к роду *публичного* (или *общественного*) *искусства*, создается уже в состоявшейся архитектурной ситуации с согласия и при сотрудничестве правительства или компании, которая управляет данным территориальным пространством. Кроме того, имеет место факт ее многочисленного возникновения без каких-либо санкций (граффити). При проектировании городской среды изначально не предусматривается, хотя может впоследствии удачно и тактично быть привнесённой в общую картину города. Иногда носит иронический, шуточный тон, или напоминает наивное народное искусство. Может иметь глубокий и

впечатляющий образный строй. Произведения этого рода живописи, в силу своего экспрессивного, спонтанного, а иногда и агрессивного характера – явление стихийное, они приходят и уходят и представляют собой живое, свободное творчество. Такая живопись стала своего рода противоположностью монументальной живописи, которой изначально предначертано «жить в веках». С точки зрения композиции, урбанистическая живопись во многих случаях имеет фрагментарный и спонтанный характер. В этом виде живописи используются такие материалы как синтетические краски, баллончики с распыляющейся краской, аэрография, фрескография (печать на холсте, пленке), цветные мелки, масляные краски, и так далее. Дорогостоящие, долговечные и требующие специальных знаний

техники монументальной живописи, в урбанистической живописи не используются. Некоторые произведения, благодаря удачному запечатлению общественно значимых событий (Брикстон, Лондон; фрески Северной Ирландии), либо красоте, тонкой лиричности сюжета (Боровск), настолько вживаются в архитектурную среду, что со временем становятся частью истории, достопримечательностью, а иногда и «лицом» города. В таких случаях недолговечность материалов исполнения является причиной постепенной утраты полубившихся произведений.

Определив, таким образом принципиально различные направления живописи в городской среде, проведем их типологический анализ, более подробно разберем составляющие их виды.

Основная часть

Типологический анализ современной живописи в архитектуре

Критерии классификации	Монументальная живопись	Урбанистическая живопись
1	2	3
- по временным рамкам	1. Историческая монументальная живопись, принадлежащая различным временным эпохам и стилям, соответствующим всемирной истории искусств 2. Современная монументальная живопись	1. Возникновение урбанистической живописи (1918, Россия; 1970-е,- Филадельфия, Нью-Йорк, США) и этапы ее развития до наших дней [2] 2. Современная урбанистическая живопись
- по существующим направлениям живописи в среде города	1. Культовая живопись 2. Светская монументальная живопись (в том числе иллюзорная живопись) 3. Монументально-декоративная живопись 4. Монументальная живопись мемориальных исторических комплексов 5. Малые архитектурные формы 6. Мошение 7. Элементы городской рекламы 8. Суперграфика 9. Широкоформатные принты, профессионально вписанные в архитектуру	1. Стрит-арт (граффити, трафареты), элементы паблик-арта 2. Определенный род суперграфики 3. Социально-политическая живопись 4. 3D живопись 5. Широкоформатные принты
-по характеру содержания, образного строя и художественной трактовке изображения	Несет в себе: 1. Образную, эстетическую, концептуальную или социально- смысловую нагрузку, в идеале увековечивая не устаревающие общечеловеческие духовные ценности, превознося красоту, любовь, созидание 2. Выполняет декоративно- пластические задачи, усиливающие образный строй архитектуры, участвуя в синтезе искусств 3. Имеет в запасе большой арсенал художественных трактовок изображения, пришед-	Несет в себе: 1. Образную, эстетическую или концептуальную нагрузку, может содержать социально-политические мотивы, призыв к обществу (истоки - Декрет № 1 «О демократизации искусств» (заборная литература и площадная живопись), символизирует выход искусства из музеев в открытое пространство улиц и площадей) 2. Не решает задач синтеза искусств 3. Имеет многообразные возможности

1	2	3
	<p>ших из истории стилей мирового искусства, располагает характерными приемами стилизации, присущей разновидностям техник и материалов монументальной живописи</p> <p>4. Может включать в себя развлекательные, юмористические, моменты, если данная направленность соответствует назначению архитектурного объекта</p>	<p>трактовки изображения – от приемов авангарда до фотореализма. Высокая степень стилизации, трактовка изображения в некоторых случаях сходна с искусством комикса и анимации. В искусстве 3D живописи присутствует гипер-реалистическая передача объема, формы и перспективы.</p> <p>4. Может содержать иронию, юмор</p>
<p>-по соответствию принципам синтеза искусств</p>	<p>Соответствует одному из принципов синтеза с архитектурой:</p> <p>1. Принцип <i>слияния</i> строится на основе неразрывного идейно-художественного и конструктивного единства</p> <p>2. Принцип <i>равнозначности</i> предполагает гармоничный и неразрывный синтез архитектуры и монументальной живописи</p> <p>3. Принцип <i>независимого сосуществования</i> предполагает тектоническую, масштабную, и стилистическую взаимосвязь монументальной живописи и архитектурного объекта[3]</p>	<p>Не участвует в синтезе искусств</p>
<p>- по способу достижения синтеза с архитектурой</p>	<p>1. В виде элементарных средств цвета и фактуры, являющихся поверхностными средствами выявления и трансформации объемов и пространств.</p> <p>2. Взаимосвязь с самой концепцией формы здания или сооружения.</p> <p>3. В виде отдельных произведений, взаимосвязанных так, что каждое из них сохраняет свою самостоятельность, вместе с тем участвуя в создании нового сложного образа.</p>	<p>Не ставит изначально задач синтеза с архитектурой:</p> <p>1. Имеет оформительский характер позволяющий вписаться в конкретную среду</p> <p>2. Сохраняет независимость от архитектурной ситуации, но не конфликтует с ней</p> <p>3. Является конфликтным вторжением в архитектурную среду</p>
<p>- по функциональным характеристикам зданий, сооружений</p>	<p>1. Уникальные здания</p> <p>2. Учреждения, организации</p> <p>3. Мемориально-исторические комплексы</p> <p>4. Жилые образования</p> <p>5. Промышленные предприятия</p> <p>6. Сооружения в зонах отдыха</p> <p>7. Частная архитектура</p>	<p>Ввиду спонтанности возникновения практически любые архитектурные поверхности, но чаще всего: временные и постоянные ограждения (заборы), подземные переходы, станции</p> <p>1. Жилые образования</p> <p>2. Промышленные объекты</p>
<p>-по местоположению архитектурных объектов в плане города</p>	<p>1. В историческом центре</p> <p>2. В репрезентативных зонах города</p> <p>3. В линейных, замкнутых и перетекающих пространствах города (на улицах, площадях, в дворовых пространствах)</p> <p>4. В промзонах</p> <p>5. В релаксационных зонах</p> <p>6. В индивидуальных застройках города</p>	<p>Ввиду своей спонтанности может возникнуть в любой зоне города, санкционировано или нет</p>
<p>- по участию в градостроительном проектировании</p>	<p>1. Планируется еще при проектировании городской среды и архитектурных объектов, или вписывается в уже готовую архитектурную ситуацию</p> <p>2. Выполняет композиционно-пространственные задачи в городской среде</p>	<p>Возникает в уже состоявшейся архитектурной ситуации</p>

1	2	3
- по ряду особенностей свойственных архитектуре	1. Запланированное еще при проектировании участие в формировании пространственной среды или взаимодействие с ней по факту своего возникновения 2. Относительно крупный размер произведения 3. Выполняется из долговечных материалов	1. Участие в формировании пространственной среды по факту своего возникновения 2. Относительно крупный размер произведения 3. Выполняется в основном из не долговечных материалов

Заключение. На основе анализа различных типов живописи в городской среде была осуществлена попытка их классификации. Выявленные виды живописи существенно различаются эмоциональным и психологическим воздействием на зрителя, что достигается не только идейно-образным содержанием, но и средствами художественной выразительности, такими как композиция, цвет, трактовка изображения и так далее. Значимую роль играет так же характер взаимосвязи живописи с архитектурной средой. Автор рассчитывает, что систематизация многообразных направлений Монументальной и Урбанистической живописи, существующих в современном городе, поможет специалистам в области дизайна архитектурной среды шире и свободнее оперировать средствами художественного

обогащения городских пространств.

Литература

1. Популярная художественная энциклопедия в 2т. / редкол.: В.М. Полевой (главн. ред.) [и др.]. - Москва: Советская Энциклопедия, 1986. - 2т.
2. Nicholas, Ganz Graffiti world / Ganz Nicholas.- New York: Harry N. Abrams, 2004. - 392с.
3. Склярченко Г.Я. Художник и город: проблемы формирования архитектурно-художественного ансамбля / Г.Я. Склярченко. - Киев: Наукова думка, 1990. - 102с.

**THE KINDS OF PAINTING
IN THE ARCHITECTURA CITY ENVIRONMENT**
Slauk C. Y.

The article makes an attempt to classify different types of art existing in the architecture of the modern city. The material obtained by the photo and Internet. Result of study is expressed in the table.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.01

ДРЕВНИЙ РЫНОК В ТЕБРИЗЕ (ИРАН)

Хабибзаде Хамед

аспирант, кафедра «Градостроительство», БНТУ

Изучение путей формирования и развития исторических городов Ирана позволяет выявить возможности сохранения самобытного национального наследия в условиях нового строительства и глобальной урбанизации. Во все времена важным составляющим городского пространства был рынок, где торговали необходимыми для жизни товарами и даже людьми в качестве рабов. Рынки или базары структурно пронизывали весь город, начинаясь в его центре и продолжаясь до периферийных махале. Особый интерес представляли нарядные и шумные главные рынки. Ярким примером такого объекта является рынок в древнем городе Тебризе. В статье приводятся результаты анализа формирования и развития этого рынка.

Краткая история города.

Тебриз – столица провинции Восточного Азербайджана, расположен в северо-западной части Ирана, в 619 км северо - западнее Тегерана. Впервые город упоминается в летописях во II в. до н. э. как крепость Таури или Тармкис. В III в. н. э. Тебриз становится столицей Азербайджана, благодаря чему город достигает пика развития. Правители сменяются с головокружительной быстротой и биография города круто меняется. Несколько десятков лет Тебриз даже входил в состав Российской империи. Такая история оставила в наследство городу огромное количество исто-

рических памятников. Благодаря археологическим исследованием, на территории города были найдены: керамическая посуда, декоративные шкатулки и другие старинные предметы, относящиеся к первому тысячелетию до рождения Христа, а так же к бронзовой эпохе. Необходимо подчеркнуть, что некоторые из найденных вещей настолько уникальны, что никогда в других регионах Ирана не встречались.

До исламского периода, как и после него, город часто разрушался в результате землетрясений и многочисленных войн. Развитие Тебриза прекратилось, и величие его угасало. С приходом Салжугской династии в стране установился порядок, и город постепенно стал возрождаться.

В период правления династии Илханан стратегическая значимость и расположение на «Шелковом пути» способствовали экономическому и культурному процветанию города, приросту населения, развитию архитектуры. Экономгеографическое положение, политический статус, а также выполнение роли связующего звена между Ираном, Азией, Россией, Европой и в настоящее время является важным стимулом развития города.

Современный Тебриз богат памятниками архитектуры различных эпох. Наибольший интерес представляют: Голубая мечеть Масджиде Кабуд (1465 г.), цитадель Арге Алишах, национальный парк Эль-Голи (Шах-Голи или Баке Мелли, (1785 г.), мечеть Джаме, церкви Св. Тадеуса, Св. Стефана, церковь Кара, церковь Св. Марии (Келисае Марьяме Мокаддас), церковь Св. Саркиса в армянском квартале, мечеть Остар-Шакир (XIV в.), мечеть Ходжат-аль-Ислам, мавзолей Хайед Хамзы, святыня Айн-Али, Тахте Сулейман ("трон Соломона"), мосты Али-Чай и Санки, сад Голестан (площадь 53 тыс. м²) и "Мавзолей поэтов" или Шара (здесь похоронено более пятидесяти известных иранских поэтов, ученых, мистиков и богословов).

Важнейшей достопримечательностью города является сохранившийся с XV в. ры-

нок, который в настоящее время взят под охрану ЮНЕСКО.

Формирование и развитие рынка.

Возникновение тебризского базара, как и многих других торговых комплексов в исторических городах Ирана, относится к доисламскому периоду. Строго говоря, с тех времен почти ничего не сохранилось из-за частых землетрясений. Однако в документах, относящиеся к XII в., уже упоминается тебризский базар, его востребованность не только для местного населения и страны в целом, но и для других народов. Когда речь заходит об истории Ирана, обязательно упоминается тебризский базар. Маркополо, знаменитый итальянский путешественник, писал: "Торговое положение Тебриза настолько выгодно и рынок насыщен всеми видами товаров, что сюда приезжают с Индии, Багдада и, одним словом, со всего мира. Тут можно найти самые драгоценные камни, жемчуга, различные виды тканей, пряностей и многое другое." Узик – католический священник из Пуртодона, посетив тебризский рынок в начале XV в., был восхищен его уникальностью и масштабом. Он писал: "Тебриз – это красивейший город, в котором можно больше чем в каком-либо другом городе мира встретить самые различные виды товаров".

Тебризский рынок в разные периоды своего существования перетерпел упадки и поднимался на вершину благополучия, разрушался и вновь восстанавливался. То, что, а в настоящее можно видеть более всего относится к периоду правления Гаджарской династий. Однако предполагается, что основные ряды и дороги на рынке после землетрясения 1772 г. полностью были восстановлены.

Своеобразие пространственной структуры рынка. Тебризский рынок располагается у одной из главных магистралей города, которая соединяет юго-восточную его часть с северо-западной. Это направление приводит к мечети Кабуд, пройдя которую улица становится торговой. Длинный торговый ряд, проходящий через централь-

ную часть рынка, после пересечения с другой главной улицей делится на два главных ряда, формируя центральную каркас рынка (Главное Расте, Расте старого рынка). Рынок развивается не только линейно, но и по нескольким основным и второстепенным рядам, связанным между собой в четырех направлениях. Площадь тебризского рынка составляет 13 га, из которых приблизительно 7,2 га, относится непосредственно к торговой части. Рынок формируется как одна большая коммуникационная сеть.

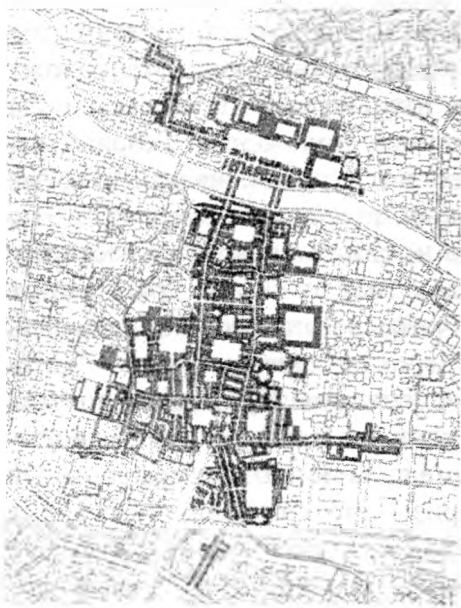

Рисунок 1 – План тебризского рынка в городской ткани

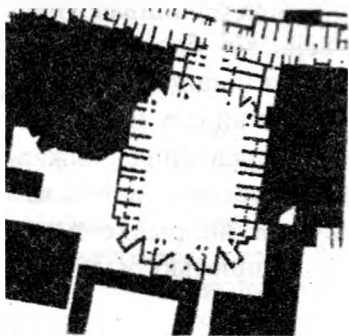

Рисунок 2 – План Сара Хадж Хосейн в Тебризском рынке

Каждый ряд базара специализируется на продаже определенного вида товара и даже носит название этого товара – ковровый, золотой, обувной и другие. В последнее

время наблюдается тенденция смешения функций, особенно на главных улицах-рядах, которые претерпели изменения в силу модернизации застройки. Сохранившиеся специализированные ряды называются базарами: базар Амир, базар шорников, базар шапочников, базар медников, базар Сафи и т.д.

Характерными традиционными элементами древних базаров, сохранившихся до наших дней, является Сара и Тимче.

Сара – в архитектуре персидских базаров представляет собой пространство, напоминающее пассаж. Сара, как правило, увеличивает торговую площадь, поскольку состоит из внутреннего двора и примыкающих по внешнему периметру торговых точек. Сара различаются геометрической формой, площадью и количеством этажей. Самый распространенный вид Сара – двухэтажный.

Тимче – отличается от Сара более масштабным для человека пространством, по периметру которого располагаются 2 или 3 торговых этажа. Тимче классифицируются следующим образом:

- крытое двухэтажное Тимче в форме квадрата или прямоугольника, которое является самым распространенным видом;
- двухэтажное открытое Тимче с отходящими коридорами, которые могут быть как крытыми, так и открытыми. По своей сути этот вид Тимче по архитектуре ближе всего к Сара;
- одноэтажное Тимче, которое может быть как закрытым, так и открытым.

В тебризском базаре Сара в основном состоят из двух этажей, а иногда даже из трех.

Сара Дарбаббаси является ярким примером трехэтажной Сара, в которой нулевой и первый уровни служат складскими помещениями, а на остальных верхних этажах размещаются мелкие производственные объекты, такие как вязание, починка и т.д. В некоторых Сара имеются довольно большие дворы, что свидетельствует о значимости данных Сара.

Количество Тимче является одним из основных характерных черт тебризского рынка.

Они в основном используются для содержания и хранения дорогих видов товара, таких как ковры. В структуре тебризского базара преобладают Тимче двух видов: прямоугольные и вытянутые, встречаются и округлые, а также Тимче смешанного типа. Одним из примеров является смещение трех параллельно вытянутых Тимче: Хадж Шейх первый, Хадж Шейх второй, Хадж Шейх третий, которые, помимо основных функций, выполняют роль связующего звена между главным рядом рынка и второстепенными рядами.

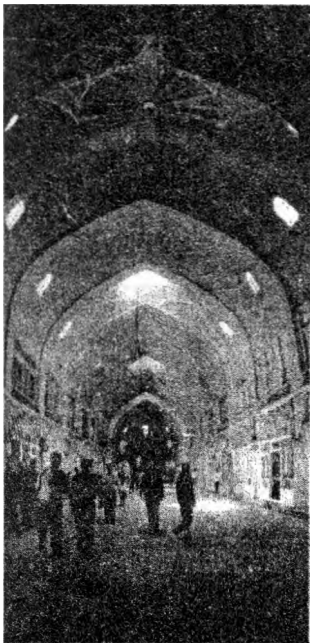

Рисунок 3 – Внутреннее пространство Тимче Мозафарие в Тебризском базаре

В структуре тебризского базара Сара и Тимче выполняют различные функции, основной из которых является оптовая торговля. Там работают самые известные торговцы и бизнесмены города, и даже страны. Здесь заключаются важные торговые сделки, иногда даже на международном уровне. Розничная торговля в основном располагается вдоль рядов, в последнее время она получает все большее развитие.

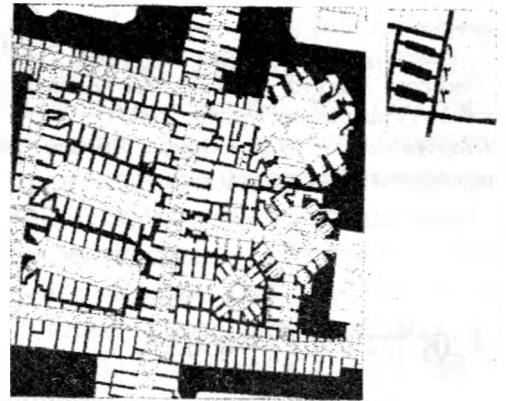

Рисунок 4 – План трех параллельно вытянутых Тимче в Тебризском рынке

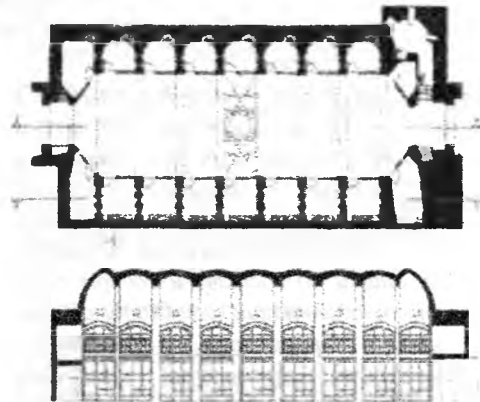

Рисунок 5 – План и разрез Тимче Хадж Шейх второй

Заключение. Рынки являются значимыми элементами в пространственной и функциональной структуре исторических городов Ирана. С приходом к власти различных династий, таких как династии Салжуги, Сафави и Гаджар, рынки меняли свой облик, и представлял интересы действующей династии. Своей особой роли рынки не потеряли и в настоящее время.

Тебризский базар считается одним из самых больших традиционных исторических рынков как в Иране, так и во всем мире. Изучение и поддержание традиционного состояния этого рынка является важной задачей сохранения историко-культурного наследия древней Персии.

Литература

1. Министерство архитектуры и строительства Ирана. Иранский базар, 2010.-279 с.

2. Эсмали сангари Хосейн, Омрани Бехруз. История и архитектура Тебризского базара, 2009.-259 с.
3. Солтанзадех Хосейн. Иранские рынки, 2008.-116 с.
4. Тавассоли Махмуд. Архитектура и строительство городов в сухих районах Ирана, 2003.
5. Шарден Жан/ Приводчик. Абасси Мохамед. Путеводитель Шардена, 1958.

6. Машкур Мохамед Джавад. История города Тебриза, 1973.
7. Эбне Ахве. Моалем алгорбе фи ахкаме алхасбе/ Переводчик. Шоар Джафар.
Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 721.011.17 – 056.26

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ, АДАПТИРОВАННОЙ К ВОЗМОЖНОСТЯМ ФИЗИЧЕСКИ ОСЛАБЛЕННЫХ ЛИЦ

Хачатрянц К.К.

профессор, кандидат архитектуры, кафедра «Градостроительство», БНТУ

В статье излагаются закреплённые в Государственном стандарте Республики Беларусь СТБ 2030-2010 "Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения" общие принципы создания среды обитания, адаптированной к возможностям физически ослабленных лиц различных категорий; рекомендации по составу и содержанию градостроительной документации, необходимой для соблюдения этих принципов; конкретные рекомендации по учету требований физически ослабленных лиц при проектировании пешеходных путей на открытых территориях.

Введение. Постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 28 апреля 2010 г. № 18 утверждён и введён в действие государственный стандарт СТБ 2030-2010 "Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения"[1]. Стандарт разработан кафедрой "Градостроительство" по заказу РУП "Стройтехнорм". Источником необходимой информации являются результаты научных исследований, выполненных кафедрой градостроительства архитектурного факультета БНТУ; законы; нормативные документы [2,3,4,5,6,7,8].

Основная часть. Термином "Физически ослабленные лица" (сокращенно ФОЛ) – в стандарте обозначаются люди, испытывающие затруднения при передвижении и самообслуживании. Это престарелые, инвалиды различных нозологических групп, некоторые больные-хроники, травмированные, беременные, взрослые с детскими колясками и т.п. (синонимы: лица с ограниченными воз-

можностями, маломобильные категории населения).

В большинстве своем физически ослабленные лица способны к самостоятельному проживанию, самообслуживанию, передвижению без помощи практически здоровых людей (за исключением сопровождающих) при условии адаптации среды обитания к их реальным возможностям. Более сложные нарушения здоровья приводят к тому, что для ФОЛ требуется специфическая среда, уход и присмотр – постоянный, временный (на период лечения, реабилитации, профильного обучения, в холодные сезоны и межсезонье), кратковременный (на сутки, на день). В связи с изложенным стандарт делит все объекты архитектурного проектирования на три группы:

1. **Объекты, не доступные ФОЛ**, а именно:
 - а) открытые территории, здания, помещения, пребывание в которых опасно для жизни и здоровья ФОЛ;
 - б) объекты, пребывание в которых требует особой подготовки;
 - в) объекты, представляющие историко-культурную ценность, изначально не адаптированные к возможностям тех или иных категорий ФОЛ и не поддающиеся адаптации без существенного изменения функциональных и визуальных характеристик;
 - г) квартиры в многоквартирных жилых домах, блок-квартиры в блокированных жи-

лых домах, многоквартирные жилые дома, жилые ячейки общежитий, номера гостиниц, не предназначенные непосредственно для проживания ФОЛ (одиноких или в составе домохозяйств).

2. **Специальные объекты**, предназначенные для проживания и/или пребывания (во время лечения, обучения, реабилитации и т.п.) тех ФОЛ, которые не способны к самостоятельной деятельности в адаптированной среде обитания и потому нуждаются в специфической среде (дома-интернаты для престарелых и инвалидов, специальные многоквартирные жилые дома с обслуживанием для престарелых и инвалидов, дома ветеранов, реабилитационные центры, хосписы и т.п.).

3. **Общедоступные объекты**, в которых должна создаваться среда, адаптированная к возможностям ФОЛ всех категорий, обеспечивающая им условия для самостоятельного передвижения и самостоятельной деятельности, а тем самым для их социальной интеграции. К общедоступным относятся: общественные здания любого назначения, вспомогательные помещения многоквартирных жилых домов, производственные объекты с рабочими местами для инвалидов, зеленые насаждения общего пользования, пути движения на всех общедоступных открытых пространствах поселений и на обжитых внеселенных территориях (на улицах, площадях, в парках, скверах, на участках общественных зданий, на дворовых территориях многоквартирных жилых домов, на участках загородных ландшафтно-рекреационных объектов и т.п.).

Для учета требований ФОЛ, способных к самостоятельной деятельности в адаптированной среде, при проектировании в условиях нового строительства любых общедоступных объектов и любой совокупности таких объектов (территорий, зданий, сооружений, др.) независимо от их принадлежности, назначения и масштаба следует предусматривать мероприятия по обеспечению безопасности и удобства для ФОЛ всех категорий наравне с практически здоровыми

людьми. Стандарт предназначен для применения при разработке нормативной базы и проектной документации на общедоступные и специальные объекты архитектурного проектирования (как градостроительные, так и строительные). На объекты, не доступные ФОЛ, стандарт не распространяется.

При проектировании общедоступных и специальных объектов должны соблюдаться общие принципы адаптации среды к возможностям ФОЛ. Стандарт вводит три таких принципа.

Базисным является принцип *универсальности предметно-пространственной среды в общедоступных и специальных объектах архитектурного проектирования*. В таких объектах среда обитания должна быть равно безопасной и комфортной как для практически здоровых, так и для физически ослабленных лиц, способных к самостоятельному передвижению и деятельности. Т.е. следует одновременно и во взаимосвязи учитывать требования всех групп населения, в том числе:

- лиц с повреждением опорно-двигательного аппарата, включая передвигающихся на креслах-колясках (самостоятельно или с сопровождающим), с костылями, с тростями;
- лиц с дефектами зрения, включая слепых, в том числе с собакой-поводырем или с сопровождающим;
- лиц с ослабленным слухом, включая глухих;
- взрослых с детскими колясками;
- других категорий ФОЛ с различными ограничениями возможностей самостоятельного передвижения, ориентации, самообслуживания, допускающими самостоятельную деятельность в адаптированной среде обитания;
- практически здоровых.

Принцип *локальности универсальной среды* означает, что при проектировании любого отдельно взятого общедоступного или специального объекта градостроительного или строительного проектирования и любого элемента таких объектов в них должна создаваться универсальная пред-

метно-пространственная среда.

Принцип *непрерывности универсальной среды* означает, что в среде обитания не должно быть барьеров, непреодолимых или трудно преодолимых для любых категорий населения, не только в границах отдельных общедоступных и специальных объектов, но и на путях движения, соединяющих общедоступные объекты между собой. Принцип непрерывности должен реализовываться на любой обжитой территории, доступной ФОЛ.

В градостроительном проектировании должны решаться вопросы, обеспечивающие условия для формирования в поселениях и на обжитых внеселенных территориях адаптированной, специальной и не доступной для ФОЛ среды обитания.

Проекты генеральных планов городов и территорий должны содержать общие мероприятия, обеспечивающие формирование среды обитания с учетом требований ФОЛ, а также определять необходимость разработки специального градостроительного планирования в этой области. Конкретные мероприятия, обеспечивающие формирование среды обитания с учетом требований ФОЛ, разрабатываются в рамках проекта специального градостроительного планирования в целом на поселение либо на его часть, отдельную функциональную зону.

В проект специального градостроительного планирования в целом на поселение необходимо включать обоснование номенклатуры, расчет необходимой суммарной вместимости и необходимого количества специальных объектов для проживания и обслуживания тех групп ФОЛ, которые нуждаются в специальных условиях. Для сложившихся населенных пунктов и территорий учитывается наличие и вместимость существующих специальных объектов.

В проекте специального градостроительного планирования в условиях реконструкции следует определять объекты, которые прежде всего адаптируются к возможностям ФОЛ, и связанные с этими объектами зоны городских и сельских поселений, на кото-

рых следует формировать целостные непрерывные фрагменты среды, доступной для всех категорий ФОЛ, равно как и для практически здоровых людей. На реконструируемых территориях в объеме первой очереди реализации следует определять перечень общедоступных объектов, которые необходимо адаптировать к возможностям ФОЛ при обязательном согласовании с общественными объединениями инвалидов. На основе перечня должна быть разработана схема пешеходных и транспортных путей, обеспечивающих доступ к этим объектам и формирование целостных непрерывных фрагментов универсальной безбарьерной среды обитания, повсеместно доступной для всех категорий ФОЛ.

В проекте специального градостроительного планирования на часть поселения, отдельную функциональную зону следует выделять те места на основных пешеходных путях, где должны быть осуществлены специальные мероприятия, необходимые для обеспечения возможности самостоятельной деятельности ФОЛ. К таким местам относятся:

- наземные переходы через транспортные улицы, специально оборудованные звуковыми и тактильными устройствами для слепых и слабовидящих;
- подземные и надземные переходы с пандусами, подъемниками, с направляющей, предупреждающей, сигнальной визуальной, звуковой, тактильной информационными системами;
- пешеходные улицы;
- остановочные пункты общественного транспорта, оборудованного для инвалидов;
- общественные туалеты с кабинами для инвалидов;
- специальные торговые автоматы, таксофоны, банкоматы и т. п.

В проекте специального градостроительного планирования на часть поселения, отдельную функциональную зону следует определять конкретные участки размещения специальных объектов ФОЛ. Рекомендуется так-

же определять на жилых территориях поселений те зоны, которые наиболее благоприятны для строительства многоквартирных жилых домов общего типа с квартирами для ФОЛ и специальных зданий с обслуживанием (домов ветеранов, специальных многоквартирных жилых домов с обслуживанием для престарелых и инвалидов, специальных жилых комплексов для работающих инвалидов трудоспособных возрастов).

Стандарт включает конкретные рекомендации по проектированию открытых территорий, общедоступных и специальных зданий. Рекомендации оформлены в 5 справочных приложениях в виде таблиц и кратких пояснений ним. Пример одной из таблиц приведен ниже.

Организация пешеходных путей движения на общедоступных открытых территориях с учетом требований ФОЛ

Перечень объектов, к которым должны быть подведены адаптированные пешеходные пути, включает:

- остановки общественного транспорта (в особенности транспорта, приспособленного к возможностям инвалидов);
- автостоянки легковых автомобилей;
- доступные для ФОЛ входы во все объекты общественного обслуживания и на открытые пространства;
- адаптированные входы на предприятия с рабочими местами для инвалидов;
- главные входы в жилые дома общего типа и в дома с квартирами для престарелых и инвалидов;
- главные входы в специальные объекты проживания и обслуживания ФОЛ, на участки таких объектов;
- переходы через транспортные артерии (железные дороги, автодороги, улицы, проезды и др.).

Требования к характеристикам пешеходных путей, адаптированных к требованиям ФОЛ, приведены в таблице.

Пешеходные пути движения и требования к ним ФОЛ

Характеристика пешеходного пути	Требования
1 Трогуары и пешеходные дорожки	
1.1 Трассировка линейных элементов пешеходных путей:	
при уклоне рельефа до 10%	по возможности короткие, спрямленные, просматриваемые на всем протяжении
на сложном рельефе	устройство лестниц, дублированных пандусами; серпантин
1.2 Свободный от преград пешеходный путь	
ширина, м	не менее 1,5 м при одностороннем движении лиц на креслах-колясках; не менее 1,8 м при двустороннем
поперечный уклон, %	от 1 до 2
продольный уклон пути в местах без перил, лестниц, пандусов, %	как правило, не более 5
перила высотой 0,7 и 0,9 м, наличие	с двух сторон при продольном уклоне от 6 % до 10 %
горизонтальные площадки, размещение	через каждые 12 м при продольном уклоне от 6 % до 10 %
горизонтальные площадки, размеры в плане, м	не менее 1,5 × 1,5
фуникулер, наличие	при продольном уклоне от 15 % до 30 %
подвесная канатная дорога, наличие	при продольном уклоне более 30%
1.3 Высота в свету прохода, м, под:	
выступающими конструкциями	не менее 2,1
ветвями деревьев	не менее 2,2
1.4 Поверхность покрытия:	
общие характеристики	прочная, твердая, не скользкая, толщина швов между плитками не более 10 мм
цвет и фактура на всем протяжении	контрастируют с цветом и фактурой прилегающих поверхностей

цвет и фактура в местах, требующих повышенного внимания	контрастируют с цветом и фактурой основной части пути на протяжении не менее 0,8 м
1.5 Площадки, малые архитектурные формы, оборудование	
размещение в плане, общее требование	вне границ пешеходного пути
размещение над пешеходным путем при высоте нижней кромки 0,7-2,1 м от уровня пешеходного пути	при размещении на вертикальной конструкции выступ за ее плоскость не должен превышать 0,1 м, при размещении на отдельной опоре выступ за пределы опоры не должен превышать 0,3 м
форма, общее требование	углы должны быть скруглены
таксофоны, банкоматы, торговые автоматы, торговые лотки, другое оборудование, установка	на горизонтальной поверхности с рифленным покрытием или на отдельных плитах высотой до 0,04 м, которые должны иметь размеры, не менее чем на 1,0 м превышающие размеры установленного оборудования
визуальные, звуковые, тактильные носители информации, размещение	указательных – на всем протяжении пути; сигнальных – непосредственно в сложных узлах; предупреждающих – перед сложными узлами и участками пути
осветительные устройства, размещение	по одной стороне пешеходного пути по границам пешеходного пути;
площадки отдыха, размещение	в рекреационных зонах через каждые 60 м, в других зонах через каждые 200 м
площадки отдыха, оборудование	скамьи со спинкой, край скамьи заглублен от края пути на 1,2 м; часть скамей с навесами
скамьи для отдыха, окраска	контрастирующая с окружением
неустраняемые опасные для ФОЛ места на пути движения	имеют ограждения высотой не менее 0,7 м
остановки общественного транспорта; посадочные пункты фуникулеров, подвесных дорог	ровные горизонтальные площадки размером в плане не менее 1,8 × 1,8 м
1.6 Отрезки пути с большим числом слабовидящих:	
поперечный профиль	дугобразный, с повышением в средней части на 50-100 мм
цвет и фактура поверхности пути	отличается от остальной части пути
общие характеристики направляющей (ведущей) линии	создается тактильной, звуковой, визуальной информацией
фиксация границ пути	с помощью бордюров, оград, стен и др.
размещение фонарей-ориентиров	вдоль пешеходного пути с интервалом в 2-3 м на высоте 0,3-0,4 м от земли
2 Лестницы, пандусы, подъемники	
2.1 Лестница:	
количество ступеней в марше	не менее 3 и не более 12
промежуточные горизонтальные площадки при прямом движении	после каждого марша, длина не менее 1,5 м
форма ступеней	одинакова по всей длине марша, подступенок вертикален, проступь горизонтальна без выступов, радиус скругления не более 50 мм
высота каждой ступени, мм	не более 120
ширина каждой ступени, мм	не менее 400
цвет проступи и подступенка	контрастируют друг с другом
2.2 Пандус:	
ширина, м	не менее 1,0
уклон марша при его длине до 10 м, %	не более 10
уклон марша при его длине от 10 до 15 м, %	не более 6
высота подъема марша (наклонной плоскости) пандуса, м	не более 0,8
горизонтальные площадки при прямом движении, длина, м	не менее 1,5

2.3 Перила пандусов и лестниц, наличие с двух сторон	
2.4 Поручни перил	
высота над поверхностью площадки, проступи, м	0,7 и 0,9
длина, м	длиннее марша на 0,3
поперечное сечение	диаметр от 30 до 50 мм, при прямоугольном сечении толщина не более 40 мм
окраска	яркая, заметная при слабом освещении
концы поручней	загибаются вниз
соединение поручней вдоль пути и на повороте лестниц и пандусов	соединяются между собой так, чтобы поручень был непрерывным по всей длине лестниц и пандусов
2.5 Ограничительные бортики:	
наличие	с обеих сторон лестниц и пандусов
высота, мм	не менее 50
2.6 Площадки на подходах к лестницам, пандуса, подъемникам,	
длина, м	0,8
фактура покрытия	контрастирует с фактурой основной поверхности, воспринимается слепыми и слабовидящими при движении
цвет покрытия	контрастирует с цветом основной поверхности
3 Наземные пешеходные переходы	
3.1 Ширина пути движения пешеходов на проезжей части улиц, основных проездов, м	не менее 1,8, но не менее ширины тротуара
3.2 Высота бортового камня в местах пересечения пути движения по тротуару с проезжей частью улиц, основных проездов, мм	не более 50
3.3 Сужение проезжей части улиц, основных проездов в местах пересечения с тротуаром	не допускается
3.4 Съезды с тротуаров на проезжую часть улиц, основных проездов:	
уклон, %	не более 10
площадка перед началом съезда, длина, м	0,8
фактура, цвет покрытия площадки перед началом съезда	контрастируют с фактурой и цветом основной поверхности
3.5 Уровень пересечения путей движения по тротуару с проездами к домам	в одном уровне

Заключение. Работа над нормативами по учету требований физически ослабленных лиц, скорее всего, будет продолжаться. Уже сегодня можно проектировать почти все объекты, создавая среду, адаптированную к возможностям ФОЛ. Правда, и проектировщики и строители всеми правдами и неправдами избегают исполнения этих норм. Свидетельством тому служит реальное состояние среды обитания в наших поселениях.

Литература

1. Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения: СТБ 2030-2010. – Введ. 28 04 2010 г. – Минск: Госстандарт, 2010. – 26 с.
2. Обеспечение условий для передвижения инвалидов, пользующихся креслами-колясками, при разработке проектов планировки и застройки жилой застройки

жилых районов и микрорайонов, а также жилых и общественных зданий в Белорусской ССР: РСН 70-90. – введены в действие с 1 сентября 1990 г. постановлением Государственного комитета Белорусской ССР по делам строительства от 26 апреля 1990 г. №11 – Минск: Госстрой БССР, 1990. – 10 с.

3. Проектирование среды жизнедеятельности с учетом потребностей инвалидов и маломобильных групп населения: ВСН 62-91*. – Утверждены приказом Госкомархитектуры 29 ноября 1991 г. №166 и постановлением Минстроя России 26 июля 1994 г. № 18-3. М.: Минстрой России, ГП ЦПП, 1994. – 31 с.

4. Жилищный кодекс Республики Беларусь. Минск: "Регистр", 1999. – 48 с.

5. Рекомендации по проектированию окружающей среды, зданий и сооружений с учетом потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения. Выпуск 2. Градостроительные требования: МДС 35-2.2000. – М.: Минстрой России, 2000. – 62 с.

6. Свод правил по проектированию и строительству. Проектирование зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения. Общие положения: СП 35-101-2001. – Одобрено постановлением Госстроя РФ от 16 июля 2001 г. N 70. – М.: Госстрой РФ, 2001. т – т 87 с.

7. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения: СНиП 35-01-2001. – М.: «Книга сервис», 2002. – 32 с.

8. Закон Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь. Мн.: "Регистр", 2008. – 28 с.

9. Гуревич, В.Л. Создание безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями В.Л.Гуревич// Стандартизация. – 2010. – №5, С.8 – 12.

Abstract

This article contains the attached to the draft State Standard of the Republic of Belarus "Ambience of existence for physically weakened persons. Main requirements" general principles of creation of the environments that is adapted for the possibilities of physically weakened persons of different categories, recommendations about composition and content of urban planning documentation ensuring observance of these principles, concrete recommendations about the account of requirements of physically weakened persons in the design of pedestrian ways in open territories.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.5:930.26

БЕЛОРУССКОЕ РЕГУЛЯРНОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГЕНЕЗИСА XVI-XVII ВЕКОВ

Чантурия Ю.В., Януш А.П.

доктор архитектуры, профессор, кафедра «Градостроительство»; ассистент, кафедра «Градостроительство»

На основе изучения ранее выполненных работ, а также исследования, проведенного авторами статьи, охарактеризовано регулярное градостроительство средневекового происхождения. Отмечены исторические особенности его возникновения в Европе, приведена типология городских поселений Беларуси с геометризованной планировкой, выявлены отличительные черты рассмотренной градостроительной культуры в белорусском регионе Великого княжества Литовского.

Введение. Исследования истории градостроительства развивают теоретические знания о культуре общества, углубляют научные представления о формировании национального зодчества, а также создают методическую и фактологическую базу для решения проблем реконструкции исторических районов городов. Процесс эволюции городских поселений Беларуси с IX до середины XIX в. включил сложение нерегулярного градостроительства средневекового восточнославянского генезиса, регулярное средневековое градостроение, привнесенное из Западной Европы, укоренившееся на территории Беларуси и получившее региональные черты. С ним тесно связано градостроительство ренессанса, барокко и широ-

чайшая урбанистическая культура классицизма.

В настоящей работе исследуется регулярное градостроительство средневекового генезиса. Выбор этого стиливого периода вызван его крайне недостаточной изученностью. В некоторых странах Европы с различной степенью подробности его рассматривали А. Бунин, С. Гербст, Т. Зарембска, В. Калиновски, А. Круль, А. Милобэндзки, С. Кравцов, Р. Могытыч, П. Рычков, Т. Трегубова, и другие авторы [1]. Для условий Беларуси регулярная средневековая планировка городских поселений вкратце зафиксирована В. Ревеньской, отметившей данное явление только для северо-западной части современной Гродненской области [2].

Цель проводимого исследования – выявить систему планировочных принципов регулярного градостроительства средневекового генезиса в Беларуси XVI-XVII вв. Объект исследования – города и местечки на территории современной Беларуси с регулярной планировкой средневекового характера XVI-XVII вв. Предметом исследования

служит планировочная организация городских поселений.

Основная часть. У истоков развития градостроительства на белорусских землях лежала культура древнерусских княжеств. К эпохе Киевской Руси второй половины IX-начала XII в. и периоду феодальной раздробленности XII-XIII вв. относится сложение густой сети расселения. Города имели типичную для древнерусского градостроительства иерархическую структуру. В своем полном выражении она включала детинец с кромом, окольный город, укрепленный или неукрепленный посад, пригородные монастыри. Пояса укреплений, фиксирующие территориальное деление города, выполнялись в обычных земляных и деревянных конструкциях, но уже в XIV в. стали появляться мощные каменные сооружения. Система планировки была нерегулярной, свободно сложившейся и отличалась большим разнообразием типов.

В середине XIII в. зарождается новое государственное образование со столицей в Новогрудке, а затем в Вильно – Великое княжество Литовское. Его экономическое и политическое развитие сопровождалось появлением новых населенных мест. В XIII-XIV вв. на территории Беларуси существовало 40 городов. В XVI в. возникло около 200 поселений городского типа местечек, отличавшихся полусельским характером жилой среды. К середине XVII в. насчитывалось 42 города и 425 местечек, причем по числу последних выделялось Понеманье. Крупными считались города с населением 10 и более тыс. чел., средними – более 5 тыс., малыми – 2-5 тыс. чел. В местечках проживало от нескольких сот до 1,5 тыс. чел.

Подъем экономики и культуры, развитие демократических отношений в XV-XVI вв. способствовали градостроительным процессам, связанным с перепланировкой на регулярной основе старых городов или их центров, строительством новых поселений. Система форм, композиционные характеристики этой планировки в зарубежной, в частности, польской историографии получили название

готических. Вероятно, появление термина обусловлено совпадением во времени расцвета готического стиля в архитектуре сооружений и возникновения в Европе рассматриваемой пространственной организации городов.

Согласно В. Ревеньской, существуют общие для различных стран признаки готической планировки: прямоугольный или квадратный рынок с восемью отходящими от углов улицами – продолжениями сторон площади; примыкание двух улиц к углу не всей своей шириной, а лишь частью, для максимального увеличения занятой застройкой стороны площади; размещение ратуши, храмов, торговых лавок и даже жилых зданий в срединной части пространства площади; тяготение композиционных осей площади не к центру, а к сторонам комплекса; тенденция сложения не целостного, единого ансамбля, а скорее художественно организованного конгломерата отдельных элементов [2, с. 63-69]. Например, признак примыкания двух улиц к углу площади не всей шириной, а лишь частью прослеживается в средневековом ядре Варшавы в пределах крепостных стен, в другом польском городе – Шидлуве (планы городов см. [3, с. 14; 4, с. 24; 5, с. 61]).

Готический стиль в градостроении зародился на юге Франции, где, по мнению А. Бринкмана, первым его проявлением служил город Монтобан [6] (приводится по [2, с. 65]). К началу XIII в. относится строительство в долине р. Гаронны многочисленных малых поселений, так называемых *bastides*. Готическая прямоугольная планировка известна также в Англии, Чехии, Венгрии и особенно восточной Германии. Ее происхождение И. Гантнер, П. Лаведан и М. Поэт, не отрицая композиционного фактора, объясняют законодательным регулированием земельных участков при поселении мещан в условиях плоской местности. Х. Клайбер трактует прямоугольную планировку как идеальную форму, наивысшую степень эволюции нерегулярных средневековых структур – двухуличных, ребристых и параллельных [7-10] (приводится по [2, с. 65]). Т. Толвиньски и

А. Бринкман усматривают в ней зрелое, продуманное художественное построение. А. Хоэниг и В. Гайслер связывают принципы организации городского пространства с этничным фактором, приписывая идею планировочного порядка проявлению германского менталитета [11, 12] (приводится по [2, с. 65, 66]).

Распространение в Западной и Центральной Европе готической структуры, создаваемой по единому геометризovanному замыслу, обусловлено также идеологическими воззрениями средневекового общества. Оно было подвержено стремлению к порядку и догматизму в различных сферах социального бытия и сознания, в том числе искусстве. В концепции регулярной планировки могут заключаться религиозные предпосылки – св. Иоанн Богослов в Апокалипсисе описывает план Нового, нисходящего с неба Иерусалима как квадрат, который мог служить идейным прообразом и символом освященности квадратного рынка и ортогонального очертания всего города [2, с. 66].

Одной из причин появления в готической культуре квадратной площади и системы квадратных или прямоугольных кварталов, вероятно, была и античная традиция, обращение к платоно-пифагорейской концепции гармонии мира, основанной на символике чисел и геометрических фигур. В средневековье вновь стали почитаться этически важные в античный период формы – квадрат и куб, наделенные знаками непреходящих ценностей и устойчивости [13, с. 39].

В отношении Восточной Европы Я. Птасьник отмечает, что правовые нормы городского землепользования и готические стилевые особенности планов поселений, на польских землях впервые появившиеся в Силезии и Поморье, начиная с середины XIII в. продвигались на восток (приводится по [2, с. 66]). Рассматриваемые композиционные характеристики планировки свойственны и юго-восточному региону Польши, включавшему древнерусские Галицкое и часть Владимиро-Волынского княжества, например Львову. На севере же, по мнению В. Ревеньской, на территориях этнично литов-

ских, где долго сохранялось язычество, и этнично белорусских готическая прямоугольная планировка распространилась под влиянием польской культуры лишь во второй половине XVI в., после объединения ВКЛ и Польского королевства в Речь Посполитую [2, с. 66, 67]. Однако все же этот процесс начался, очевидно, раньше, в XV – первой половине XVI в. в контексте распространения общеевропейской средневековой культуры и последующего становления искусства Нового времени. В частности, определено, что к началу XVI в. относится появление в Минске нового комплекса общественного центра в удалении от старого, включившего обширную рыночную площадь, а также системы прилегающих кварталов. Наиболее вероятно, что регулярные очертания прямоугольного торгового и примыкающих улиц, известные по документам конца XVIII в., были заложены сразу при строительстве района.

Очевидно, появления в городах регулярной планировки служило проведение в ВКЛ в XVI – первой половине XVII в. аграрной реформы, так называемой волочной померы. В основе реформы лежала унификация ранее разнохарактерных объектов налогообложения крестьянства, ввод новой единицы эксплуатируемой земли – волоки (21,36 га) как главного элемента обложения феодальными повинностями. Задача померы заключалась также в размежевании и описании королевских и других имений, что стало необходимым при повсеместной чересполосице сельскохозяйственных угодий, вызывавшей пограничные недоразумения.

Землеустроительные мероприятия могли в большей или меньшей степени затронуть жилые территории в местечках и малых городах, где значительная часть населения занималась земледелием, а упорядочение участков – определить и регулярную уличную сеть.

Города с геометризованной средневековой планировкой гипотетически можно разделить на три группы. К первой относятся поселения, которые ранее обладали нерегулярной структурой эпох Киевской Руси или феодальной раздробленности, но в итоге

преобразования ее утратили и приобрели на всей территории новый регулярный план. Во вторую группу следует включить города, получившие готическую схему плана сразу при своей закладке и строительстве по единому, заранее задуманному замыслу. Выделение второй группы и отнесение к ней поселений предположительно в связи с отсутствием документов. Нет возможности, во-первых, точно установить дату создания регулярной сети, во-вторых, достоверно утверждать о времени возникновения самого населенного места, так как первое упоминание о нем в летописях еще не говорит о годе его появления, а археологические данные нередко отсутствуют. Третья группа – города, где реконструкция проведена фрагментарно. Была создана геометрически правильная планировка торговой площади и прилегающих отрезков улиц или какой-либо иной зоны поселения, а на остальной территории осталась нерегулярная средневековая уличная сеть.

В первую группу входят: Давид-Городок, Дисна, Клецк, Койданово, Петриков. Ко второй группе со значительной степенью вероятности относятся города, в большинстве основанные в XVI в.: Бельничы, Березино, Борисов (на новом месте), Глубокое, Ельск, Коссово, Крупки, Лельчицы, Логишин, Любань, Миоры, Поставы, Ружаны, Сенно, Скидель, Столбцы. Третья группа: Большая Берестовица, Брест, Видзы, Витебск, Дрогичин, Друя, Жировичи, Заславль, Кобрин, Кореличи, Лепель, Ляховичи, Минск, Могилев, Новый Мядель, Орша, Пинск, Радошковичи, Слоним, Слуцк, Смоляны, Старый Мядель, Ушачи, Хойники, Чаусы, Чериков, Шерешово. Остальные поселения с готическим планом систематизировать по указанным признакам затруднительно.

Заключение. В проведенном исследовании подтверждено, в отношении небольшой северо-западной части Беларуси, а для остальной ее территории выявлено существование регулярного средневекового градостроительства, привнесенного из Западной и Центральной Европы, укоренившегося и получившего распространения в основном в

XVI – первой половине XVII в. Расширены также знания о европейских городах, в которых развивалось это градостроительное искусство, именуемое в историографии готическим, и способных послужить прообразом для его воплощения в белорусских поселениях. Подтверждены и дополнены отличительные черты регулярной средневековой планировки в белорусском регионе Великого княжества Литовского. К ним относились:

- общий замысел пространственной организации города или его крупного района;
- регулярность, геометризация структуры, повсеместное применение прямолинейных улиц и других планировочных рубежей;
- в ряде случаев прямоугольная или квадратная конфигурация города;
- ортогональная система кварталов;
- прямоугольная, квадратная или Г-образная торговая площадь как срединное ядро городского плана с восемью или менее отходящими от углов улицами продолжениями сторон площади;
- размещение важнейших гражданских и культовых зданий во внутреннем пространстве площади;
- тяготение композиционных осей площади не к центру, а к ее сторонам;
- тенденция примыкания двух улиц к углу площади не всей своей шириной, а частью, для максимального увеличения занятой застройкой стороны площади.

Литература

1. Бунин, А.В. *История градостроительного искусства: в 2 т.* / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. — 2-е изд. - М.: Стройиздат, 1979. - Т. 1, 2; Herbst, S. *Za-mosc / S. Herbst.* — Warszawa: Budown. i architektura, 1954. - 128 s.; Zarembaska, T. *Poczatki polskiego pismienictwa urbanistycznego / T. Zarembaska.* — Warszawa, Lodz: Panst. Wyd. Naukowe, 1986. - 475 s. u dr. публикации; Kalinowski, W. *Zarys historii budowy miast w Polsce do polowy XIX wieku / W. Kalinowski.* -Torun: Wyd. Uniwersytetu M. Kopernika, 1966. -65 s. u dr. публикации; Кравцов, С.Р. *Принципы регулярного градостроительства Галичины XIV — XVII веков: автореф. дис. ...канд. архитектуры: 18.00.01 / С.Р.Кравцов; ВНИИ теории архитектуры и градостроительства.* — М., 1993. — 24 с; Рычков, П.А. *Градостроительное искусство Западной Украины XV-XIX веков: автореф. дис. ...д-ра архитектуры: 18.00.01 / П.А.*

- Рычков; ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. — М., 1993. — 64 с; Трегубова, Т.А. Планировка средневекового Львова: Опыт историко-градостроительного анализа: автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Т.А. Трегубова; Ин-т истории искусств. - М., 1973. — 24 с.
2. Rewienska, W. Miast a i miasteczka w polnocno-wschodniej Polsce / W. Rewienska. — Wilno: Drukarnia artystyczne «Grafika», 1938. - 145 s.
3. Захватович, Я. Польская архитектура до половины XIX столетия / Я. Захватович. - Варшава: Wydawnictwo i architektura, 1956. — 32 с. +500 ил.
4. Krol, A. Zamek krolewski w Warszawie: Od konca XIII wieku do roku 1944 / A. Krol. - Warszawa: Panstwowy Instytut Wyd., 1969. - 251 s.
5. Milobedzki, A. Zarys dziejow architektury w Polsce / A. Milobedzki. - Wyd. Drugie. - Warszawa: Wiedza Powszechna, 1968. - 366 s.
6. Brinkman, A. E. Stadtbaukunst / A. E. Brinkman. -Berlin, 1920.
7. Gantner, J. Grundformen der europaischen Stadt / J. Gantner. - Wien, 1928.
8. Klaiber, Ch. Die Grundrissbildung der deutschen Stadt im Mittelalter / Ch. Klaiber. - Berlin, 1912.
9. Lavedan, P. Histoire de l'Urbanisme/P. Lavedan. - Paris, 1926.
10. Poete, M. Introduction a l'Urbanisme/M. Poete.
11. Geisler, W. Die deutsche Stadt / W. Geisler. -Stuttgart, 1924.
12. Hoening, A. Deutsche Stadtbau in Bohmen / A. Hoening. - Berlin, 1921.
13. Душкина, Н. О. Проблемы этики в архитектуре: Опыт формирования архитектурной среды в Оксфорде и Кембридже / Н. О. Душкина // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад-Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитектуры и градостроительства, Моск. архит. ин-т; редкол.: Н. Смолина [и др.]. - М., 1994. — Вып.3. — С. 38 — 47.

THE BYELORUSSIAN REGULAR TOWN-BUILDING WITH MEDIEVAL GENESIS (XVI-XVII C.)

On the base of studies the earliest scientific works and the research of the authors the "regular" town-building with medieval genesis is described. The article notes the historical peculiarities of its origin in Europe, contains the typology of the Byelorussian towns with "geometrical" planning, and detects the distinctive features of the analyzed urbanistic culture of the Byelorussian region of the Great Lithuanian principality.

Поступила в редакцию 21.04.2011

Раздел 2 ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 711.558:798

К ВОПРОСУ ОПТИМАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КОННОГО СПОРТА, ОЗДОРОВЛЕНИЯ И ТУРИЗМА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

Боярина Г.П., Боярина Н.Ю.

старший преподаватель, кафедра «Градостроительство»;
магистрант, кафедра «Жилые и общественные здания и сооружения», БНГУ

Рост популярности конного спорта и туризма, распространение лечебной верховой езды, возникновение в последние десятилетия в Беларуси многочисленных конных клубов не обеспечивается сегодня соответствующей нормативной базой. Препятствием для развития сети объектов конного спорта, оздоровления и туризма в городах Беларуси является неразработанность их типологии и классификации, отсутствие рекомендаций по их оптимальному размещению. На примере Минска в статье рассматриваются принципы возможного размещения конных объектов в структуре города.

Введение. Развитие сети объектов конного спорта, оздоровления и туризма в Беларуси имеет важное значение как в контексте государственной деятельности в области популяризации спорта и роста спортивных достижений, так и ввиду повышения интереса и спроса на такого рода объекты.

В отличие от других Европейских стран, России и Украины в нашей стране после глобальных разрушений во время Великой Отечественной войны крупные конноспортивные объекты (Республиканский центр олимпийской подготовки в Ратомке, ДЮСШ в Зазерье Пуховичского района, ДЮСШ в Дворищах Лидского района и др.) создавали в сельской местности за пределами городов. Исключение составляет Гомель, где областной центр конного спорта и современного пятиборья располагается в структуре города в историко-рекреационной зоне «Прудок» и использует исторические сооружения дореволюционного конного завода, а также Могилев и Горки, где конно-

спортивные школы размещаются в периферийной зоне городов.

Основная часть. Расположение за городом имеет определенные преимущества для организации конных центров- использование окружающих ландшафтов для конных прогулок, проведения спортивных тренировок и соревнований по троеборью, конным пробегам и т.п., также использование окружающих территорий в качестве рекреационного пространства при проведении крупномасштабных соревнований. Значительное расстояние от жилых массивов также работает как шумозащитный барьер, что обеспечивает большие возможности для организации развлечений при проведении соревнований и других мероприятий.

Преимущества размещения конных объектов в городе – хорошая транспортная доступность (что особенно важно для маломобильных групп населения), включенность в инфраструктуру города, возможность насыщать конные центры дополнительными функциями для создания многофункциональных развлекательных или оздоровительных комплексов. Расположение в городе позволяет повысить популярность этих объектов, помогает расширить контингент посетителей и обеспечить самокупаемость объектов. Так крупнейшие, наиболее известные конные комплексы Москвы – Центральный Московский ипподром (42 Га), Битцевский конноспортивный комплекс (50 Га) и другие, занимают значительные

территории непосредственно в городе. В центре города при Центральном ипподроме два десятилетия работает специализированный центр иппотерапии "Живая нить", в котором одновременно проходят лечение 160 детей с особенностями психофизического развития, проводятся международные семинары и соревнования по программам Специальной Олимпиады и Паралимпийских Игр.

Сложность реализации задачи развития сети объектов конного спорта, оздоровления и туризма в городах Беларуси в отсутствие разработанной типологии конных центров, принципов их размещения в городской среде и за ее пределами, в неполноте нормативной базы для проектирования и строительства конных объектов.

Современные тенденции развития объектов, связанных с содержанием лошадей, при условии расширения их функциональной нагрузки, позволяют определить их **классификацию по функциональному назначению:**

- спортивные (сооружения 1, 2 категории классификации Минспорта Республики Беларусь позволяющие обеспечить подготовку спортсменов и проведение международных соревнований);
- физкультурно-оздоровительные (сооружения 3, 4 категории классификации Минспорта Республики Беларусь для ведения физкультурно-оздоровительной работы и организации досуга населения);
- рекреационно-туристические (специализированные объекты конного туризма);
- лечебно-реабилитационные (специализированные объекты для применения метода иппотерапии и реабилитационной верховой езды);
- коневодческие (специализированные объекты по разведению племенных лошадей);
- спортивно-коммерческие (объекты, предназначенные для спортивной подготовки молодых лошадей с последующей продажей);
- комплексные (сочетание двух или нескольких типологических признаков).

В Российской Федерации действует нормативный документ НТП-АПК 1.10.04.003-03

«Нормы технологического проектирования конноспортивных комплексов», (в дальнейшем КСК). Согласно ему рекомендуется принимать следующие размеры КСК по количеству лошадей: до 10 голов, от 10 до 20 голов, от 20 до 40 голов, более 40 голов. В Беларуси единая классификация конных объектов по величине не разрабатывалась.

Нормативные разрывы от конюшен до жилых домов определяются согласно СанПин «Гигиенические требования к организации санитарно-защитных зон предприятий, сооружений и иных объектов, являющихся объектами воздействия на здоровье человека и окружающую среду» утвержденному постановлением № 78 Минздрава Республики Беларусь от 30.06.2009 г. Эти нормы регламентируют удаленность конюшен от жилых домов следующим образом:

- а) хозяйств по разведению племенных животных до 5 голов – не менее 20 метров
- б) племенных хозяйств до 15 голов – не менее 40 метров,
- в) то же до 100 голов – на 75 метров;
- г) то же до 150 голов – на 150 метров;
- д) хозяйств с содержанием животных до 50 голов – не менее 50 м,
- е) до 100 голов – на 100 метров,
- ж) крупных коневодческих ферм на 300 м.

В соответствии с нашими действующими нормами можно предложить более удобную **классификацию конных объектов по величине:**

- до 5 лошадей – мини;
- от 5 до 15 лошадей – малый;
- от 15 до 50 лошадей – средний;
- от 50 до 100 лошадей – крупный
- более 100 лошадей – крупнейший.

Анализ зарубежного опыта функционирования системы конных объектов различного масштаба в городах и за их пределами, бурный рост количества конноспортивных клубов в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, других крупных городах в два последних десятилетия, позволяют рассмотреть концепцию возможного размещения подобных объектов на примере Минска.

В центре города в крупных городских парках (по примеру конюшен в детском парке им. Горького, Центрального Ботанического сада, размещения лошадей в парке им. Челюскинцев в 90-е годы XX века) могут располагаться досуговые мини-центры до пяти лошадей. При этом занимаемый участок с конюшней и открытой площадкой для верховой езды может быть небольшим – от 0,02 га.

В центральной интегрированной и переходной зонах при выносе промпредприятий и на территориях, высвобождающейся при сносе ветхой усадебной застройки возможно размещение малых и средних досугово-развлекательных и лечебно-реабилитационных объектов, пони-клубов и детских школ верховой езды. Конюшня, крытый и открытый манежи потребуют большей территории – от 1 га.

В периферийной зоне (район Цнянского водохранилища, водохранилища «Дрозды») могут размещаться крупные конноспортивные или комплексные центры с занимаемой территорией от 5 гектаров. Для таких объектов желательна близость лесопарковых массивов, возможность туристических выездов в пригородную зону.

Узкая специализация частных спортивно-коммерческих центров в области подготовки лошадей для продажи предполагает предпочтительное размещение этих объектов в сельской местности. Коневодческие объекты по разведению племенных лошадей, независимо от вместимости, являются режимными с ограничением доступа посетителей, требуют значительных территорий для осуществления своей деятельности (пастбища, выгулы), и также должны размещаться за пределами населенных мест.

Заключение. Необходимость проведения комплекса исследований по уточнению типологии и классификации объектов конного спорта, оздоровления и туризма, нормативной базы в области проектирования конных центров, определения функциональных и экономических принципов их размещения, позволит создать взаимосвязанную сеть объектов, обеспечить разнообразие функ-

ций городских пространств, повысить интерес к конному спорту, расширить возможности применения иппотерапии и лечебной верховой езды, повысить туристическую активность в стране.

Литература:

1. *Equestrian Sport* [Электронный ресурс]. – [www.newworldencyclopedia.org/entry/Equestrian Sport](http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Equestrian_Sport)
2. *Конный спорт* [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www.dinamica.by/wiki/Конный спорт](http://www.dinamica.by/wiki/Конный_спорт)
3. *Центральный Московский ипподром* [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www.ru.wikipedia.org/wiki/Центральный Московский ипподром](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Центральный_Московский_ипподром)
4. *Конноспортивные клубы в Москве* [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.prokoni.Ru/page.php?id=58 Конноспортивные клубы в Москве
5. Боярина Г.П. "Перспективы развития конноспортивных, оздоровительных и туристических комплексов в Беларуси" - 2010: Материалы Восьмой международной научно-технической конференции "Наука - образованию, производству, экономике", 10 февр. 2010, Минск, Беларусь. – Минск, БНТУ, 2010. – 154 с.
6. *Нормы технологического проектирования конноспортивных комплексов: НТП-АПК 1.10.04.003-03 – 2003*: [утв. Госстандартом РФ: введ. 17.09.03]. 2003 – 46 с.
7. *Гигиенические требования к организации санитарно-защитных зон предприятий, сооружений и иных объектов, являющихся объектами воздействия на здоровье человека и окружающую среду: Сан-ПиН: утв. постановлением № 78 Минздрава от 30.06.2009 г.: введ. в действ. 30.09.2009.* – Минск, 2009. – 63 с.

THE PROBLEM OF OPTIMAL PLACEMENT OF EQUESTRIAN, REHABILITATION AND TOURISM FACILITIES IN CITIES OF BELARUS

Boyarina G., Boyarina N.

The rise in popularity of equestrian sports and tourism, the spread of therapeutic riding, the emergence in Belarus numerous horse clubs in recent decades, is not accompanied by the appropriate regulatory framework. Obstacle to the development of the network facilities of equestrian sport, rehabilitation and tourism in the cities of Belarus is the underdevelopment of their typology and classification, the lack of recommendations for their optimal placement. On the example of Minsk article discusses the principles of the possible deployment of equestrian facilities in the city structure.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 725.94:711.4

АРХИТЕКТУРНОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Другомиллов Р.А.

аспирант, кафедра «Градостроительство»

Рассмотрено архитектурное благоустройство сельских поселений, определено значение этого понятия, разработана классификация элементов архитектурного благоустройства. Архитектурное благоустройство рассмотрено как функционально-эстетическая система, основывающаяся на взаимосвязях (функциональной и композиционной) ее элементов друг с другом и с другими составляющими архитектурной среды.

Введение. Вопросы благоустройства сельских поселений в настоящее время в Беларуси подняты в различных государственных программах и документах, например, в “Государственной программе возрождения и развития села на 2005-2010 годы”.

Ранее, в различные годы, схожими с архитектурным благоустройством сельских поселений вопросами занимались в рамках своих исследований такие авторы, как С. М. Соколов [1-3], Н. Н. Кассина [3, 4], М.Ф. Денисов [5], А. В. Сычева [6], А. С. Сардаров [7-9], Н. Я. Крижановская [10], Г.А. Потаев [11-12] и др. Однако в то же время наблюдается отсутствие терминологического аппарата и комплексной, последовательно структурированной функциональной классификации элементов архитектурного благоустройства сельских поселений в современных социально-экономических условиях Беларуси. К тому же, само благоустройство никогда не рассматривалось как целостная система взаимосвязанных элементов – даже понятие “комплексное благоустройство” [1, 3] не подразумевало под собой конкретную системность и выражалось лишь в указании разнообразия элементов благоустройства для различных объектов благоустройства, а “принцип комплексности” [11-12] лишь вскользь намекал на возможную системность, не раскрывая всей ее сути.

В реальном проектировании и организации архитектурного благоустройства, не смотря на внешние высокие эстетические

качества отдельных элементов архитектурного благоустройства, также допускаются частые ошибки и недочеты.

Поэтому на основании анализа научной литературы, опыта благоустройства сельских поселений в Беларуси, а также непосредственного обследования автором благоустройства сельских поселений, предлагается оригинальный терминологический аппарат, типология элементов архитектурного благоустройства сельских поселений, а также характеристика собственно системности архитектурного благоустройства с выявлением необходимых связей элементов архитектурного благоустройства друг с другом и другими составляющими архитектурной среды.

Основная часть. Архитектурное благоустройство – это функционально-эстетическая система, дополняющая основные архитектурно-планировочные и объемно-пространственные решения поселений и межселенных территорий и обеспечивающая повышение уровня комфортности и улучшение условий проживания людей.

Основная масса элементов архитектурного благоустройства представляет собой малые архитектурные формы – элементы архитектурной среды (архитектурные сооружения, изделия и устройства), являющиеся частью системы архитектурного благоустройства, практического и неутилитарного назначения, с преобладанием архитектурно-художественных свойств, придающих им визуально-эстетические качества. Сюда можно отнести павильоны на остановках общественного транспорта, беседки, уличную и садово-парковую мебель, въездные знаки в сельские поселения, доски почета, декоративную скульптуру, мемориалы, часовни и др. Остальные элементы, такие, как автомобильные стоянки, площадки мусоро-

сборников, опоры линий электропередачи, надземные трубопроводы и др., которые, по сути, изначально не обладают высокими визуально-эстетическими качествами можно условно называть **прочими элементами архитектурного благоустройства** – элементами архитектурной среды, являющимися частью системы архитектурного благоустройства, преимущественно практического назначения, с изначальным преобладанием утилитарно-технологических свойств, обеспечивающих им эксплуатационные качества.

Кроме того, все элементы (формы) архитектурного благоустройства можно классифицировать по функциональному назначению. Выделено четыре основные функции:

- планировочная;
- утилитарная;
- неутилитарная;
- санитарно-гигиеническая.

Элементы с определенным функциональным назначением объединены в соответствующие группы. Некоторые элементы имеют одновременно различное функциональное назначение, поэтому причисление их к определенной группе произведено по их первостепенной целевой направленности.

К элементам планировочной функции относятся элементы, оказывающие определенное влияние на планировочную структуру сельских поселений. Они объединены в следующие группы:

- группа “организация транспортного движения” – включает в себя улично-дорожную сеть и ее элементы (улицы, проезды, автостоянки, остановки общественного транспорта, площади, разворотные площадки); покрытия проезжей части; дорожную обстановку (дорожные знаки, разметку, светофоры, дорожные сигнальные столбики, искусственные неровности и др.);
- группа “организация пешеходного движения” – включает в себя сеть пешеходных путей сообщения и ее элементы (тротуары, пешеходные дорожки, пешеходные переходы, пешеходные мостики); покрытия пешеходных путей сообщения; ограждения; вхо-

ды на территорию объектов (ворота, калитки, пилоны и т.п.);

- группа “организация велосипедного движения” – включает в себя сеть велосипедных путей сообщения и ее элементы (велостоянки и их оборудование, велосипедные дорожки и т.п.); покрытия велосипедных путей сообщения;
- группа “организация рельефа” – включает в себя организованные откосы, выемки и насыпи; террасы; подпорные стенки; лестницы; пандусы; открытые водоотводящие устройства (канавы, кюветы, лотки).

К элементам утилитарного назначения относятся элементы, непосредственно предназначенные для практического использования. Элементы объединены в группы:

- группа “отдых и развлечение” – включает в себя детские площадки и игровое оборудование; спортивные открытые сооружения, площадки и оборудование; танцевальные площадки; пляжное оборудование (туалеты, кабинки для переодевания, причалы и др.); уличную и садово-парковую мебель; беседки; теневые навесы;
- группа “средства массовой визуальной информации” – включает в себя доски почета; стенды; афиши; предупредительные надписи и таблички; информационные указатели; наружную информацию на зданиях и сооружениях (текстовое и графическое обозначение зданий и сооружений, информационные таблички, наружную рекламу, витрины, обозначения номеров домов и названий улиц); въездные знаки в сельские поселения; дорожные знаки и разметку; визуальную информацию на мемориальных знаках;
- группа “торгово-финансовые элементы” – включает в себя торговые киоски; торговые лотки; банкоматы; столики для приема молока;
- группа “бытовые элементы” – включает в себя уличные телефонные аппараты; уличные часы; громкоговорители; почтовые ящики; площадки и оборудование для чистки и сушки белья; сооружения для сушки или хранения зерновых, соломы, кормовых

(стог, “азярод”, “абарог” и др.); малогабаритные сооружения для животных (пчелиные ульи, собачьи конуры, кормушки, скворечники и т.п.); очаги, барбекю; организованные родники.

К элементам неутилитарного назначения относятся элементы декоративного, мемориального и религиозного характера, объединенные в следующие группы:

- группа “мемориальные и религиозные элементы” – включает в себя мемориалы; надгробия; мемориальные кресты; часовни и каплицы; отдельно стоящие колокольни; руины;
- группа “декоративные элементы” – включает в себя декоративную скульптуру; сюжетные композиции малых архитектурных форм; декоративные камни и каменные композиции; декоративные стенки; изделия и устройства для растений; декоративные водные устройства и гидротехнические сооружения;
- группа “элементы праздничного оформления” – включает в себя крепления для флагов; гирлянды; транспаранты; временные декоративные элементы (сборно-разборные элементы, флажки; воздушные шары и др.).

К элементам санитарно-гигиенического назначения относятся элементы, предназначенные для уменьшения или предотвращения вредных воздействий на человека, обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, оздоровления сельской среды. Такие элементы объединены в следующие группы:

- группа “очистка и уборка территории” – включает в себя уличные урны для мусора; площадки мусоросборников; уличные и дворовые туалеты; контейнеры для хранения песка;
- группа “видимые части инженерного оборудования” – включает в себя колодцы; водоразборные колонки; крышки люков подземных инженерных коммуникаций; ливневые решетки; элементы освещения; опоры линий электропередачи; надземные трубопроводы.

Классификация элементов архитектурного благоустройства по функциональному назначению уже сама по себе систематизирует все элементы архитектурного благоустройства, указывая им свое место в общей массе. Однако обследование сельских поселений показало, что кроме такого рода систематизации элементов, существуют и определенные взаимосвязи этих элементов друг с другом и с другими составляющими архитектурной среды. Таких взаимосвязей две, и на них должна основываться вся система архитектурного благоустройства:

1. Функциональная взаимосвязь элементов архитектурного благоустройства друг с другом и с другими составляющими элементами архитектурной среды (зданиями, сооружениями и т.д.). В такой взаимосвязи можно выделить два аспекта: функциональность в расположении элементов в пространстве (планировочная функциональная взаимосвязь) и взаимная функциональность в формировании элементов. В отношении расположения элементов в пространстве примером такой взаимосвязи может быть необходимость размещения урн возле других элементов архитектурного благоустройства – скамеек, беседок, а также возле входов в здания; размещение авто- и велостоянок возле общественных зданий; устройство остановок общественного транспорта на главных улицах сельских поселений или на транзитных автомобильных дорогах; пешеходные пути также обеспечивают функциональные взаимосвязи, например, между элементами архитектурного благоустройства и входами в здания и т.п. Примером функциональной взаимосвязи в формировании может быть регулирование высоты ограждений в зависимости от характера ограждаемой территории; устройство автопавильонов или отдельно стоящих скамеек на остановках общественного транспорта; регулирование объема и высоты урн в зависимости от места их расположения (например, при устройстве урн у входов в здания и у скамеек необходимые объемы и высота их будут различны) и т.п. При отсутствии же

рассмотренной функциональной взаимосвязи эксплуатационные качества благоустроенной территории не соответствуют требуемым, незамедлительно возникает конфликт между необходимым характером использования территории и фактическим ее благоустройством. В результате этого могут появляться стихийные тропинки на декоративных газонах, происходить загрязнение территории твердыми бытовыми отходами, организация стихийных авто- и велостоянок с порчей покрытий пешеходных путей и декоративных газонов и т.п.

2. Композиционная взаимосвязь элементов архитектурного благоустройства друг с другом и с другими составляющими элементами архитектурной среды (зданиями, сооружениями и т.д.). В рассматриваемой взаимосвязи также можно выделить два аспекта: композиционная взаимосвязь в расположении элементов в пространстве (планировочная композиционная взаимосвязь) и композиционная взаимосвязь в формообразовании элементов (стилевое единство). В целом, композиционная взаимосвязь выражается в применении подходящих строительных материалов, приемов декорирования, стилистически сочетающихся с окружающей предметно-пространственной средой форм элементов и их цвета, других композиционных средств (ритм, масштабность, контраст и т.д.). К сожалению, на практике вышеуказанная композиционная взаимосвязь даже в городских поселениях, не говоря уже о сельских, применяется крайне редко (в качестве удачных примеров можно привести наиболее известные решения в благоустройстве территории возле Национальной библиотеки Беларуси и на участке ул. Ленина от пр. Независимости до ул. Интернациональной в Минске – здесь большинство элементов архитектурного благоустройства выполнены в стилевом единстве не только друг с другом, но и с ближайшими зданиями). При отсутствии композиционной взаимосвязи в архитектурном благоустройстве территорий у пользователя возникает необъяснимое на первый

взгляд чувство дисгармонии и, как следствие, психологический дискомфорт.

Таким образом, архитектурное благоустройство необходимо рассматривать как часть структуры сельского поселения в целом, в которой каждый конкретный элемент архитектурного благоустройства связан с аналогичными элементами в отдельную подструктуру, видимую или невидимую элементарную сеть. Это может быть как и видимая улично-дорожная сеть, так и невидимая сеть водоразборных колонок, размещенных по всей территории сельского поселения по определенной системе, т.е. через определенные расстояния в определенных местах. Таких элементарных сетей может быть в сельском поселении столько же, сколько и всевозможных элементов (форм) архитектурного благоустройства. В то же время, подструктура какого-то одного элемента может быть связана (как в планировочном отношении, так и в отношении образования формы и облика) с подструктурами других элементов (одной или несколькими), а также со структурными частями всего сельского поселения, т.е. с отдельными планировочными элементами поселения (территориями различного назначения) и с имеющимися в их пределах зданиями, сооружениями, озеленением, особенностями рельефа. Примером может служить взаимное расположение и формообразование уже рассматривавшихся выше урн и скамеек (с учетом целесообразности их положения и формы на конкретных территориях сельского поселения), совокупность каждого из которых в отдельности образует элементарные сети, взаимоувязанные друг с другом и со структурными элементами сельского поселения.

Заключение: 1. Рассмотрены понятия “архитектурное благоустройство”, “элементы архитектурного благоустройства” (“малые архитектурные формы” и “прочие элементы архитектурного благоустройства”), даны определения указанным терминам.

2. Разработана функциональная классификация элементов архитектурного благо-

устройства сельских поселений. Выделены четыре основные функции элементов: планировочная, утилитарная, неутилитарная, санитарно-гигиеническая. Все элементы в рамках каждой конкретной функции объединены в соответствующие 13 групп.

3. Архитектурное благоустройство рассмотрено как функционально-эстетическая система, которая должна основываться на взаимосвязях ее элементов друг с другом и с другими составляющими архитектурной среды – функциональной (планировочной) взаимосвязи и взаимосвязи в формообразовании) и композиционной (планировочной взаимосвязи и стилевом единстве).

Литература

1. Соколов, С.М. О методике проектирования комплексного внешнего благоустройства / С.М. Соколов // Научные труды / Львовск. сельскохоз. ин-т. – Львов, 1974. – Т. 52: Новое в планировке, строительстве и архитектуре села. – С. 96-100.
2. Соколов, С.М. Совершенствование проектно-нормативной базы внешнего благоустройства / С.М. Соколов // Научные труды / Львовск. сельскохоз. ин-т. – Дубляны, 1976. – Т. 69: Архитектура, планировка и благоустройство сельских населенных мест. – С. 85-96.
3. Комплексное благоустройство сел / Н.Н. Кассина [и др.]. – К.: Урожай, 1986. – 136 с.
4. Кассина, Н.Н. Классификация малых архитектурных форм и элементов внешнего благоустройства для сельских населенных пунктов / Н.Н. Кассина // Республиканский межведомственный научно-технический сборник / Госстрой УССР, Укрниипрограждансельстрой. – К.: Будівельник, 1983. – Вып. 6: Планировка, застройка и благоустройство сел Украинской ССР. – С. 33-44.

5. Денисов, М.Ф. Ландшафтное проектирование малых архитектурных форм: учеб. пособие / М.Ф. Денисов. – М.: МАРХИ, 1986. – 91 с.
6. Сычева, А.В. Ландшафтный облик белорусского села / А.В. Сычева – Мн.: Ураджай, 1982. – 48 с.
7. Сардаров А.С. Благоустройство автомобильных дорог Гродненской области / А.С. Сардаров // Автомобильные дороги. – 1986. – №3. – С. 15-16.
8. Сардаров, А.С. Благоустройство автомобильных дорог Белорусской ССР: каталог проектов / А.С. Сардаров (рук. авт. колл.) [и др.]. – Мн.: Палымя, 1988. – 96 с.
9. Сардаров, А.С. Архитектура автомобильных дорог Беларуси (архитектурно-ландшафтное направление): дис. ... д-ра арх.: 18.00.04 / А.С. Сардаров. – Мн., 2001. – 232 л.
10. Крижановская, Н.Я. Основы ландшафтного дизайна / Н.Я. Крижановская. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 204 с.
11. Потаев, Г. Методические основы проектирования малых ландшафтно-архитектурных форм / Г. Потаев // Архитектура и строительство. – 2008. – №5. – С. 18-23.
12. Искусство архитектурно-ландшафтного дизайна / Г.А. Потаев [и др.]; под общ. ред. Г.А. Потаева – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 217 с.

THE OUTDOOR ARCHITECTURAL ORGANISATION OF RURAL SETTLEMENTS AS A FUNCTIONAL-AESTHETIC SYSTEM

Drugomilov R.A.

The outdoor architectural organization of rural settlements is investigated, the meaning of this term is determined; classification of the outdoor architectural organization elements is worked out. The outdoor architectural organization is investigated as a functional-aesthetic system based on interdependences (functional and compositional) of its elements with each other and with other elements of architectural.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 72.035/036

БРОДАКР-СИТИ Ф.Л. РАЙТА – ПОСЕЛЕНИЕ БУДУЩЕГО Зуева П.П.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Советская и современная зарубежная архитектура», МАРХИ

Введение. В 1935 году Ф. Л. Райт считал, что Бродакр-Сити неизбежен, потому что уже существует автомобиль, изобретены электросвязь и электрораспределительные устройства, и машинное производство стандартных элементов. Среди важных элементов его плана – ферма, завод, (дым и га-

зы предприятия поглощались при сжигании угля в шахте для выработки электроэнергии), сборное жилищное строительство, децентрализованные школы, домашние конторы, безопасный транспортный поток и упрощенное управление, которое сохраняло

округ как единственный локальный административный элемент.

Главный макет Бродакр-Сити размером 3,6х3,6х0,2 был изготовлен из дерева в масштабе 1 см:18 м. Он представлял собой территорию в 4 квадратные мили (1036 га) или, по более традиционному определению, четыре земельных участка топографической службы США общей площадью 2560 акров (1036 га). В 1935 г. Райт сообщал, что архитектор моделирует новый тип города, на этой площади в 2 квадратные мили должны были разместиться 1400 семей или жилых единиц (рис. 1).

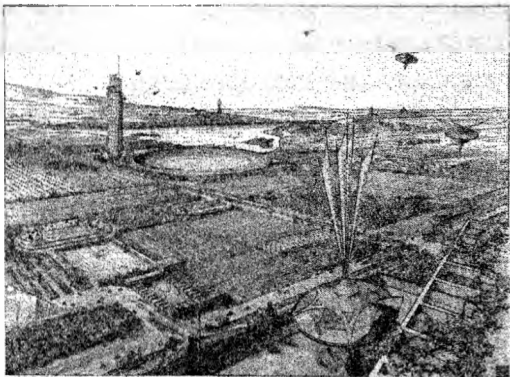

Рисунок 1 – Ф.Л. Райт. Бродакр-Сити.
«Архитектор моделирует новый тип города»

Основная часть. Райт говорил об особенностях структуры Бродакр-Сити. Считая, что чисто Узонианская цивилизация легко может появиться в будущем. Земельный участок на макете представлял собой типичный главный город округа. Проект предполагал, что город идет в деревню и вбирает ее в себя и становится неким будущим американским округом в 4 квадратные мили. На макете было показано, как несколько холмов спускаются вниз к равнине, и река или ручей течет через нее. Эта характерная топография была выбрана Райтом для того, чтобы смоделировать развитие типичного земельного участка округа. Окончательное решение Бродакр-Сити представляло такие округа, но сгруппированные в

штаты; затем округа и штаты объединялись в федерацию. Бродакр-Сити – это страна, в основе которой лежала идея, что все, и мужчина и женщина и ребенок в США должны были обладать акром земли на протяжении всей своей жизни, и каждый мужчина должен был иметь свою собственную машину или самолет. Макет Бродакр-Сити представлял лишь промежуточную схему, а не окончательную, которая настолько свободная по главной и второстепенной осям, что никогда не станет обычной академической идеей. Такая схема, по Райту, всегда готова вобрать в себя неизбежные органические изменения. Она не «классична», а «органична». То, что предлагает Бродакр-Сити естественно, здесь сельский житель, промышленник, ученый, философ и художник встречаются на самой земле.

Все правительственные действия должны были идти из правления округа, откуда поступала почта и необходимое официальное распределение. Руководство и защиту обеспечивали вертолеты, которые размещались на специальном поле недалеко от городской ратуши. Общественные коммунальные услуги (газ, свет, вода, газолин) должны были поступать по коммуникациям, проходившим в 1 метре от края дороги. Райт считал, что телефонные столбы и телеграфные провода устарели, что аэропланы – эффектные трюки, что система строительства в США ненаучна, а старые железные дороги несовременны. Поэтому он предложил следующее, взял полосу отчуждения железной дороги и превратил в архитектуру ее два пути – это центральная скоростная дорога экспресс-транспорта от океана до океана – великая тройная дорога, двухполосная автомобильная скоростная дорога, по обеим сторонам которой проходят параллельные скоростные дороги округа, связанные через каждые полмили с деревенской округой. Машины двигаются по каждой полосе и в одном направлении, грузовой транспорт идет двумя уровнями ниже также в одном направлении, но может въезжать и съезжать на шоссе через каждые полмили. Дороги

имеют бетонированное покрытие и машины развивают скорость до 1000 миль в час. На границах округов Райт разместил вертолетные площадки, через каждые полмили — проходы и переезды для главных поперечных дорог округа. Под этой дорожной системой находилось огромное пространство для хранения строительных материалов, топлива и т.д. Эта главная артерия (полностью измененная железная дорога) связывала округа штатов и сами штаты в окончательный Бродакр-Сити.

Самая важная проблема в Бродакр-Сити — это транспортная проблема, движение. Скоростной автомобиль требует большего пространства и, решая данную проблему, Райт извлекал архитектуру из дорог. Он изогнул дорогу, сделал ее вогнутой без кюветов. Дорога у него выполняла функцию дренажа с единственной глубокой канавой посередине, закрытой решеткой и трубопроводом в нижней части. Рядом с центральным трубопроводом он расположил более мелкие с проводами и коммуникациями, которые все были легко доступны при снятии секций металлической решетки. Решетки занимали место разделительной полосы, которая есть на обычных скоростных дорогах. Светофоры были ликвидированы. Дорога освещалась с обочин низкими прожекторами, установленными среди цветов в двух футах от земли. Поверхность любой дороги в Бродакр-Сити была ночью освещена, а днем — матово-красная.

Райт разработал пересечения в разных уровнях, которое хорошо смотрелось с архитектурной точки зрения и сокращало вероятность несчастных случаев для пешеходов и автомобилей до 0,1 процента. Одну десятую составляли полностью просматриваемые надземные повороты.

Таким образом, транспорт в Бродакр-Сити был показан на модели в виде широкого артериального скоростного шоссе состоявшего из нескольких транспортных потоков в верхнем уровне, монорельсовых скоростных поездов в центре и грузовых перевозок в нижнем уровне. Внутри этих

шоссеиных сооружений были также склады, где хранились запасы сыра.

Округа в США занимают от 30 до 40 квадратных миль каждый и в каждом есть главный город. Райт не предлагал менять расположение городов главных округов, столиц штатов и федерации или менять железнодорожные пути. Он говорил об упразднении мелкой деревенской власти, чтобы уничтожить мелкую бюрократию. Управление должно было быть сконцентрировано на более высоком уровне, правительство округа должно было быть теснее связано с федеральной властью, но ее численность становится меньше. Правительства штатов продолжают выступать в качестве посредника, но будут менее необходимы по мере того, как процесс правительственного контроля будет становиться более органичным.

Итак, по Райту, благодаря этому выделению или правительственной централизации общих нужд это — децентрализация всех нужд человека, основанная на современной использовании материалов, стекла и стали, мобильности и электрификации. Всем владеет или все контролирует простой народ, которому они служат.

В определении протяженности города Райт исходил из того, что у каждого жителя будет от двух до пяти машин. Можно было построить дома в расчете на одну машину или на пять. Повсеместно изменился масштаб пространства, как в предназначении земли, так и в самих жилых единицах. Плановая норма перестала равняться на стоящего человека или на человека, сидящего позади лошади в повозке. Миля для современного человека в автомобиле или 10 миль в воздухе составляла лишь временную дистанцию, т. к. расстояние становится скорее отрезком времени, чем футами.

Чтобы решить проблему озеленения, Райт с самого начала отвел специальные зоны, где растут деревья ценных пород, что субсидировало правительство штата. Правительство, выделяя под пахоту треть земель, заботиться о будущем росте, обеспечивая больше земли для работы, а когда нужно, деревья спиливают. Эти зеленые

массивы – важная особенность ландшафта Бродакр-Сити. Различные виды ценных деревьев в соответствии с климатом можно посадить на акре. Таким образом, законсервированная земля вновь возвращается в оборот при необходимости.

На макете зеленые зоны занимали слишком мало места относительно всей территории, поскольку хотели показать как можно больше всего на маленьком пространстве, имеющемся в распоряжении. Поэтому дома и сады занимали больше места, чем было бы необходимо при действительном развитии.

Каждая община в Бродакр-Сити обладала определенными функциями – такими, как искусства, ремесла и маленькие мануфактуры. Ткачество, окрашивание тканей и т.д. выполнялось в небольших заводских ячейках, где могли проживать рабочие. Каждый, если ему хотелось, проживал там, где он работал.

Образовательная функция по Райту – радио включено в Бродакр-Сити как один из активов, который контролировался самими жителями. С новым университетом, децентрализованным элементом, были связаны дендрарий, аквариум и зоопарк. Все фазы развития природы были собраны здесь для специального природного образования. Характер университета изменился, вместо «классического» обучения, человек изучал человека в связи с его местом рождения – землей – и человека в отношениях с людьми.

Бродакр-Сити унаследовал веру Генри Джорджа в то, что человек должен не только содержать свою землю, используя и улучшая ее, но и посвящать себя ей в высоком духовном смысле. Но не каждый мог стать добросовестным землевладельцем, поэтому Райт предусмотрел условия существования для тех людей, которые были разъединены с природой из-за урбанистического идеализма и паразитического образа жизни. Поэтому эта схема должна была быть промежуточной.

Все имеет общую основу – промышленность, искусство, наука и сельское хозяйство.

Согласно идее Ф. Л. Райта нигде в современной жизни не проявлялся смысл це-

лого, поэтому были не скоррелированы не только многие Узонианские промышленные и социальные виды деятельности, но каждый аспект человеческой деятельности являлся бесцельным расточительством. Райт считал, что нет разумного объяснения отделению сельского хозяйства и производства от жилых районов или друг от друга. В Бродакр-Сити каждый человек был ближе к любому другому человеку, если он этого хотел, чем в современном городе. И разрушающие наш ландшафт – столбы и провода, указатели, железные дороги, склады – отсутствовали в Бродакр-Сити.

У Райта ферма становится желанным местом проживания. Животные размещаются в помещения с огнеупорными стенами. Фермер – не изолированная часть в несоциальной глубинке.

В Бродакр-Сити жители владели тремя основополагающими свободами: свободной землей, свободным образованием и свободным обменом трудом или предметами потребления. Что означало полную свободу от спекуляции. Бродакр-Сити – все еще подлинно капиталистическая система, но такая, в которой частная собственность основана на личной пользе и общественном обслуживании.

Капитализм по Райту становится органичным с тех пор, как он широко основывается на земле. После учета потребностей каждого, каждый может получать блага в соответствии со своим вкладом. И вклад любого человека, какой бы характер или степень он ни имел, должен был быть объединен здесь с жизнью горожанина, с условиями, благодаря которым и для которых он живет, и из-за которых он не сможет потерять свободу личного выбора, если будет работать. Если он не будет работать, он становится подопечным государства и соответственно используется.

Ф. Л. Райт назвал этот капитализм органичным капитализмом, потому что житель Бродакр-Сити являлся настоящим капиталистом, а не просто потенциальным капиталистом. Он, прежде всего, принадлежал самому себе – первое условие органичного

капиталиста. Он мог владеть плодами собственного труда или, прибавляя свою долю усилий к усилиям общества участвовать в совместной работе.

Правительство, со своей стороны, должно было заниматься с особым вниманием коммунальными службами. Деятельность правительства, согласно концепции Ф. Л. Райта, будет скорее занятием деловой администрации, чем вмешательство в политику.

Райт ощущал, что архитектор должен был быть агентом государства во всех делах, касающихся расселения. В управлении Бродакр-Сити, согласно концепции Райта, важную роль играл архитектор округа. Он имел воспитательное и культурное отношение ко всему и поскольку поддерживал гармонию целого, должен был быть одним из лучших умов, которым располагал город и самым подготовленным. Вместе с учениками архитектор округа занимал рабочее помещение, которое одновременно являлось выставочной галереей, расположенной в главном городе округа. Он и его ученики проектировали новые здания, совершенствовали и сохраняли ландшафт округа. Шел постоянный поиск наиболее удачного решения, дававшего толчок к росту. Для этой цели готовились точные исследования и проекты лучшего – того, что имело прямое отношение к целому.

Ландшафт Бродакр-Сити – это парки. На одном конце этого обширного пространства Райт несколько изолированно расположил большой музыкальный сад под открытым небом с отгороженным местом для отдыха и танцев. Деление на кварталы, прослеживаемые на макете, не было бы столь явным в жизни. Ф. Л. Райт все представил абстрактно, согласно архитектурной манере. В фермерском секторе были размещены сооружения промышленности, культуры, отдыха и жилые дома. Прямо в центре располагался рынок. И повсюду, согласно мысли Ф. Л. Райта, в этом городе все люди, работа, могли жить счастливо.

Райт разработал и увеличил естественный пейзаж – кварталы деревьев, приведенные в

порядок поля, еще более красивые, чем «естественные». Пространственное расположение всего вполне подходило для любых целей. В окончательном варианте, по мысли Райта, ландшафт Бродакр-Сити станет архитектурой, как и архитектура станет ландшафтом. Оба едины с землей и оба – гармоничное сочетание формы с природой.

Заключение. Философские и проекционные темы, заявленные в Бродакр-Сити, вновь возникают в его последующих архитектурных, градостроительных и научных работах. В 1950-х годах он формально вернулся к идеям Бродакр-Сити начала 1930 годов и усовершенствовал их.

В начале 1930-х гг. Райт считал, что «в Бродакр-Сити можно найти не только образец для настоящей свободы личности как личности, но найти там сооружения, основанные на децентрализации почти всего, что создал большой бизнес, чтобы быть большим, также базовую экономическую структуру, нацеленную на большую индивидуальность, большую простоту более прямую ответственность правительства там, где это не касается личности человека.

Итак, Бродакр-Сити – не просто идея возврата «назад, к земле», но скорее разрушение искусственного разделения между городской и сельской жизнью». Райт верил, что благодаря разумному использованию развитых научных сил человечество утверждает практический образ жизни, который соединит искусства, сельское хозяйство и промышленность в гармоничное целое.

Ф. Л. Райт говорил, что внимательному человеку нетрудно заметить, что Америка несет наказания за свои безрассудные действия против природы. Бродакр-Сити не только осознает эту неудачу, но, веря, что количество никогда не будет удовлетворительной заменой качества, объединяет конечные результаты лучших мировых усилий нашего времени и идет вперед к новой культурной форме, форме, более прочно и благородно основанной на просвещенном человеческом эгоизме, чем все до сих пор предлагавшиеся. Внешне это будет выгля-

деть как форма архитектурного порядка, но вы можете рассматривать это скорее как безопасную, по сути, основу для нашего демократического общества, не как замену цивилизации, которой мы достигли при нашей абсолютно полной коммерциализации жизни.

В представленном проекте присутствовал психологический момент, в выставленном макете было показано будущее, которое, по мнению Райта, существовало уже на то время, что и определяло ценность макета.

Литература

1. Мастера архитектуры об архитектуре. /Под ред. Иконникова А., Маца И., Орлова Г. – М.: Искусство, 1972. Т.2. –590 с.

2. Cranshawe R. *Frank Lloyd Wright's Progressive Utopia. AAQ, X, no.1, 1978.*
3. Meehan Patric J. *Truth against the world. Frank Lloyd Wright's speaks for organic Architecture. New York.Chichester.Brisbane.Toronto.Singapore,1987– 473 pp.*
4. Roth L.M. *A Concise History of American Architecture. New York: Icon Edition Harper & Row, C. 1979. – 383 pp.*

FRANK LLOYD WRIGHT'S BROADACRE CITY AS THE INEVITABLE COMMUNITY OF THE FUTURE

Zueva P.

This article observes the Frank Lloyd Wright's new concept of the American democratic metropolis of the future.

The article analyses the main architectural features of Broadacre City.

Поступила в редакцию 21.03.2011

УДК 711.4.011

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА

Кишик Ю.Н.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

Статья содержит сравнительный анализ проектных предложений по преобразованию городского центра Гродно в XIX – XX веках. Выявляются особенности преемственного и новаторского подхода к достижению ансамблевых качеств застройки. С этих позиций дана оценка реконструкции центра 2006 – 2008 годов.

Введение. Поиску взвешенных проектных решений, не нарушающих органичности сложившейся пространственной среды, но развивающих и совершенствующих ее, помогает анализ достижений и упущений, через которое прошло историческое развитие городской структуры. Опыт градостроительства убеждает, что ансамбли сохраняются и – главное – развиваются, если их части объединяются общей градостроительной идеей и если каждая новая часть будущего организма включается в эту программу как новый элемент преобразуемой системы. С этих позиций предлагается провести сравнительный анализ известных проектных предложений по преобразованию городского

центра Гродно, включая его реконструкцию 2006-2008 годов.

Основная часть. Своеобразная программа реконструкции центра Гродно была намечена еще в начале XIX века. Строительством на площади Рынка по существу одного акцентного здания – ратуши с торговыми рядами – предусматривалось создание системы взаимосвязанных сооружений и открытых пространств, координируемых ясными композиционными осями. Выбранный архитектором Л. Гуцявичусом [1, с. 34] реалистичный метод реконструкции городского центра вполне соответствовал тенденции максимального сохранения в новой структуре существующих ценных зданий и сложившихся принципов формирования пространственной среды. Постановка ратуши посередине площади сделала здание связующим узлом городского ядра. С разных сторон гостиного двора образовались разнообразные по композиционным характеристикам фрагменты так называемой групповой площади [2,

с. 82]. Из центральной части города стали распространяться важнейшие пространственные оси, пронизывающие, как силовые линии, прилегающие городские районы.

Из сформировавшегося в XVIII – начале XIX веков в центре Гродно относительно целостного комплекса после окончания Второй мировой войны остались лишь некоторые составляющие элементы [3, с. 23, 68]. Автор первого генерального плана Гродно 1949 года А.Н. Клименко, видимо, интуитивно почувствовал, какое структурирующее значение в городском плане могут иметь улицы Мостовая и Крупской. Заключенную между этими улицами и оставшуюся без застройки территорию в виде большой трапеции А. Н. Клименко предложил использовать для создания протяженного партерного сквера [4]. Нельзя не увидеть в этом крупномасштабном клиновидном планировочном элементе развитие характерной для старинного Гродно темы «длинного рынка», достаточно широкое прочтение замысла предшественников – безвестных авторов перепланировки Гродно начала XVI века [5, с. 42-53]. Улицы Мостовая и Крупской должны были воспринять именно ту композиционную нагрузку, которую раньше несли извилистые ветви длинного веретена.

Обеспечение объединяющей роли центра в генеральном плане растущего города потребовало от проектировщиков также решительного обращения к новаторским средствам. Здесь имеется в виду пробивка новой магистрали от Советской площади кратчайшим путем через Городничанку к новому городскому парку. Кроме того, центр Гродно стал трактоваться не как геометрическое ядро, а как пространственная система, по своему масштабу отвечающая требованиям растущего областного города. Она являлась совокупностью элементов, удаленных от Советской площади на довольно значительное расстояние. Помимо партерного сквера, заканчивавшегося по краям двумя новыми площадями, и кроме широтной магистрали, уходящей в новый парк, в эту систему должна была войти и своеобразная эсплана-

да вдоль кромки высокого плато над Неманом. Центр передвигался в соответствии с заметным расширением его функций. Он как бы «переползал» из старой тесной оболочки в более просторную новую, не вызывая полного разрушения старой. Преемственность в пространстве заключалась в формировании элементов нового центра не на месте старого, но и не на произвольно выбранном участке, а по принципу его ступенчатого смещения. Все проектируемые общественные здания активно формировали свое окружение, подчиняя его системе локальных пространственных осей, создавая сеть архитектурных перспектив.

Автор выполненного в 1951-1952 гг. проекта застройки центральной площади и прилегающих кварталов в Гродно архитектор А. Ч. Хегай с точки зрения достижения композиционного и стилистического единства застройки выполнил задание талантливо [6]. В случае единовременного возведения центр Гродно, безусловно, получил бы художественно целостный комплекс, имеющий обусловленную историческим временем специфику архитектурной выразительности, обладающий явными ансамблевыми признаками.

Общий абрис городского ядра следовал наметкам генерального плана. Можно себе представить, как по мере движения по клиновидному партерному скверу в сторону его расширения последовательно нарастало бы эмоциональное впечатление при подходе к кульминационному узлу – Советской площади. Ее пространство отличалось строгой геометрической формой и большими размерами, сгущением общественных зданий и вертикальных акцентов, а также наличием (как в недавнем прошлом здания ратуши с торговыми рядами) сильной горизонтально акцентированной доминанты, каковой должен был стать Дом Советов. Правда, Дом Советов проектировался на месте исторического сквера бывшей Парадной площади. Идеологическая составляющая такого решения понятна: два костела композиционно исключались бы из комплекса застройки.

Очевидно, необходимость очертить прямоугольное пространство Советской площади, отделить его от трапециевидного партерного сквера и подчинить объему Дома Советов, стремление к определенной дифференциации пространств в их многоплановом развитии, вызвали появление в проекте выразительных акцентов в южных углах площади за счет незначительного повышения этажности размещаемых здесь зданий. Хотя автор ориентировался главным образом на использование 4-этажных жилых домов по типовым проектам, развертки улиц Мостовой и Крупской заставляют нас почувствовать целостную в композиционном и стилистическом отношении систему, где каждому элементу была отведена соответствующая роль. При достаточно большой протяженности комплекса единая архитектурная концепция прослеживается благодаря организующей роли крупных пространственных членений – фронтонов, балконов, больших оконных проемов, узлов сосредоточения декоративных элементов на поле стены, наконец, самих интервалов между зданиями в виде соединительных арок или ворот.

Примером того, какие мощные выразительные средства достижения целостности градостроительной композиции находил архитектор начала 1950-х годов, является использование в центральном ядре Гродно сохранившегося к тому времени на улице Мостовой остова бывшей табачной фабрики. Протяженное 4-этажное здание получило иное функциональное назначение, а также другую пластическую разработку, подобную той, какую имели соседние постройки. Для этого использовался известный арсенал классических архитектурных форм. Случайное для городского ядра здание после реконструкции не только не нарушало бы композиционного и стилистического единства среды, но задавало бы тон архитектурному решению застройки Мостовой улицы.

Графические материалы к проектному заданию, выполненные архитектором А. Ч. Хегаем, дают основания полагать, что при этом обеспечивалась такая организация

планировки и застройки, при которой композиция каждого элемента определялась характером всего центрального пространства. Можно говорить о попытке единовременного создания ансамблевой системы застройки. Она отличалась от исторически сложившейся в XIX – начале XX веков, для которой было характерно, например, отсутствие длинных осевых перспектив или известная замкнутость, даже затесненность городских пространств. Теперь основными принципами архитектурного решения городского ядра стало отыскание характерных приемов возобновления длинного веретена, а также распределение вокруг него горизонтально или вертикально акцентированных доминант и обязательное обеспечение пространственных связей между ними.

Положительным моментом в ходе последующей реализации проектов формирования центра Гродно явилось то, что в 1950-х годах была сохранена идея преемственного развития длинного веретена. Однако то, что не была создана главная доминанта ансамбля, явилось потерей для целостности городского ядра. Правда, при этом не был уничтожен исторический сквер на бывшей Парадной площади и не заслонен фасад иезуитского костела. Реализованная в конце 1950-х годов застройка улиц Мостовой и Крупской не получила композиционной и стилистической целостности и выразительности. Зато вместо проектируемого на Советской площади Дома облсовпрофа здесь был построен более представительный и крупномасштабный Дворец культуры текстильщиков. Но при этом Дом облсовпрофа, к сожалению, переместился в начало Советской улицы, нарушив исторически сложившуюся систему рядовой застройки. Предложения по планировке и застройке кварталов, прилегающих к городскому центру, тоже были реализованы частично. Осуществлено было все то, что не требовало сноса и больших реконструктивных мероприятий.

Решительное изменение творческой направленности советской архитектуры в середине 1950-х годов подчинило облик новых

построек интересам индустриальных методов строительства. Распространенная практика «штучной» застройки типовыми домами на участках, оказавшихся свободными, без тщательной проработки их взаимодействия со сложившейся средой, усугубила трудности решения последующих архитектурно-планировочных задач.

Реконструкция 2006-2008 годов, по существу, была сведена лишь к замене плоскости основания и благоустройству территории клиновидного планировочного элемента. Наличие образовавшегося в данном месте огромного, застроенного по периметру пространства как будто утверждает его особое образно-смысловое значение. Но оно, пространство, не получило специфического для общественного центра крупного областного города и разнообразного функционального назначения, оставаясь по существу лишь транспортным узлом. Кроме того, и это очень важно, здесь пока по-прежнему отсутствуют ясные композиционные оси, которые подчинили бы разнохарактерные сооружения и выявили бы ведущий мотив в организации пространства.

Речь идет именно об утрате структурного замысла, а не стилистического единства. В застройке нынешней Советской площади осталось немало примечательных частных зданий. Здесь мы находим: величественный портал иезуитского костела; торжественную симметричную композицию Дворца культуры текстильщиков; крупномасштабный фасад бывшего жилого дома купца Муравьева; много раз перестроенные, но связанные с именами исторических персонажей корпус бывшего дворца Сапегов и здание аптеки. Однако простое сопоставление оказавшихся рядом и стоящих во фронт перечисленных зданий, не обладающих крупным масштабом и не рассчитанных на изменившиеся условия восприятия, – такое решение, конечно же, не может привести к формированию архитектурного ансамбля.

Генерирующая роль сложнорасчлененного центра крупного областного города и в наши дни должна была бы явиться исход-

ным пунктом в поисках проектного решения. Рассматривая сегодня с этих позиций историческое ядро Гродно, мы должны признать, что идея целостности и неприкосновенности его исторического ядра сильно преувеличена. На Советской площади и в ее окрестностях до наших дней сохранились фрагменты городской среды, которые являются конгломератами случайных строений и неиспользуемых участков, не объединенных системой композиционных центров и осей. Проведенный архитектурной наукой анализ становления планировочной структуры исторических городов СССР показал, что дешевле экономически, эффективнее и в социальном и в художественном отношении насыщать сложившийся центр, чем создавать новый [7, с. 30]. Точно так в ходе реконструкции городского ядра Гродно целесообразно было бы превратить группы разрозненных зданий вокруг Советской площади в целостные пространственные структуры, обеспечивая при этом преемственную взаимосвязь старой и новой архитектуры.

Заключение. Сохранению и обогащению общей пространственной композиции центра старинного города несколько не будет препятствовать новая, но строго дозированная общественная функция центрального ядра, которая способна придать ему полноту художественного решения. При внимательном изучении длительного процесса градостроительного развития, исторически сложившихся особенностей старгородской среды, при соблюдении ее единства – не обязательно стилистического, но непременно композиционного, возможно и даже необходимо для формирования ансамбля введение в застройку исторического центра города новых зданий, решенных в современных архитектурных формах и устанавливающих новую систему композиционно-пространственных связей. Использование преемственности и новаторства, приемов и традиций, «подпитывающих» новую архитектуру, и ее самостоятельная выразительность создадут художествен-

ное качество, не уступающее градостроительной культуре прошедших эпох.

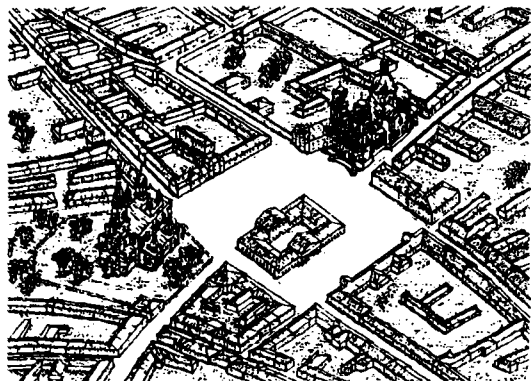

Рисунок 1 – Центр Гродно, сформировавшийся к началу XIX в. после строительства здания ратуши с торговыми рядами

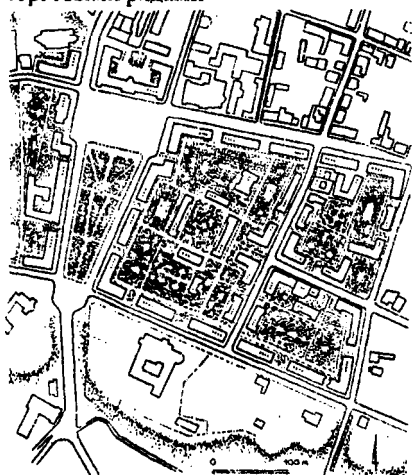

Рисунок 2 – Проект планировки и застройки центральной площади и прилегающих кварталов в г. Гродно. План. Белгоспроект, 1952. Арх. Херай А. Ч.

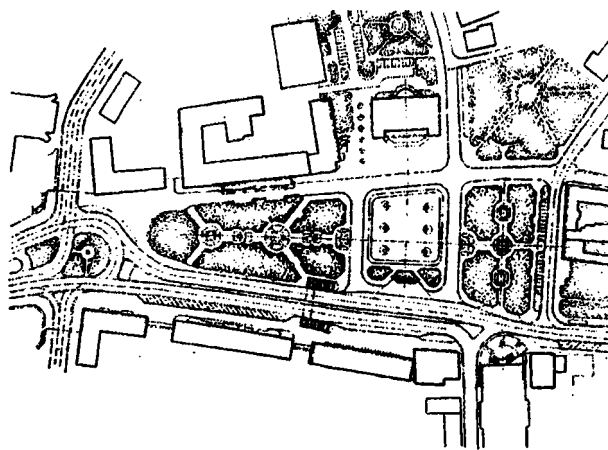

Рисунок 3 – Советская площадь в Гродно после реконструкции в 2006 – 2008 гг. План

Литература

1. Natusiewicz, M. *Spacerem po starum Grodne w 1939 roku* / M. Natusiewicz, R. Natusiewicz. – Wrocław, 1992. – 60 s.
2. Бунин, А.В. Круглова М.Г. *Архитектура городских ансамблей. Ренессанс* / А.В. Бунин, М.Г. Круглова. – М.: Издательство литературы по строительству, 1935. – 200 с.
3. Гродно. *Энциклопедический справочник*. – Минск: Белорусская Советская энциклопедия, 1989. – 438 с.
4. Белорусский государственный архив научно-технической документации, ф.3, о. 4, д. 427, л. 1.
5. Кишик, Ю.Н. *Градостроительная культура Гродно* / Ю.Н. Кишик. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 303 с.
6. Белорусский государственный архив научно-технической документации, ф.3, о. 3, д. 1157, л. 1.
7. Степанов, А.В. *Градостроительные проблемы крупного города: городской центр* / А. В. Степанов. – М.: ЦНТИ, 1975. – 35 с.

THE SUCCESSION AND THE INNOVATION IN THE REORGANIZATION OF THE CITY CENTRE

Kishik Yu. N.

The article contains a comparative analysis of project suggestions about the reorganization of city centre in Grodno in the 19th – 20th centuries. The peculiarities of successive and innovatory approach to the achievement of ensemble building's qualities are revealed. From this position the estimation of the latest center's reconstruction in 2006 – 2008 is given.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.455 (476)

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНЫХ ТУРИСТСКИХ КОРИДОРОВ

Потаев Г.А.

доктор архитектуры, профессор, кафедра «Градостроительство», БНТУ

Изложены основные теоретические положения формирования и развития транзитных туристских коридоров, проходящих через территорию Беларуси. Сформулированы целевые установки, принципы, методы, приоритеты формирования и развития туристских коридоров, размещения объектов и комплексов обслуживания туристов.

Введение. Туристский коридор – линейное территориальное образование, включающее одну или несколько туристских трасс, туристские ресурсы, используемые или потенциально пригодные для использования в системе туризма, объекты и комплексы обслуживания туристов.

Через территорию Беларуси проходят исторически сложившиеся широтные и меридиональные транзитные транспортные пути. Это создает предпосылки использования транспортно-географического положения страны для активизации туризма, в том числе транзитного, для развития которого формируются туристские коридоры.

Города, сельские поселения, природные комплексы, расположенные вдоль транзитных транспортных путей Беларуси обладают большим туристским потенциалом, который в настоящее время используется недостаточно. Слабо развита сеть объектов обслуживания туристов [1].

Основная часть. Формирование и развитие транзитных туристских коридоров создаст условия для более полного использования имеющихся туристских ресурсов, развития сферы туристских услуг и активизации экономики за счет дополнительного спроса на товары и услуги, увеличит приток иностранной валюты, будет способствовать возрождению народных традиций, ремесел, промыслов, укреплению культурных связей между странами.

Целевые установки. Формирование и

развития туристских коридоров направлено на достижение следующих целей:

1. На основании анализа и оценки имеющихся туристских ресурсов и инфраструктуры выделить поселения, которые имеют удобную транспортную доступность от туристских трасс и которые целесообразно развивать как центры туризма, ранжировать их по значимости (центры международного, национального, местного значения).

2. Определить природные территории с благоприятными условиями и удобной транспортной доступностью от туристских трасс, разработать предложения по их туристскому использованию.

3. Разработать предложения по обоснованию границ и зонированию территорий туристских коридоров.

4. Разработать предложения по обустройству автомобильных, железнодорожных, водных, велосипедных, конных, пешеходных туристских трасс в составе туристских коридоров.

5. Разработать предложения по размещению и развитию сети объектов и комплексов обслуживания туристов в составе туристских коридоров.

6. Обеспечить возможности использования туристских трасс и объектов обслуживания физически ослабленными лицами.

Принципы развития. Руководящими принципами, то есть основополагающими идеями формирования и развития туристских коридоров являются:

Принцип концентрации функций, который заключается в территориально близком размещении объектов обслуживания туристов по отношению к туристским трассам и к объектам туристско-экскурсионного показа.

Принцип разнообразия, который преду-

смачивает учет разнообразия интересов туристов. Туристам должна предоставляться возможность выбора объектов посещения и услуг.

Принцип пространственной целостности, который заключается в формировании туристских коридоров как пространственно целостных градостроительных образований, обладающих своеобразием и индивидуальностью облика.

Принцип преемственности, который направлен на сохранение всего ценного, что накоплено в предшествующие периоды. Новые объекты должны гармонично вписываться в сложившуюся среду [2].

Приоритеты развития. При формировании и развитии туристских коридоров приоритетны следующие положения:

1. Обеспечение удобной доступности объектов посещения и обслуживания туристов.
2. Создание безопасной, комфортной и экологически благоприятной среды.
3. Создание гуманной и эмоционально насыщенной среды.
4. Развитие объектов туристской инфраструктуры с ориентацией на перспективу.

Определение границ и зонирование территории туристских коридоров. Критериями выделения границ туристских коридоров являются:

- включение в границы туристского коридора объектов и территорий, обладающих значительным туристским потенциалом (историко-культурные и природные ценности, города – центры туризма, охраняемые природные и рекреационные территории, другие);
- создание развитой сети объектов обслуживания туристов (объекты отдыха, питания, ночлега туристов, технического обслуживания транспортных средств, другие);
- обеспечение удобной доступности объектов посещения и обслуживания туристов;
- обеспечение территориальной целостности градостроительных и природно-ландшафтных комплексов, включаемых в состав туристского коридора.

В границах туристских коридоров выделяются зоны: придорожного обслуживания

туристов и попутного осмотра туристских достопримечательностей.

Зона придорожного обслуживания. Зона предназначена для размещения объектов обслуживания и кратковременного отдыха туристов, других необходимых сооружений и устройств, связанных с обеспечением безопасного движения транспортных средств, пешеходов, велотуристов, защитой придорожных населенных мест от шума и загазованности, создаваемых транспортом.

В составе зоны придорожного обслуживания выделяются две подзоны. Первая – территория, непосредственно прилегающая к туристской трассе, шириной до 200 метров в обе стороны от трассы; вторая – располагается за ней и занимает территорию шириной до 1,5 километров в обе стороны от трассы.

Территория, непосредственно прилегающая к туристской трассе, предназначена для обеспечения безопасного движения транспортных средств, раскрытия живописных видов с туристской трассы на природное окружение, архитектурные объекты. К ней предъявляются особые требования архитектурно-ландшафтной организации территории.

Наиболее важно обустройство придорожных полос для автомобильных дорог, по которым передвигаются туристы. Непосредственно у дорог размещаются автозаправочные станции, пункты технического обслуживания транспортных средств, места кратковременного отдыха, пунктов быстрого питания туристов. Вдоль дорог создаются защитные зеленые насаждения, формируются эстетически выразительные архитектурно-ландшафтные композиции.

Ширина придорожной полосы (по 200 метров в обе стороны от дороги) обусловлена не столько технической категорией и интенсивностью движения транспорта, сколько потребностью размещения объектов обслуживания и обустройства придорожных территорий. Поэтому такая ширина оптимальна для автомобильных дорог всех категорий, включая парковые дороги.

Вдоль рек, по которым передвигаются туристы, также важно формировать эстетически выразительную архитектурно-ландшафтную среду. Ширина прибрежных территорий, подлежащих архитектурно-ландшафтному обустройству, зависит от строения русла реки и условий зрительного восприятия и может быть составлять от нескольких десятков метров до 200 метров от уреза воды.

При путешествии по железной дороге туристы пользуются, как правило, скорыми поездами дальнего следования или специальными туристскими поездами, которые имеют малое количество остановок. Поэтому придорожные полосы выполняют преимущественно защитные и эстетические функции, их ширина может составлять порядка 50 метров в обе стороны от железнодорожных путей.

Более удаленные от туристских трасс территории предназначены для размещения объектов отдыха и обслуживания туристов, в которых можно остановиться на ночлег и спокойно отдохнуть в живописном природном окружении, в агроусадьбе или в маленьком городе.

Зона попутного осмотра туристских достопримечательностей. Она больше зоны придорожного обслуживания и включает объекты и территории, используемые или потенциально пригодные для использования в системе туризма, расположенные в удобной транспортной доступности от туристских трасс.

Удобной можно считать транспортную доступность туристских объектов и территорий в пределах 10 минут от автомагистралей, железнодорожных станций и речных пристаней, которыми пользуются туристы, что соответствует расстоянию до 15 км при средней скорости движения 80 км/час.

В зону попутного осмотра туристских достопримечательностей следует включать: туристские трассы с зонами придорожного обслуживания; историко-культурные и природные достопримечательности, города – центры туризма, другие городские и сельские поселения, обладающие туристскими ресурсами, курорт-

но-рекреационные территории, расположенные на расстоянии до 15 км от съездов с автомагистралей, от железнодорожных станций и речных пристаней, которыми пользуются туристы; автомобильные дороги, велодорожки, пешеходные пути, по которым можно подъехать или подойти к туристским объектам и территориям.

Формируя туристские коридоры, следует предусматривать возможности посещения туристами объектов и территорий, расположенных на значительном расстоянии от них. Время, которое туристы готовы использовать для посещения тех или иных объектов и территорий, зависит от ценности туристских достопримечательностей, интересов туристов, а также от наличия свободного времени, которым они располагают. Как показывает практика туризма, на посещение историко-культурных ценностей Всемирного культурного наследия ограничений по времени и расстояниям практически нет.

Информация о наиболее ценных туристских объектах и территориях, которые расположены за пределами туристских коридоров и с которыми имеются транспортные связи, должна размещаться в указателях, схемах туристских маршрутов, вноситься в печатные и электронные туристские издания и карты.

Информационное обустройство туристских коридоров. Туристские коридоры должны быть обеспечены мобильной телефонной связью, возможностью подключения к сети Интернет, что позволяет туристам получать необходимую информацию о туристских объектах, заказывать гостиницу или получить другие услуги.

Все большее количество автотуристов пользуется электронными навигационными системами, в то же время, важно наличие вдоль туристских трасс визуального информационного оборудования – указателей, туристских схем, информационных щитов.

Информационное оборудование должно быть удобно для пользования – легко отыскиваться, читаться, туристы не должны испытывать трудности при его использовании. Шрифты, шрифтовые размеры, цвета,

символы, размещение, освещение должны выбираться с учетом расстояния, с которого люди будут читать надписи. Рекомендуется использовать контрастные соотношения между текстом и фоном (светлые буквы на темном фоне или темные буквы на светлом фоне), а также между текстом, фоном и преобладающими цветами окружения. Важно наличие информационного оборудования на иностранных языках.

Схемы должны быть ориентированы таким образом, чтобы соответствовать реальному местоположению объектов, на них следует помечать точку местонахождения посетителя. Наиболее информативны пространственные схемы (выполненные в трехмерном измерении).

Размещение объектов обслуживания туристов. Вдоль туристских трасс важно наличие объектов обслуживания, позволяющих туристам остановиться на отдых и ночлег, питаться, иметь возможность получить дорожную и туристскую информацию, медицинскую и техническую помощь, приобрести необходимые в дороге товары и услуги, связаться с родными, с органами охраны и поддержания правопорядка.

Объекты и комплексы обслуживания туристов могут размещаться в городских и сельских поселениях, расположенных вдоль туристских трасс, а также на межселенных территориях.

Рестораны, кафе, пункты быстрого питания, автозаправочные станции относятся к экономически эффективным предприятиям сферы услуг. Они привлекательны для инвесторов. Регулирование состава и соотношения объектов обслуживания осуществляется по рыночным законам – сохраняются и развиваются те объекты, которые пользуются спросом у туристов. В то же время важно обеспечить их упорядоченное размещение вдоль туристских трасс, а также дополнение необходимыми объектами обслуживания (общественные туалеты, пункты связи, оказания первой медицинской помощи, охраны общественного порядка, другие).

Наиболее рационально размещение вдоль туристских трасс не обособленных объектов

обслуживания, а их комплексов. Можно выделить комплексы обслуживания туристов 4 основных типов:

Тип 1. Комплексы кратковременного отдыха туристов. Их обязательным оборудованием являются: скамьи и столы, укрытия от непогоды (павильон, беседка или навес), туалеты, мусоросборники. Желательно иметь оборудованные места для разогрева и приготовления пищи, водный источник.

Тип 2. Комплексы быстрого обслуживания туристов. Такие комплексы включают: кафе или пункт быстрого питания в закрытом помещении, скамьи и столы с навесом на открытом воздухе, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт телефонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники.

Тип 3. Комплексы обслуживания туристов с рестораном. Такие комплексы предназначены для кратковременного отдыха туристов с возможностью получить пищу по индивидуальному заказу, включая блюда национальной и региональной кухни. Такие комплексы, кроме ресторана, должны включать: магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт телефонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники.

Тип 4. Комплексы обслуживания туристов с местами для ночлега. Такие комплексы предназначены для остановки туристов на отдых и ночлег. Они включают: гостиницу (мотель, кемпинг), ресторан (кафе, пункт быстрого питания, кухню самообслуживания), скамьи и столы с навесами на открытом воздухе, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт теле-

фонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники. Комплексы размещаются, как правило, в живописном природном окружении.

Во всех типах комплексов обслуживания туристов следует размещать дорожную и туристскую информацию: маршрутные схемы, указатели, информационные щиты с надписями на русском (белорусском) и английском языках.

В зависимости от местоположения, градостроительной и природно-ландшафтной ситуации комплексы обслуживания туристов могут существенно различаться по составу зданий и сооружений, оборудования [3].

Выводы:

1. В составе туристских коридоров должна создаваться развитая сеть транспортных и пешеходных путей сообщения, позволяющая минимизировать затраты времени туристов на посещение интересующих их объектов туристско-экскурсионного показа и получение необходимых услуг.

2. Безопасность – один из важнейших факторов, влияющих на туристский спрос. При формировании и развитии туристских коридоров должны создаваться условия для безопасного движения транспорта, пешеходов, велосипедистов, охраняемые автостоянки и места остановки туристов на отдых и ночлег.

3. Архитектурное обустройство туристских объектов и территорий должно обеспечивать

не только физический, но и психологический комфорт пребывания туристов. Люди эмоционально воспринимают и оценивают среду, в которой находятся. Привлекательность туристских коридоров – во многом рукотворное качество.

4. Наряду с использованием имеющихся туристских ресурсов, важно создание новых притягательных для туристов объектов, развитой системы услуг. При этом важно создание индивидуального облика туристских объектов и территорий.

Литература

1. *Энциклопедия туризма Беларуси*. – Минск: Беларус. энцикл. імя П.Броўкі, 2007. – 648 с.: ил.
2. *Потаев, Г.А. Территориальная организация курортно-рекреационных и туристских систем Беларуси / Г.А. Потаев // Архитектура и стр-во*. – 2010. – №7. – С. 34–37.
3. *Потаев, Г.А. Преобразование и развитие городов – центров туризма / Г.А. Потаев*. – Минск: БНТУ, 2010. – 226 с.

THE CONCEPT OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF TRANSIT TOURIST CORRIDORS

Potaev G.

The basic theoretical positions of formation and development of the transit tourist corridors passing through territory of Belarus. Purposes, principles, methods, priorities of formation and development of tourist corridors, placing of objects and complexes of service of tourists are formulated.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 72.036

ЗЕЛЕНый ГОРОД ПОД МОСКВОЙ (1929 г.). К ИСТОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДА-СПУТНИКА ДЛЯ ОТДЫХА МОСКВИЧЕЙ

Череди́на И.С.

кандидат архитектуры, профессор, кафедра "Советская и современная зарубежная архитектура", МАРХИ

В статье история проектирования Зеленого города под Москвой показана как часть градостроительных поисков в советской архитектуре 1930-х годов. Известная история конкурса дополнена неизвестными ранее материалами из личного архива архитектора С. Е. Чернышева.

Введение. В истории советской архитектуры до сих пор существует большое количество

«белых пятен». Многие события еще требуют специального изучения и дополнения. Открываемые в наши дни новые архивные материалы дают возможность во многом расширить и объяснить события, происходившие в конце 1920-х и в 1930-е годы. Предлагаемый нами материал может дополнить традиционные

представления о конкурсе на Зеленый город под Москвой, расширить наши знания об этом периоде и о событиях, которые ему сопутствовали.

Основная часть. В конце 1920-х в начале 1930-х годов взоры архитекторов все чаще стали обращаться к Москве и перспективам ее развития как первой в мире столице пролетарского государства. Город-ансамбль, который возникал в мечтах и проектах архитекторов должен был стать образцом новой архитектуры периода победившего социализма. Решение социальной задачи, поставленной перед архитекторами, предполагало создание проекта, который бы стал образцом для всего социалистического строительства. Наряду с другими важными проблемами, решавшимися в процессе работы над генпланом Москвы, вопрос об озеленении столицы обозначался как один из самых важных для перспективного развития города. Комфортные условия для здорового воздуха в столице должны были создавать скверы, бульвары, парки и лесопарки соединенные с лесным массивом в виде кольца, окружающего Москву по всему периметру. Это кольцо создавало вокруг столицы защитный пояс из зелени, сохраняло чистоту московского воздуха.

Как продолжение мысли о зеленом поясе и зеленых зонах в самом городе, была выдвинута идея о создании рядом с Москвой городов-спутников, в которых жители столицы могли бы отдыхать и поправлять здоровье. Так, в конце двадцатых годов появилось предложение о строительстве Зеленого города под Москвой. Предложение о создании Зеленого города принадлежало М. Кольцову (известному журналисту и писателю), выступившему в газете «Правда» со статьей «Дача – так дача!». Оно было связано с перспективным развитием Москвы и предполагало создание в пригороде столицы города-спутника, призванного разгрузить столичные проблемы. Неподалеку от Москвы тогда планировали создать «социалистический лесной курорт». Проектировался Зеленый город к северу от Москвы и основными магистралями, соединяющими его со столицей, должны были стать Ярославское

шоссе и железнодорожная ветка, ведущая к Загорску. Для реализации этой идеи в Пушкинском районе Подмосковья было создано акционерное общество «Зеленый город», которое ставило своей целью создание целой сети домов отдыха и санаториев для взрослых и различных детских оздоровительных учреждений. Для работы акционерного общества его Совет избрал председателя, которым стал М. Кольцов. Акционерное общество «Зеленый город» объявило конкурс на планировку и застройку города-курорта. Председателем жюри был назначен академик О. Шмидт. Победителем конкурса стал московский архитектор Н. Ладовский.

В истории советской архитектуры хорошо известны проекты Зеленого города, выполненные для заказного конкурса в 1929 году М. Гинзбургом и М. Барщем; Н. Ладовским, К. Мельниковым и Д. Фридманом. Зодчие продемонстрировали интересные решения архитектурных и социальных проблем города-спутника, очевидно, представлявшегося им советским вариантом популярного еще до революции города-сада. Представленные на конкурс работы были частью градостроительных концепций, выдвигаемых этими архитекторами в начале 1930-х годов для развития Москвы.

В личном архиве архитектора С. Е. Чернышева были найдены фотографии с проекта генерального плана Зеленого города под Москвой, схема его районирования и схема размещения городского транспорта, которые зодчий выполнил в начале 1930 года. Эти материалы прежде всего интересны тем, что они никогда не публиковались в официальной печати. Возможность проанализировать эти документы позволяет значительно расширить не только наши представления о творчестве С. Чернышева, но и вносит дополнительные знания о планировочных предложениях зодчего на актуальную и сегодня тему развития городов-спутников, их связи с крупным столичным городом. Предлагая свое решение, С. Чернышев разрабатывал не только план самого Зеленого города, но и предусматривал план развития большого подмосковного рай-

она, где были запроектированы не только зоны отдыха москвичей, но и постоянное место работы и жилье для обслуживающего персонала и сельскохозяйственных рабочих. На генеральном плане Зеленого города было намечено четкое функциональное зонирование его территории. Лучшие с точки зрения природно-ландшафтного богатства и наиболее отдаленные от магистралей участки С. Чернышев отвел под санатории и лесные школы для детей, а район, где были сосредоточены обслуживающие предприятия (например, пищекомбинат, который должен был обеспечить своей продукцией весь Зеленый город) – в максимальном приближении к транспорту.

Озелененный центр города с большой площадью и административными зданиями также был запроектирован рядом с основной транспортной артерией – железной дорогой, что позволило подвести к нему все проектируемые в городе дороги с внутренним транспортом и сделать его наиболее доступным не только для любого местного района, но и для Москвы. Большие дома, где должны были строиться дома отдыха – Восточный и Западный (так они названы в проекте) занимали те территории, которые давали наилучшие условия для спорта и активного отдыха трудящихся, то есть на берегу водоема, среди лесных массивов.

Благодаря компактному распределению мест отдыха и труда по всему Зеленому городу, значительная часть его площади отводилась под незастроенные зеленые массивы. Внутригородской транспорт в городе также был организован очень рационально. Дороги, соединяющие все дома отдыха, санатории, лесные школы и т. д. между собой и с центром, образовывали два пересекающихся кольца, в которые включались участок железной дороги и часть Ярославского шоссе. А в наиболее отдаленный район лесных школ проектировался специальный отрезок дороги, что должно было создать наиболее тихую и чистую зону для отдыха и учебы детей.

В своем проекте С. Чернышев сосредоточил внимание на решении конкретной задачи, связанной с организацией отдыха москвичей. Он не связывал напрямую этот проект, как это

сделали М. Гинзбург, М. Барщ и Н. Ладовский с генеральной перепланировкой всей московской системы. Скорее всего, зодчего занимала идея создания рационально спланированного крупного поселения, включавшего в себя различные функциональные зоны – отдыха, спорта, постоянного жилья и работы, сельскохозяйственных угодий, которые должны были образовать органично функционирующую цельную систему и войти в зеленый пояс, окружающий Москву, не нарушая эту структуру, а дополняя ее. Эту задачу архитектор решил успешно. Компактность планировки позволила отвести под лесные массивы значительную территорию города, что сделало его поистине «зеленым».

Очевидно, что, работая над проектом Зеленого города, С. Чернышев, как и другие архитекторы, думал о грядущей реконструкции столицы. Возможно, именно поэтому в его проекте чувствуется стремление максимально связать эту зону с Москвой. Много внимания уделено транспортным проблемам, подуманы связи не только внутри курорта, но и с окружающими районами и с Москвой, решены вопросы рационального использования территории, компактного размещения сооружений. Предвидя, что Подмосковье должно стать для столицы «резервуаром чистого воздуха», зодчий в своем проекте хорошо продумал, как сохранить естественные богатства природы Подмосковья и максимально озеленить застраиваемые участки.

Спроектированный С. Чернышевым Зеленый город был законченным решением северного подмосковного района, который мог реально стать частью ближайшего пригорода столицы.

К сожалению, идее Зеленого города не было суждено реализоваться. Экономические трудности, необходимость вести строительство гидротехнических сооружений (канал Москва-Волга и др.) для обеспечения столицы водными ресурсами, зачеркнули планы сооружения города-курорта под Москвой.

Заключение. Материалы по проектированию Зеленого города и даже сооружения, частично возведенные на выбранной для города

территории, и по сей день представляют значительный интерес, так как демонстрируют особенности градостроительной культуры, характерные для советской архитектуры 1930-х годов. Бурная застройка Подмосковья в наше время показывает, что проекты «классиков» советской архитектуры – это тот опорным материал, который мог бы показать пути возрождения бережного отношения к природе и сохранить экологический баланс территории, окружающей такой огромный мегаполис, как Москва.

Литература

1. Личный архив С.Е. Чернышева.

2. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М., 1980.
3. Хан-Магомедов С.О. Николай Ладовский. - М., 2007.

**ECO-CITY NEAR MOSCOW (1929).
THE HISTORY OF DEVELOPMENT
OF THE OVERSPILL TOWN FOR LEISURE
OF CITIZENS**

Cheredina I.

In the current article the history of the development of Ecopolis is described like a part of urbanism researching in soviet architecture of 1930th. The famous history of tender is added by unknown materials from the private archive of architect С.Е. Chernishev.

Поступила в редакцию 21.03.2011

Раздел 3 АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

УДК 72 (510)

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

Би Синь

аспирант, кафедра «Жилые и общественные здания», БНТУ

Определение последовательности действий по пространственному формированию среды при ликвидации последствий стихийных бедствий (ЛПСБ) позволяет решать возникающие конкретные проблемы, обеспечивая основу для каждого последующего этапа ЛПСБ. Это содействует формированию комплексного подхода к созданию архитектурной среды временных поселений для пострадавших, где им предстоит жить порой до 5 лет. Объекты архитектуры, созданные на каждом этапе ЛПСБ, служат основой для достижения архитектурными средствами целей последующих этапов. Игнорирование на каком-то из этапов средств архитектурного процесса, неизбежно создает предпосылки для осложнений по всем направлениям деятельности по ЛПСБ, нерационального расходования материальных и финансовых ресурсов.

Введение. Чрезвычайные ситуации, последствия которых можно ликвидировать за несколько дней (оползни, краткие ливневые наводнения и др.), приводят к коротким нарушениям жизненного режима и деятельности промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Такие чрезвычайные ситуации не требуют перехода на резервные варианты жизнеобеспечения. Но если для ЛПСБ нужен

временной период до 1 года, то переход на резервные варианты необходим. При этом используются средства архитектуры. Если подсчеты показывают необходимость в восстановительном периоде в 5-7 лет, то неизбежным становится не только сам факт проведения восстановительных работ, но и целенаправленное формирование среды, где проживают несколько тысяч человек, учет сложной демографической структуры населения в создаваемых временных лагерях (ВЛ), организация соответствующих систем общественного обслуживания и т.д.

Основная часть. Стремление общества управлять безопасностью (риском) [1] содействовало принятию многими государствами превентивных мер по предотвращению чрезвычайных природных ситуаций на основе определения наиболее опасных регионов и территорий. Одной из мер, в частности, стала разработка классификаций стихийных бедствий в зависимости от их степени (таблица 1) [2].

Таблица 1 – Классификация стихийных бедствий в Китае

Степень	Количество жертв	Экономический ущерб
Значительный	более 10000 человек	более 100 милл. юань
Большой	1000–10000 человек	10 – 100 милл. юань
Средний	100–1000 человек	1 – 10 милл. юань
Небольшой	10–100 человек	100 тыс. – 1 милл. юань
Минимальный	менее 10 человек	менее 100 тыс. юань

Стремление классифицировать стихийные бедствия объясняется задачами по определению размера ущерба и количества необходимых ресурсов для ЛПСБ, а также по формированию основы для определения сроков восстановления потерь. При этом учитывается, что чрезвычайные ситуации (ЧС) разных категорий тяжести получают различный социально-психологический отклик. Классификация Российской Федерации по тяжести последствий ЧС, как и в Китае, имеет 5 степеней: от ЧС-1 до ЧС-5 [3]. Ситуации 1 степени проходят почти незаметно, ситуации 2 степени для большинства населения создают неудобства. ЧС 3 степени воспринимаются как бедствие, которое может существенно менять социально-психологическую обстановку, приводить к массовым перемещениям населения, вплоть до эмиграции. Ситуации 4 степени ведут к принципиальным изменениям жизненных ценностей и социальным потрясениям, для психологического фона характерно общее уныние. ЧС 5 степени навсегда остаются событием, сломавшим жизнь для уцелевших людей, и сказываются на мировоззрении нескольких последующих поколений.

Цели первого реагирования на природные катастрофы, а также очередность их реализации обществом определяются следующим образом [4]:

1. Сохранить жизнь пострадавшего;
2. предотвратить дальнейшее ранение жертвы;
2. обеспечить организацию лечения;
3. обеспечить самозащиту.

Анализ архитектурной деятельности, которая осуществляется в процессе ЛПСБ, свидетельствует обо все большем стремлении к системному подходу при формировании среды жизнедеятельности во временных поселениях для пострадавших. При этом, выявляется не только возможность соответствия научно обоснованных принципов формирования этой среды целям первого реагирования общества на природные катастрофы, но и возможность четкой последовательности решения архитектурных

задач, обусловленная реакцией именно на цели первого реагирования.

Сохранение жизни пострадавших людей обеспечивается определением безопасных территорий, куда может быть организована доставка пострадавших и нахождение их там для подготовки к эвакуации.

Эти территории, обычно свободные от застройки, в этот начальный период работ по ЛПСБ рассматриваются и как площадки для устройства ВЛ в том случае, если степень ЧС достаточно высока и временной период восстановления предвидится по длительности до 1 года и более. Архитектурной деятельностью в данный период реализация данной цели обеспечиваются параллельно по нескольким направлениям:

- выбор территории для лагеря и разработка его планировочного решения. Задача архитектора: имея представление об общих принципах формирования ВЛ, учесть все конкретные особенности каждого участка, в том числе оценка рельефа местности, так как желательно использовать как можно более ровную территорию, наличие источников воды, наличие подъездов к участку или возможность их организации, возможность организации транспортных коммуникаций на территории и т.д.

- оценка потенциала уцелевшей инфраструктуры, чтобы определить возможности использования сохранившихся зданий и сооружений (даже с изменением их функционального назначения) [5] и транспортной инфраструктуры для ЛПСБ и для создания ВЛ, так как оценка сохранившегося потенциала позволяет определиться с номенклатурой общественных зданий в создающихся лагерях. При крупных катастрофах лагерей создается несколько, поэтому практически невозможно разработать и использовать одну номенклатуру, так как будут учитываться сохранившиеся здания. А с сохранившимися зданиями, со степенью их сохранности на каждом участке ситуация всегда будет разной. Это не только технические возможности использования сохранившихся зданий, но и изучение их параметров (общая

площадь, площадь отдельных помещений).

2. Предотвращение дальнейших ранений жертв, как цель, реализуется параллельно с достижением первой цели – сохранение жизни пострадавших, посредством использования сохранившихся зданий и оборудования в них мест для оказания первой медицинской помощи, а также возведением новых сооружений, как для этих целей, так и для размещения пострадавших.

3. Организация лечения обеспечивается возведением временных сооружений, специально предназначенных для госпиталей, в которых специалисты по медицине катастроф могут оказывать медицинскую помощь, подготавливая раненых людей к эвакуации. Специфика медицинской помощи изменяется в течение ЛПСБ, что сказывается на специализации медицинского персонала, составе помещений полевого госпиталя. При этом происходит либо перепрофилирование таких сооружений, как госпиталь, в связи с переходом от медицины катастроф к терапевтическому лечению [6], либо вообще изменение его функционального назначения:

- на начальном этапе в большей степени врачи встречаются с травмами и тяжелыми ранениями, диареей и т.д. За редчайшим исключением, пострадавшие в госпитале в этот период не задерживаются, их стараются эвакуировать;

- на последующих этапах, когда эвакуационные работы выполнены, а население ВЛ стабилизировалось, диагнозы, которые ставят врачи, все чаще повторяют диагнозы больных в обычных населенных пунктах [7]. Заболевшим может оказываться медицинская помощь даже стационарно.

4. Обеспечение самозащиты общества реализуется формированием сетей обслуживания людей, размещенных в лагерях. Это позволяет организовать и упорядочить жизнь общества, создать условия для предупреждения преступности, которая, как показывает анализ социальной обстановки в странах, переживших стихийные бедствия, может особо проявляться в экстремальных ситуациях при недостаточном решении со-

циально-бытовых проблем. Эти же меры являются наиболее оптимальными и для психологической реабилитации пострадавших [8]. Процесс обеспечения самозащиты общества можно условно разделить на два этапа, мероприятия по реализации которых на практике, в зависимости от материально-технической обеспеченности, могут выполняться, как последовательно, так и параллельно:

- на начальном этапе обязательно сооружения для первичных административных объектов – информационных центров, предприятий общественного питания и коммунальных объектов первой необходимости – туалеты, пункты водоснабжения;

- на последующем этапе, что обязательно при прогнозируемом существовании ВЛ в течение нескольких лет, необходимо строительство других общественных зданий (школа, администрация, отделение банка, столовая, магазин, дом быта, баня, склад) и других сооружений коммунального назначения (объекты мусороудаления, пожарный пост, телекоммуникационная станция, станция энерго/водоснабжения).

Последовательность работ по ЛПСБ, обеспечиваемая архитектурно - строительными решениями, наиболее эффективна, когда осуществляется на основе административного руководства, которое заключается в принятии и реализации своевременных действий, направленных на ЛПСБ. Административные органы провинции Сычуань, проанализировав результаты своих действий по ЛПСБ после крупного землетрясения 2008 г. [9], выделило 7 последовательно выполненных видов деятельности. Архитектура, как вид деятельности или как средство, не выделяется в самостоятельное направление и не упоминается вовсе, так как основное внимание уделялось методам административного воздействия на работы по ЛПСБ:

1. организационно-административные меры и документы для принятия решений;
2. экстренная эвакуация людей;
3. экстренная медицинская помощь;

4. оценка степени повреждения зданий и сооружений;
5. обеспечение общественного порядка;
6. оказание психологической, социальной и бытовой помощи пострадавшим, профилактика болезней;
7. восстановление производственного потенциала территории.

Таблица 2 – Алгоритм архитектурной деятельности при ЛПСБ, обеспечивающий реализацию административных методов и целей реагирования на ЧС

Алгоритм архитектурной деятельности	Важнейшие цели реагирования	Методы оказания помощи
1. Выбор территории для временного лагеря 1.1. Определение мест для размещения ВЛ 1.2. Разработка планировочного решения ВЛ	Цели первого реагирования 1) Сохранить жизнь пострадавших	1) Организационно-административные меры и документы для принятия решений
2. Оценка потенциала уцелевшей инфраструктуры 2.1. Уточнение возможностей использования сохранившихся зданий 2.2. Определение номенклатуры зданий и сооружений лагеря	1) Сохранить жизнь пострадавших	2) Экстренная эвакуация людей
3. Формирование жилой среды 3.1. Строительство жилых зданий (дома для семей, общежития) 3.2. Создание первых административных объектов – информационных центров	1) Сохранить жизнь пострадавших 2) Предотвратить дальнейшее негативное воздействие на пострадавших	3) Экстренная медицинская помощь пострадавшим
4. Начало формирования систем обслуживания 4.1. Строительство зданий для учреждений здравоохранения, общественного питания 4.2. Строительство коммунальных сооружений первой необходимости	2) Предотвратить дальнейшее негативное воздействие на пострадавших 3) Обеспечить организацию лечения	4) Оценка степени повреждения зданий и сооружений
5. Завершение формирования систем обслуживания 5.1. Строительство других общественных зданий 5.2. Завершение строительства сооружений коммунального назначения	4) Обеспечить самозащиту общества	5) Обеспечение общественного порядка
6. Восстановление территории 6.1. Восстановление разрушенных зданий 6.2. Демонтаж временных зданий, в которых уже нет потребности 6.3. Рекультивация территории	Цель последующего реагирования 5) Обеспечить функционирование восстановленного общества	6) Психологическая, социальная и бытовая помощь пострадавшим, профилактика болезней 7) Восстановление производственного потенциала территории

Сопоставление этих административных методов с ранее изложенными целями первого реагирования на стихийные бедствия, сформулированными психологией, показывает возможность использования их для разработки следующего порядка включения архитектурной деятельности в процесс ЛПСБ:

- выбор территории для временного лагеря;
- оценка потенциала уцелевшей инфраструктуры;
- формирование жилой среды;
- начало формирования систем обслуживания;
- завершение формирования систем обслуживания;
- восстановление территории (таблица 2).

При этом ЛПСБ организовывается таким образом, чтобы все мероприятия, в том числе и реализация целей первого реагирования, при всей экстремальности ситуации, служат основой и для последующего восстановления функционирования всех общественных институтов и производственного потенциала. Поэтому цели первого реагирования могут быть расширены с введением пятой цели – “Обеспечить функционирование восстановленного общества”, что определенным образом может повлиять на методы формирования архитектурной среды ВЛ с самых начальных этапов их проектирования и строительства.

В связи с этим алгоритм архитектурной деятельности при ЛПСБ может быть определен как средство достижения целей первого реагирования на стихийное бедствие и реализации административных методов, направленных на ЛПСБ.

Выводы:

Реализация алгоритма архитектурного процесса, разработанного впервые для деятельности архитекторов по ликвидации последствий стихийных бедствий, заключается в соблюдении их строгой последовательности:

- 1 – выбор территории для временного лагеря;
- 2 – оценка потенциала уцелевшей инфраструктуры;
- 3 – формирование жилой среды;
- 4 – начало формирования систем обслуживания;
- 5 – завершение формирования систем обслуживания;
- 6 – восстановление территории.

Позиции данного алгоритма полностью обеспечивают осуществление функций, направленных на восстановление жизнедеятельности на пострадавших территориях.

Литература

1. Дин, Лэй. *Научные теории городских катастроф / Лэй Дин* – Пекин : Изд-во метеорологии, 1997. – 172 р. (на китайском яз.).
2. Жоу, Йон. *Строительство по предупреждению стихийных бедствий / Йон Жоу*. – Гоанчжоу : Изд-

во южного китайского техн. ун-та, 2002. – 462 р. (на китайском яз.).

3. *Аварии и катастрофы. Предупреждение и ликвидация последствий*. Кн. 5. – М. : Изд-во Ассоциации строительных ВУЗов, 1998. – 203 с.

4. Орлова, Е.В. *Психология катастроф. Эмоциональная составляющая первой помощи жертвам / Е.В. Орлова, Е.Ю. Селитска // Чрезвычайные ситуации : Предупреждение и ликвидация : сб. тез. докладов V междунар. науч.-практ. конф, Минск, 8–10 июля 2009 г. В 2 т. / Ред. кол. : Э.Р. Бариев [и др.]. – Минск : Учреждение “Науч.-исслед. ин-т пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций” МЧС Респ. Беларусь, 2009. – Ч. I. – С. 298.*

5. Ван, Янхуай. *Наука по предупреждению городских катастроф / Янхуай Ван*. – Пекин : Изд-во по строительству, 2003. – 221 с. (на китайском яз.).

6. Суй, Ци. *Направления медицинской работы в зоне ликвидации последствий землетрясения / Ци Суй, Лин Ли // Науч. журн. главного госпиталя военно-воздушных сил. – 2008. – № 24–3. – С. 27–31 (на китайском яз.).*

7. Ли, Линфенг. *Временные здания : возможность выжить / Линфенг Ли // Информация китайского строительства. – 2008. – № 7. – С. 4–15 (на китайском яз.).*

8. Ао, Юйхон. *Психологический кризис после землетрясения / Юйхон Ао // Современная профилактическая медицина. – 2008. – № 35–12. – С. 2403–2404 (на китайском яз.).*

9. *Рекомендации по созданию временной деревни при ликвидации последствий землетрясения (предложение № 880) // [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.sczx.gov.cn/sczx/>. – Дата доступа : 15.05.2008.*

DEVELOPMENT ALGORITHM ARCHITECTURAL ACTIVITY IN THE AFTERMATH OF NATURAL DISASTERS

Bi Xin

This article analysis workflow of architectural process in the aftermath of natural disasters (LPSB), solves the specific problems encountered and provides the basis for each subsequent phase LPSB, especially promotes a holistic solution of temporary settlements for the victims after 5 years when the disaster happens. It also creates architectural objects at each stage LPSB and provides the basis for achieving the purposes of architectural means of subsequent phases. Besides some of the stages of the architectural process, it inevitably creates the preconditions for complications in all areas of activity LPSB and waste of material and financial resources.

Поступила в редакцию 21.02.2011

УДК 711.03

**ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЛЫХ ПРОСТРАНСТВ
НА БАЗЕ РЕНОВАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ****Ивкина Е.В., Мурашко Е.М., Сысоева О.И.**аспиранты, кафедра «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции», БНТУ
доцент, кафедра «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции», БНТУ

Формирование жилых пространств при реновации освобождаемых от производства промышленных зданий позволяет получить качественно иное жилье и сохранить объекты промышленной архитектуры в контексте города. На основании исследований зарубежного опыта реновации выявлены основные характеристики промышленных зданий, потенциально пригодных для создания жилья особого качества. Приведенные результаты анализа примеров реновации могут быть рекомендованы для внедрения в процесс реконструкции промышленных зданий в условиях Беларуси.

Введение. В современной архитектурной практике при выносе производства из промышленных объектов на базе реновации происходит формирование пространства для размещения новой функции. Сохранение архитектуры промышленных объектов в структуре городов при реновации представляется целесообразным, так как они часто определяют архитектурное разнообразие застройки, являются композиционными доминантами. Специфика архитектурных пространств, которыми обладают промышленные здания, привлекательное градостроительное расположение в сложившейся городской застройке делает их потенциально пригодными для использования под жилье. В западной архитектурной практике одним из перспективных направлений реновации промышленной застройки под жилую функцию является создание «лофтов». В новых социально-экономических условиях Беларуси сформировались потребности для использования имеющегося мирового опыта реновации промышленных объектов при решении проблем создания нового жилья.

Основная часть. Термин «лофт» возник в американской архитектурной практике в 1920-х годах в Нью-Йорке при реконструк-

ции застройки Манхэттена. Во времена Великой депрессии встали тысячи предприятий, и как следствие заброшенные фабричные, складские и подсобные помещения стали отдаваться под жилье по низким арендным ставкам. Со временем, такие жилые пространства, созданные в бывших производственных помещениях, вошли в моду, и цены на них выросли. Так «лофт» занял достойное место на рынке престижных квартир и получил репутацию жилья для богатых.

В 1960-е годы «лофт» как тип жилища появился в Англии, Германии, Австрии и Голландии – и постепенно стал распространенным явлением в Западной Европе. Толчком для развития концепции «лофт» в Великобритании послужил закон, уравнивший в правах индустриальные и офисные помещения в черте города. Он позволил собственникам устанавливать на промышленные помещения такие же высокие арендные ставки, как и на офисные. Это привело к массовому освобождению заводских и фабричных объектов. К 1970-м годам «лофт» окончательно утверждается в статусе элитного жилья.

Кроме США и Европы «лофты» получили большое распространение в Японии, где они являются более престижным жильем, чем пентхаусы. Спрос на них настолько велик, что старых фабрик уже не хватает для размещения модных квартир, отсюда сформировалось направление по созданию архитекторами помещений в стиле «лофт» в новостройках.

Архитектурная практика реновации промышленных объектов наиболее широко представлена в странах Европы, в том числе

в России. Наиболее характерным российскими примерами «лофтов» являются предложения по реновации таких объектов как: «Даниловская мануфактура» и «Голутвинская Слобода» в Москве. В результате реконструкции вышеперечисленных фабричных зданий под жильё возникла новая форма организации жилища, в котором внутреннее пространство представляет собой целостный объём. Здесь практически отсутствуют изолированные пространства, за исключением подсобных помещений и санузлов. Большие остеклённые поверхности, элементы промышленной архитектуры, а также особые параметры помещений придают жилищу своеобразную атмосферу.

При анализе приемов формирования «лофтов» выделены его характерные особенности.

Это крупный масштаб и большие параметры пространства: площадь помещения 500 – 1000 квадратных метров, высота этажа около 10 метров, что позволяет создавать квартиру в нескольких уровнях.

Целостность пространства – важная характеристика «лофта». Квартира площадью 1000 квадратных метров – это однокомнатное жильё, где отдельными помещениями выделяются санузел, спальня, гардеробные. Остальное пространство визуально разбито на открытые зоны при помощи различных конструкций, материалов, фактуры, цвета, освещения и мебели. В квартире выделяют следующие зоны: жилая, зона отдыха, зона кухонная и т.д. Из-за свободной планировки «лофт» – это место для вечеринок, выставок, кинопоказов и презентаций.

Сохранение в архитектуре промышленных элементов – ещё одна обязательная особенность формирования «лофта». Реставрация натуральной кирпичной кладки, «вплетение» в общий дизайн металлических коробов вентиляционных шахт и хитросплетений колен промышленных труб, сохранение остовов настоящих станков в интерьере жилища – приемы создания особого промышленного стиля в жилище. Материа-

лы, используемые в интерьере – это кирпич, дерево, камень, стекло, металл и т.д.

Такой способ реконструкции промышленных зданий имеет ряд преимуществ. Изменение функционального назначения здания в результате выноса из него производственной функции стоит дешевле, чем снос сооружения с последующим возведением нового. Для создания жилья повышенной комфортности используется ранее застроенная территория, размеры существующего здания, его влияние на пространственную структуру городского квартала не изменяются. Свободная планировка внутреннего пространства обеспечивает возможность разнообразия планировочных решений в зависимости от личностных предпочтений, создание «нетиповых» квартир. Так как наиболее часто «лофты» формируются на базе бывших промышленных зданий, находящихся в центральной части города, это представляется дополнительным удобством. «Лофты» легко приспособляются для любых дополнительных видов деятельности проживающих. Огромные пространства позволяют формировать помещения для занятий различными видами спорта, для творческих мастерских. В ограниченном пространстве обычного «типового» жилья у человека зачастую нет для этого возможности.

Однако, несмотря на вышеперечисленные преимущества при формировании «лофтов» на базе реновации старых промышленных объектов выявляются и определённые проблемы. Основным недостатком конверсированных зданий является грибок, которым заражены практически все старые заводские стены. Кирпич, годами впитывавший ядовитые испарения производства, со временем может начать их отдавать. Проблемой является и экономическая сложность реализации подобных проектов. Земля в центре города обычно стоит дорого, а промышленные предприятия занимают значительные площади. На стоимость проекта реновации влияет и состояние промышленных зданий. С учетом ситуации мо-

гут потребоваться значительные средства на реконструкцию старой промышленной застройки, поэтому у специалистов и возникают сомнения насчет экономической целесообразности проектов. Иногда инвестору дешевле снести промышленное здание и возвести на его месте новое жилье, а не вести трудоемкую реконструкцию, согласовывая проект в различных инстанциях.

При реновации часто требуется восстановление поврежденных конструкций, либо их замена с учетом современных строительных и противопожарных норм. Деревянные балки для безопасной эксплуатации необходимо либо полностью покрыть огнезащитными средствами, либо заменить железобетонными. Кроме того, если при обследовании фундамента здания выявляется частичная потеря им несущей способности, требуется произвести дополнительное укрепление конструкций. В старых зданиях есть места, где кирпичная кладка серьезно пострадала. Полностью восстановить естественную старинную кладку с помощью современных материалов часто не представляется возможным, так как проявится контраст между материалами. В этих случаях необходим поиск оптимальных архитектурных решений на основе методов имитации или аппликации.

Для реализации направления реновации промышленных зданий для жилья в условиях Беларуси требуется решение дополнительных вопросов. Это, например, сертифицирование зданий на предмет их экологической безопасности для постоянного проживания людей. Поскольку формирование жилых пространств на базе реновации промышленных зданий в нашей стране еще не получило распространения – не существует ни процедуры, ни нормативной базы для выдачи подобных заключений. Возникает вопрос организации и благоустройства окружающей среды для проживания при размещении объекта в промышленном окружении. Для повышения спроса на жилье в стиле «лофт» необходимо обеспечить не только инфраструктуру, но и привлекательный вид

из окон, и качественное благоустройство территории. В климатических условиях Беларуси основные преимущества «лофта» – высокие потолки, значительная площадь остекления и большие открытые пространства – требуют дополнительных расходов на отопление, что может стать источником проблем. Возможные проблемы с реализацией «лофтов» для постоянного проживания также связаны ещё с одной причиной – менталитет современных белорусов воспитан на идеалах совершенно другой архитектуры.

Заключение. На сегодняшний день в современных городах Беларуси высвобождаются промышленные здания, имеющие сходные характеристики: огромные площади, высокие потолки, выраженные элементы промышленного стиля. Размещение таких объектов в структуре городов делает их потенциально пригодными для использования под жилье. Определенная адаптация приемов реновации, сложившихся в западной архитектурной практике, к условиям Беларуси может позволить разнообразить как архитектурную среду города, так и рынок жилья, привлечь инвесторов к процессу сохранения ценных, в архитектурном и историческом аспектах, промышленных объектов старой застройки.

Литература

1. *Фабрика повышенного комфорта [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: <http://24.ua/news/show/id/17035.htm>. – Дата доступа: 10.10.2009.*
2. *LOFT2B // Лофт в архитектуре коммерческой недвижимости. [Электронный ресурс] – 2008. – Режим доступа: <http://www.loft2b.ru>. – Дата доступа: 22.06.2009.*
3. *Лофт – полигон для фантазии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strojabc.ru/portal/categories/32/1/0/1/article/593>. – Дата доступа: 15.09.2005.*
4. *Всё о доме: Лофт: жильё для оригиналов [Электронный ресурс] – 2004 – 2009. – Режим доступа: <http://www.myhouse.ru/s.php/1993.htm>. – Дата доступа: 15.09.2005.*
5. *Даниловская мануфактура 1867 [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <http://www.dm1867.ru>. – Дата доступа: 19.01.2009.*

RENOVATION OF INDUSTRIAL BUILDINGS CREATING RESIDENCE

Ivkina E., Murashko E., Sysoyeva O.

Creation of residence in former industrial buildings allows achieving new quality of space together with preservation of industrial architecture objects in a city context. The basic characteristics of industrial buildings

that could be suitable for residence were revealed by research of renovation experience in abroad. The resulted analysis of renovation examples was recommended for introduction during the reconstruction of industrial buildings in Belarus.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 728.265 «196»=72.025.5

ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ МАЛОЭТАЖНЫХ СЕКЦИОННЫХ ЗДАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Рак Т.А.

кандидат архитектуры, доцент кафедры «Жилые и общественные здания», БНТУ

Рассмотрены возможности формирования комфортных жилищ при перестройке малоэтажных секционных жилых домов индустриального домостроения.

Введение. В жилом фонде городов спутников велика доля малоэтажных секционных домов, построенных в 60-80 гг. прошлого века. Эти дома по своим архитектурным и потребительским качествам существенно проигрывают по сравнению с многоквартирными домами и коттеджами современной постройки. Но с точки зрения стратегии устойчивого развития каждое здание обладает как культурной ценностью, так и материально-энергетической стоимостью: в его строительство вложены значительные энергоресурсы, материалы и человеческий труд. Поэтому этот уже вложенный капитал необходимо максимально использовать. К тому же утилизация строительных материалов в случае сноса зданий создает много экологических проблем.

При перестройке домов существующего жилого фонда ценно также и то, что сохраняется исторически сложившаяся застройка, создающая многослойность городской среды по времени.

При проведении новой застройки повышение потребительских качеств существующих зданий необходимо также для предупреждения социальных конфликтов между старожилами и новоселами.

Основная часть. Анализ объемно-планировочных решений малоэтажных секционных домов, построенных индустриальными методами по типовым проектам, показал, что большинство домов могут быть успешно адаптированы к современным жилищным требованиям. Из достаточно большого арсенала приемов перестройки секционных зданий в небольших городах наиболее рационально использовать реконструктивные приемы, ведущие к увеличению типологического разнообразия жилищ и степени приватности жилой ячейки. Перестройка секционных зданий в дома с автономными жилыми ячейками позволит значительно повысить комфортность проживания, улучшить эстетические характеристик домов и застройки.

Примером для таких перестроек зданий может служить практика преобразования домов, построенных в экономически развитых странах в период острого жилищного кризиса. Дома, построенные в США, Франции, ФРГ по программам социального строительства, по своим архитектурным качествам аналогичны советским домам. Когда вместо задачи увеличения количества жилищ в этих странах, на первый план вышла задача улучшения их качества были разработаны разнообразные подходы к преобразованию построенного по невысоким стандартам жилого фонда. Анализ практики ре-

конструкции показал, что наряду с приемами перестройки общими для всех видов секционных зданий (пристройки, надстройки, внутренние перепланировки) для малоэтажных домов существуют особые приемы.

Наиболее эффективны перестройки секционных зданий с полным или частичным изменением объемно-планировочной системы. Малоэтажное секционное здание может быть перестроено в группу односекционных домов, в здание с блокированной, коридорной, галерейной, атриумной системами.

Один из наиболее интересных приемов реконструкции перестройка секционных домов в городские виллы. Городская вилла новый для нас тип жилища. В зарубежной практике городская вилла это компактный односекционный малоэтажный дом со своим участком земли, с небольшим числом комфортабельных квартир, расположенный в престижном районе города. По планировке квартир, масштабу, архитектурному образу городская вилла близка к коттеджу или блокированному дому. Большинство квартир городской виллы имеют собственный вход с приквартирного участка [1].

Примером перестройки многоквартирного дома в группу городских вилл может служить реконструкция панельного дома в г. Ляйнефельде-Ворбис (ФРГ) [3]. В пятиэтажном здании был демонтирован один этаж и семь промежуточных сегментов. Из одного панельного дома длиной 180 м были созданы восемь четырехэтажных 6-8 квартирных домов (рис. 1, см. цветную вкладку). Уменьшился масштаб застройки, не пользовавшиеся раньше популярностью квартиры на первых этажах стали наиболее востребованы, они имеют отдельные входы и собственные палисадники.

Недостатком приема частичной разборки зданий является потеря жилой площади. Но при санации районов панельной застройки в ФРГ параллельно с демонтажем осуществлялась концепция *Up-Cycling* — демонтированные железобетонные панели повторно

использовались в строительстве индивидуальных домов, гаражей, хозяйственных построек.

Рациональным методом повышения приватности и комфортности жилища, архитектурных качеств домов и застройки в целом является перестройка малоэтажного секционного дома в блокированный. При такой перестройке в здании ликвидируются общие входы и лестницы, структурируется придомовая территория.

Перестройки секционных зданий в блокированные успешно проводились в США и европейских странах в районах послевоенного социального строительства. Во многих случаях такие перестройки были вызваны социальными проблемами. В запущенных с социальной и архитектурной точки зрения районах необходимо было резко изменить характер городской среды, повысить эстетические качества здания и застройки. Во многих случаях такие перестройки проводились для изменения контингента населения, привлечения жильцов с более высоким социально-имущественным статусом. Иногда с такими целями перестраивались достаточно большие районы. Так, в 2003 году муниципалитет Филадельфии продал частному владельцу 8 кварталов с 58 секционными трех, четырехэтажными домами. Для того чтобы изменить контингент жильцов и резко повысить престижность района была проведена перестройка всех секционных домов в блокированные (рис. 2, см. цветную вкладку). В 4-х этажных домах демонтировали верхние этажи, оставшуюся часть дома разделили на отдельные блоки, каждый из которых имел отдельный вход, палисадник, и задний дворик. Вместо плоской крыши были устроены мансарды. К каждому блоку пристроили технические помещения для автономной эксплуатации. Дополнительно были возведены угловые дома-вставки для изменения строчной застройки на периметральную. Критики проведенной реконструкции отмечали уменьшение наполовину количества квартир, но поставленные при цели реконструкции повышение комфорт-

ности жилищ и престижности района были достигнуты.

Полное разделение на блоки целесообразно только при перепланировке 2-3 этажных домов. В более высоких зданиях отдельные входы и приквартирные дворики могут иметь квартиры нижних этажей. Такие приемы перестройки активно использовались при санации панельных домов в ФРГ. Так, при реконструкции пятиэтажного одиннадцатисекционного здания в немецком городе Халле-Нейштад, пятый этаж был демонтирован, на третьем и четвертом этажах секции объединены по две. На первом и втором этажах из 11 секций оставлено шесть. Между этими секциями устроены десять двухуровневых квартир с отдельными входами и приквартирными двориками по обоям «фасадам квартиры» (рис. 3, см. цветную вкладку).

Вопросы перестройки малоэтажных секционных зданий рассматривались в процессе выполнения НИР ГПОФИ «Строительство и архитектура 47». При выполнении исследования «Разработка оптимальных архитектурных решений жилых домов для агрогородков с применением ресурсо- и энергосберегающих технологий» были рассмотрены возможности перестройки домов, построенных по типовым проектам в белорусских селах и поселках городского типа в 1970-80 гг. Было установлено несоответствие планировочных решений малоэтажных секционных домов, построенных в 1970-80 годов, современным социально-экономическим требованиям по комфорту проживания, эстетическим качествам и аспектам, связанным с расходом энергии на эксплуатацию зданий. Были выполнены эскизные проектные предложения по перепланировке секционных домов – представителей типовых серий 89 и 114.

Целью разработки проектных предложений ставилось определение рациональности использования различных конструктивных приемов для создания жилищ повышенного уровня комфортности. Были разработаны варианты перестройки секций до-

мов в блокированные дома (рис. 4, см. цветную вкладку). При такой перестройке жильцы поднимутся по «социальной жилищной лестнице» от квартиросъемщика или владельца квартиры к собственнику дома, пусть даже и примыкающего к соседним домам. Анализ разработанных вариантов перепланировки показал, что существующая объемно-планировочная структура домов позволяет достаточно легко разделить секционное здание на автономные блоки.

Наиболее рациональны варианты перепланировки с разделением лестничной клетки вертикальной стеной на два объема, в каждом из которых устраивается внутриквартирная лестница. Разработаны варианты планировочных решений, при которых количество квартир в здании сохраняется, уменьшается или увеличивается. При сокращении количества жилищ в существующем корпусе к торцам здания могут быть пристроены новые объемы. Рассмотрены варианты перепланировки с пристройкой индивидуальных наружных лестниц для квартир верхних этажей, варианты перепланировок с устройством входов в блок-квартиры с дворового или уличного фасадов.

Планировочные и конструктивно-технические решения, технология реконструкции при перестройке малоэтажных домов достаточно просты. Но для реального проведения реконструктивных мероприятий необходимо формирование заинтересованности собственников в модернизации своего жилья. На первом этапе необходимо создание нескольких объектов, демонстрирующих возможности перестройки секционных зданий в жилища повышенной комфортности за счет государственных инвестиций.

Заключение:

1. Одновременно с новым строительством в городах-спутниках необходимо проводить реконструкцию домов существующего жилищного фонда. Это позволит сохранить свреобразие города, создаст композиционно-образное и типологическое разнообразие

жилищ, будет препятствовать процессу социальной и имущественной сегрегации между новоселами и старожилками.

2. Планировки большинства малоэтажных секционных домов, построенных по типовым проектам 60-80 гг. 20 века позволяют создать при их перестройке жилища повышенной комфортности.

3. При реконструкции малоэтажных секционных домов наиболее рационально использовать архитектурные приемы, ведущие к персонификации придомовой территории и максимальной планировочной автономности жилых ячеек.

Литература

1. Березин Д.В. *Городская вилла* [Электронный ресурс]. Режим доступа [http:// archvuz. ru/ numbers/ 2005_4/ ta](http://archvuz.ru/numbers/2005_4/ta)
2. Richard Allen Homes [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.philaplace.org/story/252/>
3. Каталог выставки «Модернизация панельных зданий. Опыт Германии» Издательский дом «Балтикум» - Санкт-Петербург- 2009. - 33с

**FEATURES RECONSTRUCTION LOW – RISE
APARTMENT BUILDINGS
IN A CONTEMPORARY SOCIO-ECONOMIC
CONDITIONS**

Consider the rational methods of forming a comfortable dwelling by restructuring of low-rise prefabricated apartment buildings.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 712 (476.7)

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НОВЫХ СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЙ БРЕСТА**

Смолина Л.В.

аспирант, кафедра «Жилые и общественные здания», БНТУ

С начала 1990-х г. в Беларуси наблюдается положительная динамика развития спортивной инфраструктуры. В сфере проектирования и строительства спортивных сооружений произошли значительные изменения. Государственная поддержка развития спорта явилась одним из первых толчков, который позволил выйти нашей республике на международную арену. В Бресте и в Брестской области за последние 4 года введено в эксплуатацию более 20 крупных спортивных сооружений, в областном центре – универсальный спортивный комплекс игровых видов спорта “Виктория”, гребная база с инфраструктурой, легкоатлетический манеж, стрелковый тир и Дворец водных видов спорта. Характеристики большинства объектов предусматривают возможность проведения спортивных соревнований самого высокого уровня, вплоть до мирового и европейского.

Введение. Проблема обеспечения условий для физического развития жителей города Бреста решается с постоянной тенденцией к совершенствованию материальной базы объектов физкультуры и спорта. Одно из направлений – обеспечение количественного и качественного роста номенклатуры спортивных зданий. Все большее значение получает не просто совершенствование существующих спортивных сооружений, хотя и это

очень важно – реконструкция стадиона “Динамо”. Характерным стало включение в структуру среды, предназначенной в Бресте для развития физической культуры объектов, ранее неизвестных здесь в типологии спортивных сооружений.

Основная часть. За последние годы значительно расширилась в Бресте сеть спортивных сооружений и их типология. Тенденция объединения спортивных и околоспортивных функций в одном комплексе вытесняет из застройки монообъекты. Заметна ориентация на формирование крупных комплексных объектов. Спортивные сооружения превращаются в центры общественной, культурной и спортивной жизни города. Объемно-пространственные и конструктивные особенности этих объектов неизбежно делают их важными факторами архитектуры городской среды. Современное спортивное сооружение все больше становится предметом индивидуального проектирования, и его композиция целиком определяется автором. Но в процессе творчества

архитекторы неизбежно руководствуются системой общих композиционных принципов, складывающихся на основе обобщения конкретных примеров сложившейся практики, а также действующих нормативных документов.

Брест является крупным городом на одной из приграничных территорий Беларуси, наиболее приближенным, из всех спортивных центров республики, к европейским спортивным центрам. Поэтому новые спортивные сооружения Бреста должны были становиться своеобразными информаторами об инновационных решениях в сфере архитектуры спортивных сооружений. Одновременно, этим спортивным сооружениям предстояло на основе реализации новых представлений об их значимости для современного общества активно включиться в формирование специфики архитектурной среды приграничного города. Анализ существовавшей материальной базы спорта позволил выявить потребность города в спортивных сооружениях, архитектура которых отражала бы мировые тенденции в этой сфере. Государственное финансирование строительства спортивных сооружений, отвечающих международным стандартам, обеспечило возможность проведения соревнований мирового уровня. Важно, что при этом архитектура спортивных объектов стала фактором, качественно изменившим и архитектурно-художественный облик Бреста.

Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что первые физкультурные сообщества возникли в городе над Бугом примерно сто двадцать лет назад. Это были небольшие кружки и группы, созданные при учебных заведениях. Кружковцы занимались плаванием, греблей, прогулками на велосипедах, зимой катались на коньках. Спорт впервые становится действительно заметным явлением общественной жизни только в двадцатые годы, когда Брест превращается в центр Полесского воеводства Польши. В этот период здесь, а также в Пинске и других городах и местечках, возникают многочисленные спортивные ко-

манды, секции и массовые спортивные союзы и организации. В центре воеводства действовали два неплохих стадиона, проводились многочисленные товарищеские матчи по футболу и волейболу (в соревнованиях по футболу участвовало более десятка команд, а на игры порой приходили тысячи болельщиков), активно развивалась гребля, в том числе на «каяках» (байдарках). Именно в тридцатых годах, на берегу реки Мухавец были сооружены три гребные базы, хорошо укомплектованные и оснащенные. Две из них благополучно пережили военное лихолетье, послужили основой для развития гребли уже в советское время и стали объектами подготовки спортсменов на всесоюзном уровне.

Новый этап в развитии архитектуры спортивных сооружений в Бресте начался после создания независимого государства – Республики Беларусь. Одним из первых был построен Ледовый дворец (рис. 1). Место под застройку представляет собой территорию, имеющую непосредственную связь с рекой Мухавец. Ледовое поле соответствует нормативным требованиям для проведения международных соревнований (61 x 30 м) и тренировочных занятий хоккейных команд. Вторым приоритетным направлением является фигурное катание. Но созданы условия не только для проведения соревнований, но и для функционирования секций любителей этого вида спорта, причем разных возрастных категорий, в том числе и детей. Учтено, что для граждан, которые регулярно на любительском уровне занимаются спортом, физические тренировки являются неотъемлемой частью их дневного времяпрепровождения. Поэтому были предусмотрено несколько тренировочных залов, которые имели разную планировочную связь с основной спортивной ареной и разные параметры – 12 x 12 м, 14 x 8 м, 10 x 8 м и др., обеспечивавшие установку разных тренажеров. Раздевальные помещения при тренировочных залах запроектированы с некоторым превышением тех нормативных требо-

ваний, которые соответствовали параметрам ледовой арены.

Другим объектом, который повлиял на архитектурный облик города, является Дворец игровых видов спорта «Виктория» (рис. 2). Строительство этого универсального спортивного комплекса осуществлялось на протяжении трех лет, полностью дворец спорта начал функционировать с марта 2006 г. Конструкция и оборудование спорткомплекса позволяют проводить в нем международные соревнования, чемпионаты и первенства по игровым видам спорта. В его состав входят: основной игровой зал (54 x 36 м, высота переменная 14–20 м), трибуны на 3740 посадочных мест, тренировочный зал (42 x 24 м, высота 8 м), балкон на 48 посадочных мест (общая вместимость на 300 чел.), тренажерный зал, блок из трех саун в комплексе с медицинским центром; хозяйственные и административные помещения, комментаторские и VIP-ложа.

Третьим примером современных спортивных объектов Бреста является Центр гребных видов спорта. Он состоит из трех блоков. Блок А – административно-судейский с трибунами на 500 мест; блок Б – гостиничный на 1200 мест; блок В – тренировочно-восстановительный с бассейном 25–12,5 м (рис. 3).

В октябре 2010 г. был введен в эксплуатацию Дворец водных видов спорта. Проектом предусмотрено создание комплекса из двух примыкающих зданий. Одно из них – непосредственно Дворец водных видов спорта с четырьмя бассейнами, предназначенными для проведения соревнований по плаванию, прыжкам в воду, синхронному плаванию и водному поло, а также с сопутствующими помещениями. Во втором здании разместился областной диспансер спортивной медицины (рис. 4).

Место для нового спортивного объекта выбрано на одной из центральных улиц областного центра. Место выбрано не случайно, а в дополнение к уже сформировавшемуся здесь комплексу спортивных сооружений, в который входит Ледовый дворец,

легкоатлетический манеж и бейсбольный стадион.

Дворец водных видов спорта – достаточно уникальный не только для Бреста, но и в целом для Беларуси спортивный объект. В одном здании здесь разместились четыре специализированных бассейна, в числе которых мелководный для обучения плаванию детей. Здание Дворца водных видов спорта представляет собой трехэтажный объем с цокольным этажом размерами 125 x 90 м. Главным входом здание ориентировано на север, на улицу Московскую.

На втором этаже размещается зал с двумя основными бассейнами 50x25 м для плавания (переменной глубины от 2 до 3 м), водного поло, синхронного плавания (глубина 3 м). В бассейне предусмотрена передвижная платформа с тумбочками для разделения бассейна на две части для проведения тренировок и соревнований на «короткой воде». Бассейн для прыжков в воду размером 25 x 25 м с переменной глубиной от 4 до 6 м с вышкой для прыжков. Для маломобильных групп населения предусмотрено устройство пандусов, специальных подъемников на перепадах высот, лифтов для подъема на 3 этаж к зрительским местам. Бассейн для проведения занятий инвалидов располагается на первом этаже [1, л. 4]. Размеры основных залов отвечают всем требованиям международных норм и правил ФИНА.

В непосредственной близости к Дворцу водных видов спорта построен Областной диспансер спортивной медицины [2, л. 3]. Он предназначен для медицинского обслуживания спортсменов Бреста и Брестской области. Здание укомплектовано новейшим отечественным и зарубежным оборудованием. Направление лечебного процесса – травматология и мониторинг состояния здоровья спортсменов.

Диспансер спортивной медицины построен в комплексе с Дворцом водных видов спорта, между собой они связаны переходной галереей. Так как объекты представляют собой единый ансамбль, то их внешний облик и наружная отделка решены в

едином стиле с использованием одинаковых отделочных материалов, элементов остекления, наружного оформления.

Все перечисленные выше спортивные сооружения, за исключением дворца игровых видов спорта “Виктории”, представляют единый комплекс, который расположен на пересечении основных транспортных магистралей города. Являясь ориентиром при движении с Запада на Восток и с Севера на Юг, новые объекты спорта качественно улучшили облик той части города, где они расположены. Реализация данных проектов явилась еще одним шагом к насыщению городской среды индивидуальными, неповторимыми образными решениями сложных, технически насыщенных сооружений.

При совмещении многих достаточно хорошо исследованных и известных функций в одном здании [3, с. 17] возникли новые условия и требования к архитектуре, многократно усложнились приемы решения задач, и как следствие возникли качественно новые типы зданий, обеспечившие положительные результаты в эксплуатации. В частности, реализованные комбинации бассейнов различных параметров во Дворце водных видов спорта обеспечили существенное повышение пропускной способности объекта:

- бассейн 50x25 м:10 дорожек по 12 человек – 120 чел. (длина дорожек 50 м);
- 20 дорожек по 8 чел. – 160 чел. (длина дорожки 25 м).
- бассейн для прыжков 25x25 м:
- вышка с платформами для прыжков с учетом одновременности прыжков – 30 чел.;
- 4 трамплина (1 и 3 м) – 24 чел.
- платформа высотой 1 м (1 шт.) – 6 чел.
- бассейн 25x11 м – 32 чел.
- ванна для обучения плаванию 10x6 м – 20 чел.

При количестве одновременно занимающихся на 2-м этаже $160 + 60 = 220$ человек и на 1-м этаже $32 + 20 = 52$ человек максимальное количество занимающихся в бассейнах составляет – 272 человека, что существенно больше, чем в бассейнах прежних лет строительства при одновременном предоставлении возможности заниматься пла-

ванием людям разной степени подготовки и разного возраста.

Изменения в архитектурных решениях происходят для удовлетворения возрастающих потребностей в обществе. Необходимость их возникновения обусловлена постоянным стремлением общества к использованию более совершенных и комфортных решений, а также на основе реализации все более возрастающих технических и экономических возможностей общества и государства. Появление сопутствующих функций в спортивном сооружении отразилось не только на его планировочной структуре, но и на внешнем виде. Влияние сопутствующих функций на архитектуру спортивных сооружений проявилось в большом разнообразии различных форм и образов объемных решений. На фасаде это отражается в появлении различных элементов, скрывающих за собой помещения определенного назначения.

Учитывалось, что в Бресте появились здания со сложно организованным внутренним пространством: Дворец Водных видов спорта – высота залов 6 м, 10 м, 15,3 м.; дворец игровых видов спорта “Виктория” – высота зала – переменная, от 9,6 до 21,2 м. Сложнее стала организация трибун для зрителей – с четырех сторон спортивного ядра в 22 ряда и в 3 яруса, не считая VIP-лож, проходы и т.д. (дворец “Виктория”). Для реализации своих намерений человек в таком интерьере должен проанализировать пространственные связи и сформировать их в свою пространственную концепцию. Если раньше основной задачей архитектора было помочь человеку ориентироваться в незнакомом пространстве, конкретизировать его образы и желания, то теперь в центре внимания – обеспечение возможности вариантного выбора своего размещения во внутреннем пространстве, не утрачивая при этом представления о его неповторимости и ни в коем случае не теряя сути его функциональности. В результате резко вырос интерес к эстетической стороне внутреннего пространства спортивного сооружения при

создании выразительных архитектурных образов [4, л. 4–8].

Концентрация и интеграции функций придают современным спортивным сооружениям особые качества. Наличие сопутствующих функций отражает тенденцию непрерывного усложнения пространственных взаимодействий. Функциональная организация современных спортивных сооружений Бреста ориентирована на формирование общественного пространства, которое позволяет в той или иной мере создать специфическую эмоциональную среду, способствующую интенсификации общественной деятельности, возникновению контактов посетителей, обеспечению условий для отдыха и развлечений. Функции общественного пространства в построении целостного интерьера: объединение помещений, выделение зон, ориентация посетителей, обеспечение резерва развития.

Как показывает опыт проектирования спортивных сооружений в Бресте, происходит постепенное распределение одинаковых функциональных зон по разным уровням, что способствует превращению вертикальных коммуникаций в важнейший элемент взаимосвязи между зонами. В объектах спорта принцип функционального зонирования существенно изменяется, приобретая «пространственный» характер, так как одинакового назначения функциональные зоны, например для торговли, для проведения мероприятий для детей, для клубов по интересам и др., существуют или могут создаваться на разных уровнях здания. Совершенствование технологий, свойственным объектам спорта, стала возможной организация на одном уровне и даже в одном и том же пространстве процессов, протекающих в различных функциональных зонах.

Применение новых технологий при формировании спортивных объектов привело к переменам, касающимся основ организации функциональных зон. Пространственное решение существующих спортивных сооружений способствует уравниванию потоков посетителей на разных уровнях.

Рисунок 1 – Ледовый дворец в Бресте. ОАО «БЕЛПРОМПРОЕКТ», 2000 г.

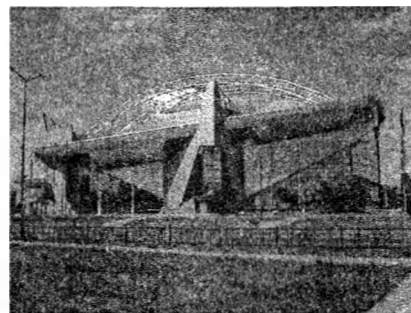

Рисунок 2 – Дворец игровых видов спорта «Виктория». ОАО «Брестпроект». Арх. Кескевич В.Г., 2006 г.

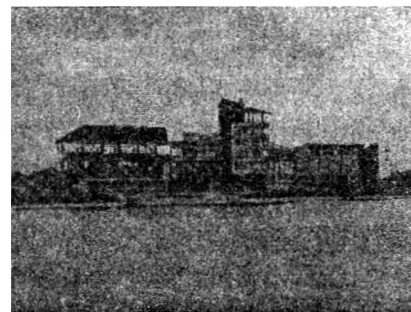

Рисунок 3 – Центр гребных видов спорта. ОАО «Брестпроект». Авторский коллектив: арх. Кескевич В. Г., констр. Хруш О.С., 2007 г.

Рисунок 4 – Дворец водных видов спорта. ОАО «Брестпроект». Арх. Котович А. Е., Рысюкевич В. И., Панько А. В., Садовничик М. В., 2010 г.

Заключение. Архитектурная композиция спортивных сооружений Бреста характеризуется мобильностью и разнообразием, так как объектом проектирования была пространственная форма. При проектировании спортивных сооружений не было строгой регламентации по площадям основных помещений, что содействовало разнообразию планировочных решений. Реализация в проектируемом объекте нескольких функций обеспечило многообразие использованных пространственных форм. Прежде традиционные однозначные метрические построения внутреннего пространства сооружений для спорта, как недостаточно эффективные при создании выразительной архитектурной формы, практически не использовались в спортивных сооружениях Бреста. Архитектурный облик новых спортивных сооружений Бреста насыщен сложными групповыми ритмами, сбоями групповых систем на основе разных высот структурных частей здания, противопоставлениями планировочно плотных и разреженных пространств зального типа. Архитектура современных спортивных сооружений Бреста ориентирована на high-tack, что позволяет максимально использовать технологические возможности и материалы и конструкций достаточной прочности.

Литература

1. Дворец водных видов спорта в Бресте. Архитектурные решения. Блок "А" // Технический архив ОАО "Брестпроект". – Инв. № 762–III. – Ч. 1.
2. Дворец водных видов спорта в Бресте. Архитектурно-строительные решения. Блок "Б" // Технический архив ОАО "Брестпроект". – Инв. № 1086 – IV. – Ч. 1.
3. Гайкова, Л.В. Крупные многофункциональные общественные центры как объект системного проектирования / Л.В. Гайкова // Строительство. – 2002. – № 9. – С.16–19.
4. Дворец водных видов спорта в Бресте. Дизайн-проект. Блок "А" // Технический архив ОАО "Брестпроект". – Инв. № 825–II. – Ч. 2.

FUNCTIONAL ORGANIZATION OF NEU SPORTS BUILDING IN BREST

Smolina L.

From the beginning of 1990th in Belarus positive dynamics of development of a sports infrastructure is observed. In sphere of designing and building of sports constructions there were considerable changes. The state support of development of sports was one of the first pushes who have allowed leaving sew to republic on international scene. In the Brest and Brest area for last 4 years it is placed in operation more than 20 large sports constructions, in the regional center – a universal sports complex of game sports "Victoria", rowing base with an infrastructure, a track and field athletics arena, a shooting gallery and the Palace of water sports. Characteristics of the majority of objects provide possibility of carrying out of sports competitions of the highest level, up to world and European.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 725.8(574)

ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ АРХИТЕКТУРНОЙ ПРАКТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Темирова А.С.

аспирантка, кафедра «Архитектура производственных объектов
и архитектурные конструкции», БНТУ

Социально-экономические изменения в обществе, имеющие место в последние десятилетия в постсоветских странах, в том числе и суверенном Казахстане, вызвали появление и строительство новых, ранее не существовавших объектов архитектуры. Одним из таких объектов стал торговый развлекательный центр.

Введение. Трансформация типологического ряда объектов архитектуры, полу-

чившая распространение в настоящее время в связи с меняющимися социально-экономическими отношениями в обществе, затронула в той или иной степени все функциональные группы – от жилых до производственных зданий и сооружений. Однако наиболее быстрые и ощутимые перемены коснулись крайне подвижной, социально

мобильной группы – предприятий торговли, что обусловлено следующим. С одной стороны, усложнившаяся и постоянно развивающаяся сегодня технология торговли ставит новые ориентиры при формировании торговой среды. А, с другой стороны, сама торговая функция, выступая как основная, в то же время дополняется новыми функциями, и, прежде всего, функцией развлечения, отдыха и досуга. Последнее обстоятельство подтверждает современные тенденции развития архитектуры – переориентацию функционально ограниченной, рассчитанной на определенный процесс пространственной среды на формирование многофункционального пространства для нескольких процессов [1]. Все это выдвигает практическую потребность научного осмысления процесса формирования нового архитектурного объекта, который можно обозначить как торгово-развлекательный центр (ТРЦ).

Основная часть.

Сегодня во многих городах Казахстана (Астане, Алматы, Караганде, Кустанае, Кокшетау, Актау, Актобе, Чимкенте) строятся центры, совмещающие в себе две функции – торговлю и развлечение, причем обе функции, являющиеся типологически очень разными, к тому же и представляются очень разнообразно. Так, торговая функция включает товары продовольственные и промышленные, торговлю оптовую и розничную, способы продаж – массовые и индивидуальные, контакт с товаром непосредственный или виртуальный (интернет-торговля) и т.д. В свою очередь функция развлечения также широко варьируется – просмотр кинофильмов, фитнес, спорт, общественное питание разного класса и форм организации, и проч. Функциональное разнообразие строящихся объектов дополняется и их разной вместимостью и производственной мощностью. Кроме того, такие комплексы строятся стихийно, их размещение не регламентируется и зависит в настоящее время от желания и возможностей инвестора, что приводит к негативным результатам (например, в Астане несколько крупных

комплексов были одновременно возведены на одной магистрали города).

Широко развернувшееся реальное строительство новых торгово-развлекательных объектов сопровождается практически полным отсутствием теоретической составляющей – научно обоснованных рекомендаций, устанавливающих типологию таких объектов, регламенты их градостроительного размещения, функциональной, объемно-пространственной организации и проч. Исследования, посвященные торговым объектам, можно разделить на две группы: первая группа – исследования, проводившиеся в республике около 30 лет назад, в советское время, когда социально-экономические условия были другими (Гайкова Л. В., Тер-Сааков Л. А., Максимов В. П., Маханов С. О., Космериди С. Г.); и вторая группа – современные исследования, не охватывающие проблему в рамках ее постановки (Лаумулина С. А., Теслер К. И., Земов Д. В., Иванова А. П., Лисицына А. В., Суровенков А. В., Емец В. В.) [2, 3].

Таким образом, практическая и связанная с нею теоретическая востребованность торгово-развлекательного центра определяют необходимость разработки принципов и приемов его архитектурно-пространственной организации как нового объекта проектирования в условиях Республики Казахстан.

Важным шагом для достижения поставленной цели является анализ стихийно складывающейся практики проектирования торгово-развлекательных объектов в новой столице Казахстана, городе Астана. Здесь за последний 10 лет было возведено 6 комплексов.

Анализ практики проводился с использованием сравнительно-аналитического метода. Отобранные объекты рассматривались с точки зрения трех групп критериев – градостроительных, функциональных, объемно-планировочных. Первая группа включала размещение в структуре города – центральная часть, периферийная часть, жилой район. Вторая группа критериев состояла из количества, содержания и процентного со-

отношения функций, сосредоточенных в объекте. И, наконец, третья, наиболее обширная группа – объемно-планировочные критерии, охватывала следующее: величина объекта (развернутая площадь); пространственная организация (моно- или полиобъем, наличие доминирующего объема, количество этажей, принцип структурной организации, тип используемых конструкций). Материалы анализа были сведены в таблицу, что позволило обобщить практику и сделать следующие заключения.

Размещение в городе для торгово-развлекательного центра как архитектурного объекта является решающим фактором. Именно с размещением связаны такие характеристики объекта как его площадь, архитектурно-пространственное решение, количество и перечень развлекательных функций, разнообразие функций торговли. Так, самый крупный по площади объект, ТРЦ «Хан Шатыр», площадь которого более 100 тыс. м², и два объекта с площадью до 100 тыс. м², «MEGA Astana» и «Жеруен», построены именно в центре города [4].

Торговая функция в этих объектах представлена очень разнообразно. Она состоит из торговли товарами повседневного спроса, и товарами специального, выборочного спроса. Реализация товаров повседневного спроса является основной функцией, но доминирование ее среди специализированных продаж очень невелико, примерно 55-60 %.

Функции развлечения могут быть условно разделены на две группы: основные и дополнительные. К основным относятся, прежде всего, общественное питание, и далее – кинотеатр, боулинг, бильярд, детские развлекательные площадки, спортивные залы. Дополнительными функциями являются – аквапарк, скалодром и проч. К дополнительным функциям можно отнести также гостиницы и выставочные площади. Соотношение площадей, занятых торговыми и развлекательными функциями составляет 1:1,5. Это означает, что размещаемые в центре города торгово-развлекательные центры

больше рассчитываются на функцию развлечения, чем на функцию торговли.

Три других из рассмотренных торгово-развлекательных центров Астаны – ТРЦ «Азия Парк», «Сарыарка», «Ак-центр» [5], расположены в удалении от центра, на границе со старой частью города. Их периферийное размещение обусловило разительные отличия от объектов центрального расположения, выразившиеся, прежде всего, в значительно меньшей площади – до 30 тыс. м².

Помимо этого, отличия распространились на функциональную характеристику объекта. Как и в крупных ТРЦ, функция торговли товарами повседневного спроса в периферийно расположенных объектах является основной, но при этом ярко выражено ее доминирование над продажей товаров специального, выборочного спроса – до 80%.

Что же касается функции развлечения, то, во-первых, она представлена только основной группой (общественное питание, кинопросмотры, спорт, занятость детей). А, во-вторых, она занимает значительно меньшую площадь, соотношение торговой и развлекательной функций прямо противоположное по сравнению с торгово-развлекательными объектами центральной части города – 1,5:1.

Различия торгово-развлекательных центров разного местоположения (центральная часть города или периферийная) с точки зрения объемно-планировочного решения оказались не столь разительными. Они в основном касались количества уровней – в центрально-расположенных объектах их число доходило до 10, в периферийных – до 6. Что же касается используемых объемно-планировочных приемов (центричная и галерейная схема), то они в равной степени встречались в объектах обеих групп. То же распространялось на конструктивные решения и используемые строительные материалы, в большинстве случаев применялись монолитные и металлические конструкции.

Во всех рассмотренных объектах Астаны в структурном построении пространства использовался принцип объединения, комби-

наторики, в отличие от мировой практики, где большое распространение получили принципы уровневого и объемно-павильонного структурирования. Преимущественное распространение принципа объединения, комбинаторики при структурном построении пространства торгово-развлекательных центров в условиях Астаны можно объяснить влиянием природно-климатического фактора. Большая амплитуда колебаний среднемесячных температур в летнее и зимнее время составляет здесь 65 градусов по Цельсию (+35 и – 30), что предопределяет выбор компактных объемов, внутреннее пространство которых может быть построено как смешанное, «композиционное».

Торгово-развлекательные центры стали ярким акцентом в окружающей застройке города Астана, они привлекают посетителей не только сосредоточием представляемых услуг, но и своим внешним обликом.

Например, самый крупный из рассмотренных и существующих в Астане торгово-развлекательный центр «Хан Шатыр» построен по проекту известного английского архитектора Н. Фостера (рис.1). Центр расположен на левом берегу реки Ишим, в новой административной части города. Он расположен на одной оси с резиденцией президента Республики Казахстан и является завершающим элементом главной площади, в центре которой находится символ столицы «Байтерек».

Оригинальная архитектура центра представляет собой гигантский прозрачный шатер. Его «скелет» – каркас из мелкой сетки, покрытый уникальным материалом, пропускающим свет. Трехслойное покрытие шатра способно выдержать экстремальный климат Астаны. Оно изготовлено из специального материала, который поглощает солнечный свет, что позволяет создать эффект лета внутри тента. Шесть этажей «Хана Шатыра» имеют развернутую площадь 110 тыс. м². Из центрального холла можно видеть стопятидесяти метровые металлические несущие конструкции шатра (рис. 1). На последнем, шестом этаже размещены

три бассейна глубиной полтора метра с настоящей морской водой и пляжным белым песком. Там же разбит тропический водяной сад с прудами, реками, водопадом и многочисленными террасами. Торгово-развлекательный центр «Хан Шатыр» вошел в перечень самых уникальных и необычных торгово-развлекательных объектов мира.

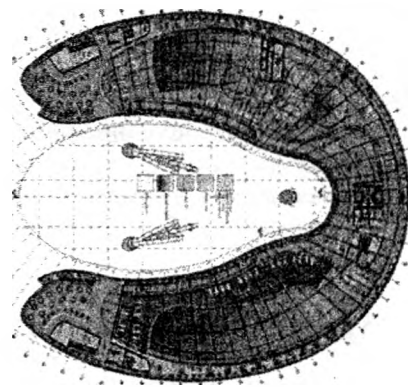

Рисунок 1 – План торгово-развлекательного центра «Хан Шатыр»

Заключение. Потребность реальной практики строительства в Республике Казахстан выдвигает необходимость разработки научно-обоснованных рекомендаций по проектированию торговых объектов нового типа, которые можно идентифицировать как торгово-развлекательные центры (ТРЦ).

Анализ сложившейся практики в главном городе страны – Астане, позволил выделить наиболее характерные особенности пространственно-планировочной организации таких объектов, а именно:

- предопределенность функциональных (в большей степени) и объемно-планировочных (в меньшей степени) критериев объекта градостроительными;
- ярко выраженную дифференциацию размеров, количества и соотношения функций в зависимости от центрального или периферийного расположения ТРЦ в структуре города;
- общность принципов и приемов структурного построения внутреннего пространства для всех типов объектов.

Литература

1. Ретин, Ю. Г. Интегрированные архитектурные комплексы: типологические основы интеграции объектов среды обитания в условиях крупнейшего города: автореф. дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.02 / Ю. Г. Ретин; Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т типового и эксперим. проектирования жилища. – М., 1992. – 47 с.
2. Теслер, К.И. Формирование архитектуры общественно-торговых центров на территориях, прилегающих к главным транспортным магистралям крупнейших городов (на примере МКАД): автореф. дис. ... канд. архитектуры: 05.23.21 / К.И. Теслер; Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т жилых и общественных зданий. – М., 2010. – 26,5 с.
3. Максимов, В.П. Формирование архитектуры общественно-торговых центров городского значения в условиях резко континентального климата (на примере крупных городов Северного Казахстана):

- автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.02 / В.П. Максимов; Московский науч.-исслед. ин-т типового и экспериментального проект.– М., 1990. – 25с.
4. http://www.wok.kz/ru/entertainment/spisok_gorodov/trade_choose_city/astana/trade_centres/
 5. http://astana.megacenter.kz/rus/about_mega/

SHOPPING AND ENTERTAINMENT CENTRE AS A NEW OBJECT OF ARCHITECTURAL PRACTICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A.S. Temirova

Social and economic changes, taking place in post-Soviet societies during the latest decades, including that of sovereign Kazakhstan, have caused the formation of new architectural objects that have not been built in the countries previously. One of such is the shopping and entertainment centre.

Поступила в редакцию 21.04.2011

ADAPTACJE SYNAGOG NA PODLASIU. REALIZACJE KONTRA PROJEKTY

Trojniel P

Адаптация синагог на Подляшье. Реализация контрпроектов
Петр Тройнел

Особенности многонационального региона Подляшье во многом предопределены проживанием здесь еврейского населения. Здесь до сих пор сохранились здания синагог, представляющих культурную ценность региона. В послевоенное время была проведена их реконструкция и приспособление к новым функциям. В статье очерчена проблема переустройства зданий синагог и на избранных примерах проанализированы архитектурные решения по приспособлению этих исторических зданий для целей культуры, спорта и производства.

Przedwojenny, wielokulturowy północno – wschodniego regionu Polski - Podlasia, współtworzyła społeczność żydowska. Czas zniszczeń i zagłady wojennej przetrwało tu w różnym stanie kilkadziesiąt budynków synagog. Są one świadectwem wieloletniej obecności Żydów na tych terenach.

Podczas powojennej odbudowy pojawił się problem adaptacji tych obiektów do nowych funkcji. Obecnie na Podlasiu żadna (sic!) z synagog nie pełni swojej dawnej, sakralnej funkcji a sposób użytkowania wielu z nich jest daleko odbiegający od prawidłowego.

Niniejsza praca przedstawia zasygnalizowany powyżej problem na wybranych, reprezentatywnych dla większości dawnych obiektów, przykładach. Ukazuje przeprowadzone w nich procesy adaptacyjne z kategoryzacją na trzy grupy funkcjonalne z przeznaczeniem ich do celów: kulturalnych, sportowych i przemysłowo-magazytowych.

Wstęp. Przedwojenny, wielokulturowy krajobraz Polski współtworzyła społeczność żydowska licząca ok. trzech i pół miliona osób. Społeczność ta została wymordowana podczas II wojny światowej, a Żydzi którzy przetrwali holocaust po wojnie w większości wyemigrowali z Polski. Po ludności żydowskiej, stanowiącej w wielu miejscowościach Podlasia znaczną część lokalnej społeczności pozostały obiekty kultury religijnej – synagogi, bożnice, domy talmudyczne. Część z tych obiektów przetrwała okres wojny na ogół w stanie ruiny, ale zdarzały się wyjątki. Niektóre ze zniszczonych obiektów odbudowano dostosowując do nowych funkcji. Inne, które wojna pozostawiła w dobrym stanie były paradoksalnie, burzone. Jak zauważają Piechotkowie niewątpliwym wpływem na tego typu działania było niedocenianie wartości architektonicznych i historycznych obiektów powstałych po II połowie XIX wieku i później [4, str. 84].

Czas zniszczeń i zagłady wojennej na Podlasiu przetrwało w różnym stanie kilkadziesiąt budynków synagog będących

świadectwem wieloletniej obecności Żydów na tych terenach. Holocaust i emigracja sprawiły, że po wojnie zabrakło właścicieli i prawowitych użytkowników tych obiektów, a w ramach odbudowy powojennej pojawił się problem ich przystosowania do nowych funkcji. Skalę i istotę problemu dobrze pokazuje projekt artystyczny Wojciecha Wilczyka „Niewinne oko nie istnieje” prezentujący losy powojenne bożnic w skali całej Polski [11]. Przekrój nowych funkcji w adaptowanych obiektach jest niezwykle szeroki. Od obiektów - muzeów poprzez liczne domy kultury, biblioteki, kina, różnego rodzaju usługi, sklepy, restauracje, funkcje mieszkalne do magazynów i budynków gospodarczych.

Podstawowym celem niniejszej pracy jest poddanie analizie i ocenie wybranych przykładów adaptacji żydowskiej architektury sakralnej – dawnych synagog i domów modlitwy – zbudowanych dla dawnych lokalnych społeczności na obszarze Podlasia. W opracowaniu przedstawione zostały przykłady zrealizowanych i niezrealizowanych projektów adaptacji realizujących podobny program.

Synagoga w Tykocinie i Orli. Przystosowanie dawnych synagog do celów związanych z kulturą było planowane w wielu bożnicach Podlasia co było charakterystyczne dla wielu obiektów w skali całego kraju. Funkcje związane z promocją kultury, sale spotkań, sale wystawowe sprzyjały zachowaniu układu funkcjonalnego oraz wystroju architektonicznego adaptowanych synagog. Najmniej integrującą w układ bożnicy jest adaptacja na budynek - muzeum. Najciekawszymi przykładami tego typu adaptacji w Polsce są synagoga w Tykocinie (il.1,2), Włodawie, Łęcznej czy Stara Bożnica na krakowskim Kazimierzu. Innym przykładem tego typu na Podlasiu jest niezrealizowany projekt adaptacji synagoga w Orli.

W połowie XVI w. równoległe do powstających synagog salami centralnymi (np. synagoga w Zamościu) oraz sal sklepionych sklepieniami klasztornymi jak i podłużnymi powstały w Lublinie (1567), Brześciu Litewskim i Przemyślu (1592-94) [3, str. 230]

sale w których wyrastające z *bimy* cztery filary stanowiły integralną część struktury konstrukcyjnej synagoga – tzw. *bimy* – *podpory*. Rozwiązanie to wychodziło naprzeciw chęci centralnego kształtowania wnętrza bożnic, również wyrażało rosnącą rolę *bimy*, jako miejsca centralnego, a jednocześnie zdecydowanie zwiększało powierzchnię synagoga. Wielka Synagoga w Tykocinie, która powstała w 1642 r. [3, str. 208] jest przykładem takiego właśnie rozwiązania przestrzennego. Należy dodać - rozwiązania unikalnego w skali Europy, wykształconego na ziemiach polskich i pogranicza polsko-białorusko-ukraińskiego w czasach tzw. „Złotego Wieku Żydów Polskich”.

Żydzi w Tykocinie mieszkali już w roku 1522. Z tego roku pochodzi najstarszy w Polsce zachowany cmentarz żydowski [12, str. 199]. Kahał tykociński był jednym z największych i znaczących w Polsce, a mieszkający w Tykocinie Żydzi stanowili w jego historii znaczny procent społeczności (w 1799 ok. 50%, w 1860r. - 73%, w 1937 - 44%). W chwili obecnej Wielka Synagoga w Tykocinie stanowi przykład jednej z najlepiej zachowanych i najliczniej odwiedzanych w Europie bożnic z XVII w.

Centralną część Sali modlitw bożnicy tykocińskiej zajmuje *bima* – podpora, którą podpierają cztery ośmioboczne słupy z głowicami. Ponad głowicami pola między słupami połączone są arkadami. Całość wieńczy gzyms na który spływają sklepienia kolebkowe z lunetami krzyżujące się w narożach. Monumentalna forma *bimy* podkreśla jej centralne położenie oraz sprawia, że organizuje ona przestrzeń wewnątrz synagoga. Wnętrze *bimy* przekrywa kopułka – zapewne symboliczne nawiązanie do Namiotu Pańskiego. Aron- *Hakodesz* znajduje się przy ścianie wschodniej i ma manierystyczną formę zajmującego znaczną część ściany barokowego „ołtarza” Miejsce przechowywania tory flankują dwie kolumny – substytuty salomonowych kolumn *Jachin i Boaz*. Całość zwieńczona nadstawą z manierystycznym detalem. Takie rozbudowane *Arony* były cechą charakterystyczną polskich bożnic tego

okresu. Ściany wewnątrz synagogi ozdobione są polichromiami z napisami w języku hebrajskim. Wszystkie oprócz wschodniej posiadają po trzy okna (ściana wschodnia dwa – ze względu na rozbudowany *Aron hakodesz*). Ideałem w tego typu bożnicy było dwanaście okien umieszczonych po trzy w każdej ścianie. Wynikało to z Talmudycznej interpretacji Tory. Podłoga sali głównej obniżona jest w stosunku do przedsionka o kilka stopni (wpływ Psalmu 130). Wejście do sali znajduje się w ścianie północnej, bliżej zachodu. Zazwyczaj wejście umieszczano na osi wsch-zach, tutaj jednak rozwiązanie to wymusiły istniejące warunki. Prawdopodobnie początkowo bożnica w Tykocinie była pokryta dachem pogrążonym, otoczonym attyką, jak większość bożnic tego okresu. Jednak zapewne problemy w konserwacji dachu spowodowały, że w XVIII zastąpiono go dachem mansardowym istniejącym do dzisiaj. Warto zauważyć, że powstała w 1764 r. Wielka Synagoga w Białymstoku (gmina w Białymstoku była początkowo zależna od gminy tykocińskiej) nie posiadała już dachu pogrążonego, a wysoki czterospadowy dach zakończony małą latarnią. Bryłę główną sali synagogi tykocińskiej otaczają przedsionek i babińce przekryte dachem pulpitowym. Na ścianie wschodniej miejsce przechowywania Tory zaznacza szkarpa.

Podobny układ, miały tzw. bożnice dziewięciopolewe. Miały one podobny układ konstrukcyjny. Zasadnicza różnica polegała na akcentowaniu *bimy*. W synagogach dziewięciopolewych wszystkie pola sklepienia były równe i przesklepione na jednej wysokości (zazwyczaj były to sklepienia krzyżowe jak w bożnicy Przedmiejskiej we Lwowie (r.1632) lub kolebkowe z lunetami – wtedy w polu środkowym krzyżowały się dwie kolebki – tak jak w Wielkiej Synagodze w Wilnie (r.1633)). *Bima* była wtedy wstawiana między słupy niezależną konstrukcją. Przykładem tego typu rozwiązania na Podlasiu jest synagoga w Orli (il. 3, 4).

Synagoga w Orli ta powstała w połowie XVII w. i była później wielokrotnie modernizowana i przebudowywana [1, str. 3-118

8]. Początkowo w Orli powstała sama sala główna – sala modlitw, do której w drugiej poł. XVII wieku dostawiono przedsionek. Początkowo sala modlitw sklepiona była prawdopodobnie dziewięcioma sklepieniami krzyżowymi, z tym że pole środkowe było mniejsze. Nad przedsionkiem znajdowała się empora z babińcem. W XVIII w. dostawiono dodatkowe babińce po obu stronach bożnicy. W XIX w. nastąpiła gruntowna przebudowa podczas której zmieniono przekrycie na układ dziewięciopolewy sali modlitw o równych polach zachowany do dzisiaj. W wieku XIX dobudowano również klasycystyczną fasadę z akcentującym wejście portalem zakończonym tympanonem. Również wejścia do babińców zostały podkreślone klasycystycznymi portalami.

Obie wyżej opisane synagogi – Wielka w Tykocinie oraz synagoga w Orli są jednymi z najciekawszych, zachowanych przykładów budownictwa sakralnego Żydów na ziemiach Podlasia. Obie bożnice planowano odbudować po zniszczeniach wojennych i adaptować do nowych funkcji związanych z kulturą. Obiekt w Tykocinie zrekonstruowano w latach 70-tych XX wieku jako budynek-muzeum. Mieści się tam oddział Muzeum Podlaskiego. Podczas remontu w sali głównej odkryto i zabezpieczono liczne dekoracyjne napisy w języku hebrajskim i aramejskim pochodzące z kilku okresów (najstarsze z XVII w.). Sala modlitw pełni rolę sali wystawowej w której odtworzono *bimę* oraz *aron ha-kodesz*. Pomieszczenia dla kobiet również przekształcono w sale wystawowe w których eksponowane są wystawy tymczasowe (il.5). Zachowano układ wnętrza, a wprowadzone przekształcenia nie zakłócają pierwotnego układu przestrzennego.

Projekt rekonstrukcji i adaptacji synagogi w Orli na funkcję Gminnego Ośrodka Kultury opracowano jako Założenia Techniczno Ekonomiczne (ZTE) w 1976 roku [8]. Autorem projektu architektury był arch. Zdzisław Bubieniec. Projekt zakładał zrekonstruowanie zniszczonych w czasie II wojny światowej babińców oraz odtworzenie synagogi w formie z przed wojny. Układ funkcjonalny, podobnie

jak w przypadku synagogi w Tykocinie został dostosowany do zastanego układu przestrzennego (il. 6). Salę główną zaprojektowano jako salę wystawową w której planowano odtworzyć *bimę* oraz miejsce po *aron-hakodeszu*. W pomieszczeniach mieszczących dawniej sale dla kobiet zaprojektowano salę zajęć oraz biuro (w północnym babińcu) oraz bibliotekę (w południowym babińcu). Nad przedsionkiem, w którym zaprojektowano zespół WC oraz szatnię, zlokalizowano wielofunkcyjną salę widowiskowo-kinową z zapleczem operatora. Wprowadzone w projekcie wtórne podziały wynikające z nowych funkcji nie zakłócały istniejącego układu przestrzennego dawnej bożnicy. Przykład Tykocina daje wyobrażenie o efekcie finalnym projektowanych w Orli, a niezrealizowanych zamierzeń. Projektu z roku 1976 niezrealizowano, późniejszy autorstwa arch. J. Kaczyńskiego z zespołem z 1986 zawieszono podczas realizacji (przeprowadzono badania architektoniczne, zrekonstruowano babińce oraz odtworzono elewacje). Do dnia dzisiejszego budynek bożnicy w Orli niestety niszczeje.

Atuty przyjętych rozwiązań (Wielka Synagoga w Tykocinie, synagoga w Orli):

- odtworzenie zewnętrznej formy historycznej,
- zachowanie i zabezpieczenie istniejących detali, polichromii, dekoracji
- rozwiązanie funkcjonalne respektujące historyczny układ wnętrza,
- możliwość wykorzystania obiektu (okazjonalnie – świata, itp) do celów sakralnych
- funkcja związana z kulturą.

Synagoga w Krynkach i Siemiatyczach. W przypadku innych adaptacji na różnego rodzaju funkcje związane z kulturą tj. różnego rodzaju Domy Kultury i Biblioteki zachowany lub odtwarzany pozostawał wygląd elewacji i układ wnętrza w swym pierwotnym charakterze. Jednak w tym przypadku wnętrza ulegało mniejszym (zniesienie bimy) lub większym przekształceniom (przekształcenia wewnętrzne, inne podziały wnętrza). Przykładami tego typu przekształceń są obiekty w Siemiatyczach, Sejnach, Synagoga Cytrona w Białymstoku, synagoga „kaukaska” w Krynkach,

przedstawiony niżej niezrealizowany projekt adaptacji Wielkiej Synagogi Krynkach oraz projekt adaptacji Synagogi w Suwałkach (również niezrealizowany).

Przed wybuchem II wojny światowej społeczność żydowska stanowiła w Siemiatyczach ponad połowę mieszkańców miasta. Żydzi aktywnie uczestniczyli w życiu politycznym i gospodarczym. Synagogę w Siemiatyczach wybudowano po 1797 roku [2, str. 23], po wielkim pożarze miasta. Autorem projektu, jak podaje Tomasz Wiśniewski miał być Szymon Bogumił Zug [12, str. 186]. Fundatorem budynku była księżna Anna Jabłonowska. Synagogę wybudowano w ramach przebudowy miasta i przebiecia alei łączącej osiowo pałac oraz rynek z ratuszem. Nową bożnicę zbudowano w miejscu starej, drewnianej. Do dnia dzisiejszego obiekt ten zachował się bez większych zmian w swojej formie zewnętrznej (il 7-8). Jest to budynek na planie prostokąta (o wymiarach 25x19,55 m) w stylu klasycyzmu, dwukondygnacyjny, z wysokim dachem kopertowym, z podkreślonym rozbudowanym gzymsem okalającym. Elewacja frontowa jest siedmioosiowa symetryczna, elewacje boczne pięćoosiowe, elewacja tylna, symetryczna, pięćoosiowa dekorowana pilastrami. Układ wnętrza jest symetryczny. Duża sala modlitw ulokowana została w części wschodniej i otoczona była z trzech stron galerią. Salę modlitw (z obniżoną wg tradycji posadzką) poprzedzał przedsionek z pomieszczeniami pomocniczymi kahału. Drewniane, dekoracyjne, zewnętrzne klatki schodowe (widoczne na historycznych przekazach) prowadziły do babińca na galerii i stanowiły jednocześnie obramowanie wejść do sali głównej na bocznych elewacjach.

Budynek w czasie okupacji pełnił rolę magazynu i dzięki temu przetrwał wojnę. Jednak uległo zniszczeniu jego wnętrza i wyposażenie. Remont przeprowadzono w latach 1961-64 adaptując dawną synagogę na Dom Kultury z salą kinową. Zgodnie z zaleceniami konserwatorskimi [7] w budynku zachowano historyczny układ pomieszczeń wewnętrznych (il. 9). W partii wejściowej

budynku będącej niegdyś przedsionkiem, zaprojektowano obszerny hol wejściowy oraz klatkę schodową prowadzącą na piętro. Nie zrekonstruowano zewnętrznych, drewnianych klatek schodowych i co za tym idzie w miejscu drzwi na piętrze wprowadzono powtarzalne okna z obramowaniem podkreślając osiowość elewacji. Do dzisiejszych czasów nie zachowały się polichromie zdobiące wnętrza sali modlitw, jednak zasadniczy układ wnętrza pozostał bez zmian. Układ „bazylikowy” wnętrza podkreślają dwukondygnacyjne filary zakończone łukami arkadowymi ułożone po bokach, oraz dwie doryckie kolumny na osi sali głównej podtrzymujące strop galerii (il. 8). Łukowe otwory arkadowe wypełniono ścianami a powstałe na piętrze/galerii pomieszczenia zaadoptowano na potrzeby sal ekspozycyjnych Domu Kultury. Zachowała się także wnęka aron ha-kodesza zasłonięta konstrukcją sceny i kinowego ekranu. W trakcie remontu zachowano pochylenie połaci dachowej, a dach wykończono tak jak tuż przed wojną - blachą (wcześniejsze badania wskazywały, że dawniej dach wykończony był dachówkami ceramicznymi).

W Krynkach ludność żydowska osiedliła się w XVII wieku uzyskując przywileje od Króla Władysława IV w 1639 roku. W XVIII wieku gmina żydowska w Krynkach jest drugą co do wielkości w kahale okręgowym w Grodnie. W II połowie XIX wieku Żydzi stanowią większą część mieszkańców miasta [12, str. 165]. Wielka synagoga w Krynkach została wybudowana wg Piechotków na początku XIX wieku [3, str. 400] (T. Wiśniewski sugeruje rok 1756 [12, str. 166] w stylu klasycystycznym. Symetryczny układ form miał kształt litery „T” na osi wschód-zachód. Sala główna miała kształt prostokąta z umieszczonymi po obydwu stronach babińcami. Od strony frontowej salę główną poprzedzał obszerny przedsionek akcentowany w elewacji wysokim szczytem. Elewację frontową flankowały po obu stronach ryzality-pawilony zakończone mniejszymi szczytami. Ściany zewnętrzne były dekorowane rytmicznie rozmieszczonymi pilastrami oraz gzymsami. Budynek był wykorzystywany

podczas wojny jako magazyn wojskowy i warsztat. Dopiero wycofujące się wojska niemieckie próbowały wysadzić bożnicę w 1944 roku.

Po wojnie zachowany częściowo budynek (il. 10) postanowiono odbudować i zaadoptować na Dom Kultury (Dom Świetlicowy) mieszczący salę kinowo-widowiskową, bibliotekę, pracownię dla młodzieży. Projekt koncepcyjny został przygotowany w roku 1958 w PKZ przez inż. J. Grudzińskiego. Podstawowymi założeniami projektowymi było odtworzenie formy historycznej na elewacjach i adaptacja zakładająca wynikająca z historycznych podziałów wnętrza. W dawnym przedsionku zaprojektowano hol z szatniami i kasą, w ryzalitach klatki schodowe z przejściem do dawnych babińców mieszczących w tej propozycji poczekalnie - foyer. W częściach wschodnich babińców zaprojektowano garderoby dla artystów. W sali głównej wykorzystując dużą przestrzeń sali modlitw zaprojektowano widownię na 350 osób oraz scenę (il. 11). Na piętrze nad przedsionkiem, zaprojektowano bibliotekę, wyżej pomieszczenia kabiny projekcyjnej z zapleczem oraz pracownię dla młodzieży. Na elewacjach oraz we wnętrzu założono częściowe zamurowania otworów okiennych projektując w ich miejsca blendy. Finalnie z realizacji zrezygnowano. Na początku lat 70-tych XX wieku budynek wysadzono i rozebrano.

Przykłady synagog w Siemiatyczach i Krynkach ukazują schemat adaptacji na funkcję „domu kultury”. Charakteryzuje je zachowany lub odtworzony wystrój zewnętrzny budynku i zachowany podstawowy układ i podział i wystrój architektoniczny wnętrza. Jednak ze względów funkcjonalnych wnętrza uległo przekształceniom. Najistotniejsze zmiany dotyczą przede wszystkim sali modlitw, która w prezentowanych przykładach pełni rolę sali widowiskowej, co powoduje zniesienie bimy. Również wystrój wewnętrzny zachowany jest w uproszczonej formie (brak polichromii, wyposażenia, aron ha-kodesza). Zapewne na sposób adaptacji miał wpływ zły stan techniczny budynków po wojnie oraz brak oryginalnego wystroju wewnętrznego.

Wielka Synagoga w Krynkach podobnie jak klasycystyczna Synagoga w Suwałkach

zostały niestety zburzona. Były to obiekty poprzez swoją skalę i rozwiązania architektoniczne niezwykle wartościowe dla architektury Podlasia. Projekty, które zakładały ich adaptację do nowych funkcji związanych z kulturą respektowały dawne układy funkcjonalne i zakładały odtworzenie oryginalnego wyglądu. Tym większą stratę dla stanowią wyburzenia tych obiektów, w kontekście ich racjonalnego przystosowania do nowych funkcji.

Atuty przyjętych rozwiązań (Synagoga w Krynkach, Synagoga w Siemiatyczach):

- odtworzenie zewnętrznej formy historycznej,
- rozwiązanie funkcjonalne respektujące historyczny układ wnętrza,
- funkcja związana z kulturą.

Defekty przyjętych rozwiązań:

- przekształcenie sali modlitw- zniesienie bimy

Synagogi w Suchowoli oraz Sejnach – adaptacje na cele związane ze sportem.

Adaptacji na cele sportowe sprzyjał tradycyjny układ funkcjonalny synagogi z dużą salą główną. Aktualne jest na pewno pytanie o to czy pomysł umieszczenia funkcji związanej ze sportem w dawnym sakralnym wnętrzu jest właściwy. W przypadkach tego typu rozważań salę główną przebudowywano na salę gimnastyczną, a pozostałe pomieszczenia na funkcje uzupełniające (szatnie, łazienki itd.). Negatywną cechą takich przykładów jest zatarcie w wystroju architektonicznym zewnętrznym i wewnętrznym dawnej funkcji domów modlitwy. Przykładami takich adaptacji na Podlasiu są synagoga Szmuela Mohilewera w Białymstoku i bożnica w Suchowoli, a niezrealizowanym przykładem jest Synagoga Biała w Sejnach.

W 1968 roku król Zygmunt August pozwolił Żydom w Suchowoli osiedlać się, budować i prowadzić kramy. Od tego czasu wielkość społeczności żydowskiej powiększała się. Jeszcze na przełomie XVIII-XIX wieku stanowi oni 30% ludności by w 1897 roku było ich ok. 60%. Wg spisu przed wojną w 1937 roku żydzi stanowili ok. 47% społeczności miasta [12, str.191]. Największe skupisko

domów ludności wyznania mojżeszowego zlokalizowane było wokół rynku i w południowo-wschodniej części miasta wokół głównej (drewnianej, należącej do tzw. grupy białostocko-grodzieńskiej) synagogi wybudowanej w XVIII w. Druga, interesująca nas tzw. Nowa bożnica (il. 12) powstała w połowie XIX wieku na tzw. „żółtym wzgórzu”. Obiekt ten powstał w sąsiedztwie murowanej żydowskiej szkoły. Jest to prosty dwukondygnacyjny murowany budynek zbudowany na planie prostokąta (o wymiarach zewnętrznych ok. 17,70 x 11,30m), z dachem dwuspadowym oraz dwutraktowym asymetrycznym układem wnętrza. Synagogę wybudowano przy obecnej ul. Augustowskiej, wzdłuż której zlokalizowano dwukondygnacyjną część budynku mieszczącą pierwotnie przedsionek i babiniec. W części wschodniej, stanowiącej 2/3 wielkości rzutu umieszczono dwukondygnacyjną salę główną. Niestety, jak większość żydowskich budynków kultu również ten uległ zdewastowaniu i częściowemu zniszczeniu podczas wojny. Nie zachowało się więc wyposażenie oraz wystrój wnętrza. Z układu funkcjonalno-przestrzennego, tradycji budowania tego typu obiektów oraz z kierunków świata można domniemywać, że Aron ha-kodesz zlokalizowany był przy ścianie wschodniej sali głównej. Architektura zachowanego budynku jest prosta, pozbawiona detalu architektonicznego. Elewacja frontowa, zachodnia jest siedmioosiowa, dwukondygnacyjna z prostokątnymi oknami, Natomiast elewacja wschodnia jest jednokondygnacyjna, sześćoosiowa. Tomasz Wiśniewski w swojej rekonstrukcji (opartej na fotografii z Księdze Pamięci Żydów z Suchowoli) (il.13) tej bożnicy zauważa, że obiekt ten posiadał wcześniej okna zakończone półkoliście (kondygnacja górna) i łukami odcinkowymi (kondygnacja dolna elewacji zachodniej) oraz gzymsami odcinkowymi podkreślającymi kształt okien. Ponadto budynek od strony zachodniej poprzedzał mały, parterowy przedsionek przekryty dwuspadowym dachem z kalenicą prostopadłą do głównego korpusu.

Budynek tzw. Nowej Synagogi w Suchowoli został adaptowany do nowej funkcji

już w 1947 roku przez nauczycieli prywatnego gimnazjum i pełnił funkcję sali teatralnej. Po kilku latach zmieniono przeznaczenie obiektu na salę gimnastyczno-sportową Państwowej Szkoły Ogólnokształcącej (przekształconej z prywatnego gimnazjum). Tą funkcję budynek bożnicy pełnił do roku 2000 kiedy to została wybudowana nowa szkolna sala sportowa (il.14,15). Od tego czasu budynek jest nieużytkowany. Przebudowy i adaptacje synagogi pozbawiły budynek oryginalnego detalu i elementów identyfikujących jako żydowski obiekt kultu (jeśli takie przetrwały wojnę /?/). W chwili obecnej brak jakichkolwiek elementów w strukturze architektonicznej mówiących o dawnej funkcji (ryc. 10).

Gmina żydowska w Sejnach swoją historią sięga końca XVII wieku choć oficjalnie żydzi otrzymali przywilej zamieszkiwania miasta w roku 1768. Od tego czasu odsetek ludności żydowskiej rośnie, sięgając w latach 80-tych XIX wieku 75% społeczności [13 str. 19].

Synagoga w Sejnach (il. 16) została zbudowana w 1857 roku w miejscu wcześniejszej drewnianej, w dawnej dzielnicy żydowskiej. Jest to obiekt orientowany, trójnawowy, z elewacją frontową zakończoną wysokim, ozdobnym szczytem. W architekturze opisywanej bożnicy można znaleźć elementy stylu klasycystycznego i neogotyckiego. Jednoprzestrzenne wnętrze (il.17) podzielone jest przez cztery ozdobne filary dźwigające łuki podpierające sklepienia o konstrukcji drewnianej: kolebkowe w nawie głównej i półkolebkowe w nawach bocznych. Pomiedzy filarami umieszczona była niegdyś bima. W ścianie wschodniej zachowała się nisza aron ha-kodesza. Budynek bożnicy przetrwał wojnę przekształcony i przebudowany przez nazistów na remizę strażacką w roku 1941. Po wojnie obiekt służył jako zajezdnia samochodowa i w późniejszym czasie jako magazyn.

W latach pięćdziesiątych pojawiły się inne pomysły przeznaczenia dawnych budynków bożnicy i Domu Talmudycznego (pełniącego po wojnie funkcję magazynu zboża, później - zakładu obuwniczego) w Sejnach i wyprowadzenia z nich przypadkowych funkcji.

W roku 1957 opracowano m.in. projekt adaptacji budynku na cele klubu sportowego – sali sportowej. Projekt (il.18) został opracowany przez inż. M. Syferta w czerwcu 1957 roku. Adaptacja obiektów dawnych bożnic na cele związane ze sportem była obowiązującą tendencją, a przykładami przystosowanych do takich funkcji na Podlasiu obiektów należą m.in.: „Nowa” synagoga w Suchowoli, czy Synagoga Samuela Mohilewera w Białymstoku.

Podstawowymi założeniami projektu adaptacji Synagogi Białej w Sejnach z roku 1957 był podział przestrzeni bożnicy na dwie strefy: strefę wejściową z holem i szatniami (dwoma ułożonymi symetrycznie po obu stronach holu) oraz widownią umieszczoną nad holem od strony zachodniej (wejścia głównego) oraz zajmującą dwa przęsła przestrzeń Sali sportowej podzielonej przez istniejące filary wydzielaające przestrzeń ringu bokserskiego(nawa główna) i sal ćwiczeniowych (nawy boczne) (il.3). Projekt zakładał także wyburzenie zbudowanej w czasie wojny wieży obserwacyjnej, a także przywrócenie uproszczonego wyglądu pierwotnego, jednak bez odtwarzania fasady (szczytu) frontowej (il.4). Założono odtworzenie i zachowanie istniejących detali oraz wyglądu ścian elewacji bocznych poprzez zlikwidowanie wrót dla samochodów ciężarowych i odtworzenie wysokich okien w elewacji bocznej. W miejscu aron ha-kodesza zaprojektowano wejście gospodarcze na sprzęt sportowy. Autor projektu świadomy był problemów funkcjonalnych jakie niesie ze sobą zderzenie zastanej struktury konstrukcyjnej tej bożnicy z nową funkcją. W opisie zaznaczył że sala nadaje się przede wszystkim do treningów *natomiast absolutnie nie spełnia zadania sali (sportowej) z uwzględnieniem obserwowania zawodów*” [10 str. 2] właśnie ze względu na układ filarów zlokalizowanych w centralnej części budynku. Finalnie projekt nie został zrealizowany, a obiekt przeznaczono na magazyn. Dopiero w roku 1979 opracowano projekt odtworzenia historycznej formy synagogi w Sejnach i adaptacji na salę wystawienniczą, który to projekt zrealizowano w latach 1979-1987. Obecnie bożnica

użytkowana jest przez Fundację Pogranicze jako miejsce koncertów, spektakli i wystaw.

Opisana koncepcja przystosowania bożnicy nie była jedyną dotyczącą obiektów żydowskich w Sejnach. Inny projekt zakładał adaptację Domu Talmudycznego na restaurację-stołówkę. Kolejny proponował rozbudowę i adaptację Domu Talmudycznego na cele związane z Domem Kultury. W koncepcji tej zakładano wybudowanie kubatury zawieszanej na słupach na poziomie wysokiego parteru jako rozbudowy mieszczącej zaplecze sali kinowo-widowskiej pomiędzy istniejącym budynkiem, a elewacją frontową synagogi. Realizacja takiego rozwiązania uniemożliwiłaby odtworzenie historycznej formy bożnicy i zaburzyłaby historyczny układ pomiędzy budynkami dawnej gminy żydowskiej w Sejnach. Na szczęście również ta koncepcja nie doczekała się realizacji.

Atuty przyjętych rozwiązań (Nowa synagoga w Suchowoli, Biała Synagoga w Sejnach):

- zachowanie układu przestrzennego bożnicy,
- częściowe odtworzenie elewacji.

Defekty przyjętych rozwiązań:

- wprowadzenie podziałów i nowych form we wnętrzu,
- uproszczenia w odtworzeniu elewacji frontowej zmieniające charakter architektury
- kontrowersyjna funkcja w obiekcie sakralnym.

Podsumowanie

Po II Wojnie Światowej po wyniszczonej ludności żydowskiej, stanowiącej w wielu miejscowościach Podlasia znaczny procent społeczności pozostały obiekty kultu religii mojżeszowej – synagogi, bożnice, domy talmudyczne. W ramach odbudowy powojennej pojawił się problem adaptacji budynków dawnych synagog do nowych funkcji. Problem ten dotyczył w skali kraju ponad 200 obiektów. Społeczność żydowska w Polsce liczyła przed wojną ok. trzy i pół mln. osób. Obecnie szacuje się, że w Polsce żyje ok. 6-8 tysięcy Żydów [5, str.174]. Tylko w przypadku niewielu synagog pełnią one swoją dawną sakralną funkcję (synagoga Nożyków w Warszawie, Remus i Tempel w Krakowie, Pod Białym Bocianem we Wrocławiu, w Lublinie, Gdańsku-Wrzeszczu i kilka innych). Na Podlasiu zachowało się kilkadziesiąt synagog i domów

modlitwy. Poniżej przedstawiono podział tych obiektów ze względu na adaptowaną funkcję:

- **Grupa nr 1.** Obiekty związane z działalnością kulturalną: domy kultury, sale widowiskowe, kinowo-teatralne, biblioteki, muzea.

Adaptacji na te cele sprzyja tradycyjny układ funkcjonalny z dużą salą modlitw adaptowaną najczęściej na potrzeby wielofunkcyjnej sali kinowo-teatralnej. Pozostałe pomieszczenia są przekształcane na funkcje uzupełniające, pomieszczenia galerii sztuki, domów kultury, biblioteki. Modelowymi przykładami tego typu adaptacji oprócz zespołu synagogalnego w Siemiatyczach jest synagoga w Sejnach, zespół synagogalny w Tykocinie, synagoga Cytrona w Białymstoku, synagoga „kaukaska” w Krynkach, bożnica w Mielniku, synagoga we Włodawie, oraz niezrealizowane projekty w Milejczycach, Orli, Suwałkach i Ciechanowcu. Jedynie w obiektach zamienionych na budynki-muzea (Tykocin, Włodawa, Łęczna, projekt w Orli) udaje się zachować tradycyjny układ wnętrza bez zmian. W pozostałych przypadkach architektura zewnętrzna jest rekonstruowana, natomiast zniszczone w czasie wojny wnętrza odtwarzane jest w pewnym uproszczeniu i podporządkowane nowej funkcji np. scena lub widownia zamiast bimy.

- **Grupa nr 2.** Obiekty związane z działalnością sportową: kluby i sale sportowe, pływalnie. W obiektach adaptowanych w ten sposób ślady pierwotnej funkcji pozostają zacierane i upraszczane. Również w tym przypadku adaptacji na te cele sprzyjał modelowy układ funkcjonalny bożnicy. Przykładami są tu „Nowa” synagoga w Suchowoli, Synagoga Samuela Mohilewera w Białymstoku.

- **Grupa nr 3.** Obiekty związane z przemysłem, magazyny i budynki gospodarcze, obiekty handlowe, usługowe, biurowe, mieszkalne. Przypadkowa jak się wydaje pod względem funkcjonalnym adaptacje na te cele sprzyja degradacji budynków i zatarciu śladów ich żydowskiej sakralnej przeszłości. Za przykłady służą tu synagogi w Czyżewie (sklep-magazyn), w Krynkach synagoga chasydów Słonimskich (budynek gospodarczo-magazynowy), w Rutkach Kossakach (sklep-magazyn), Kolnie (dom towarowy – obecnie remontowany), Białymstoku

- *Piaskower beit Midrash* (biura), w Puńsku (sklep, obecnie mieszkania).

Literatura

1. Kaczyński, Janusz, *Z badań nad synagogą w Orli*, [w:] *Białostoczczyzna* 1/87
2. Leszczak, Mirosław, *Synagoga w Siemiatyczach, „Białostoczczyzna” 1987, nr 7, str. 23-25*
3. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Bramy do Nieba Bożnice Murowane*, wyd. Krupski i s-ka, Warszawa 1999
4. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Bożnice Polskie XIX w. (w:) Kalendarz Żydowski 1986-1987*, Wyd. Związek religijny wyznania mojżeszowego w PRL, str. 55-84.
5. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Krajobraz z menora, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław, 2008.*
6. *Projekt wstępny odbudowy Wielkiej Synagogi w Krynkach na cele Domu Świetlicowego*, inż. J. Grudziński, PKZ Warszawa, 1958.
7. *Projekt remontu budynku synagogi w Siemiatyczach*, PPPKZ Pracownia w Białymstoku, sygn. 4870.
8. *Projekt ZTE*, autor. arch. Z. Bubieniec, *archiwum Narodowego Instytutu Dziedzictwa o/Białystok*, sygn. 1913.
9. *Sefer Suchowola, Księga Pamięci, Yizkor Book Suchowola* [w] *New York Public Library*, <http://yizkor.nysl.org>
10. *Syfert inż. Opis techniczny do projektu hali sportowej w budynku synagogi żydowskiej w Sejnach*, str.2, 1957 zbiory WUOZ Białystok o.Suwałki.

11. *Wilczyk, Wojciech, Niewinne oko nie istnieje, Atlas Sztuki, Łódź, 2009.*

12. *Wiśniewski, Tomasz, Bożnice Białostoczczyzny Żydzi w Europie wschodniej do roku 1939, Dom Wydawniczy Dawid, Białystok 1992.*

13. *Żydzi na Suwalszczyźnie, Materiały źródłowe, zbiory WUOZ o. w Suwałkach.*

**SYNAGOGUES ADAPTATION
IN PODLASIE REGION. ACCOMPLISHMENT
VERSUS DESIGN PHASE**

Piotr Trojnieł

Pre-war, multicultural character of North-eastern region of Poland – Podlasie region was created among others, by its Jewish community that time. There are only few synagogue buildings which survived Holocaust and destruction. Those buildings are a testimony to the presence of Jews in this territory.

During post-war reconstruction there was a problem of adaptation of those objects to new functions. Nowadays in Podlasie region none of the synagogues plays its sacral role (sic!) as it used to be, and the exploit of the buildings is not as it should be.

The aim of the study is to present mentioned above problem on the example of selected, representative objects. It shows adaptation processes categorized into three groups according to its aim: cultural, sport and industrial and/or storehouse.

Поступила в редакцию 21.04.2011

Раздел 4

АРХИТЕКТУРА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

УДК 725.4.03(476)

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В БЕЛАРУСИ

Залеская Г.Л.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Архитектура производственных объектов
и архитектурные конструкции», БНТУ

В статье рассматривается вопрос о взаимосвязи современного функционального использования и степени сохранности построек производственного назначения XIX – начала XX вв. на белорусских землях, что в дальнейшем позволит определить пути их применения и разработать предложения по реставрации, реконструкции или сносу этих зданий и сооружений.

Введение. Специфика архитектуры объектов производства всегда обуславливала изменения в облике объектов, поэтому, с точки зрения исторической достоверности, особенностью их архитектуры следует считать соответствие объёма технологическим и техническим требованиям времени возведения. Чем менее отличаются здания от первоначального облика, чем они аутентичнее, соответственно, тем выше их архитектурно-историческая ценность.

Попытка оценки сохранности некоторых производственных объектов предпринималась в работе Е. Ю. Петросовой, которая посвящена исследованию готических форм в отечественной архитектуре [1], что сосредоточило внимание автора преимущественно на состоянии фасадов построек.

В данной статье основное внимание уделяется производственным постройкам как объектам архитектуры с технологически обоснованным объемно-пространственным решением, сформировавшим характерный для XIX – начала XX в. облик зданий и сооружений производственного назначения.

Основная часть. Проведённое исследование выявило 136 объектов архитектуры производственного назначения – предпри-

ятий, зданий и сооружений, рассредоточенных по всей территории Республики Беларусь и сохранившихся в той или иной степени из них большинство размещено в городских поселениях и менее трети – в сельской местности.

Большинство построек входит в состав действующих предприятий, причем значительная часть этих построек сохранила производственную функцию, например, два корпуса Слонимского картонно-бумажного завода «Альбертин» (1880-е гг. постройки) (рис. 1, 2), склад предприятия «Красносельскстройматериалы» в п. Красносельский Волковысского р-на (1914 г.), здание упаковочного цеха бумажной фабрики «Skina» в Чашниках (1886 г.), пожарное депо в Минске (1885 г.) (рис. 3).

В результате натурного обследования и проверки архивных данных [2] подтверждена сохранность корпусов изразцового завода имения Станиславово (1886 г.), ныне размещающегося в границах города Гродно [3, с. 514] (рис. 4).

На современное состояние объектов в значительной мере повлияла функциональная принадлежность построек. Установлено, что большая часть построек производственного назначения сохранила производственную функцию.

В первую очередь это относится к постройкам тех отраслевых направлений, для которых характерен наибольший процент капитальности.

На базе фабрик и заводов конца XIX – начала XX вв. созданы бумажные фабрики «Герой труда» в Добруше (рис. 5) и «Спартак» в Шклове (рис. 6), ликероводочные и спиртзаводы в Бресте, Витебске, в Мире, Сынковичах (рис. 7) и многие другие [199].

Кроме того, в силу своей специфики ряд объектов был вовлечён в практически непрерывный процесс функционирования. Например, производственные постройки обслуживания железных дорог, водо- и электро-снабжения, пожарные депо, работа которых являлась необходимостью. Процесс постоянного использования зданий и сооружений по первоначальной функции в значительной мере способствовал их сохранению. Электростанции дореволюционной постройки использовались до 1930-х годов, водонасосные станции – до 1930–1980-х годов.

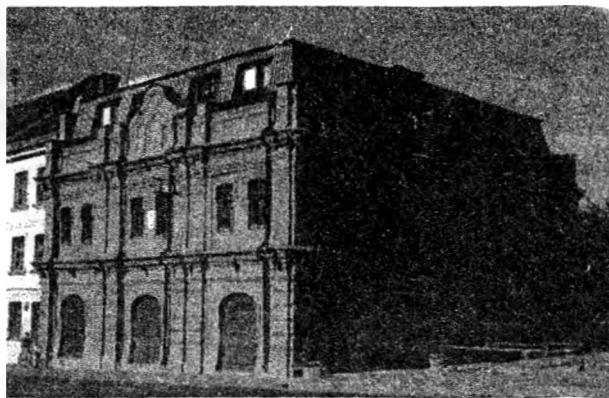

Рисунок 3 – Здание пожарного депо в Минске

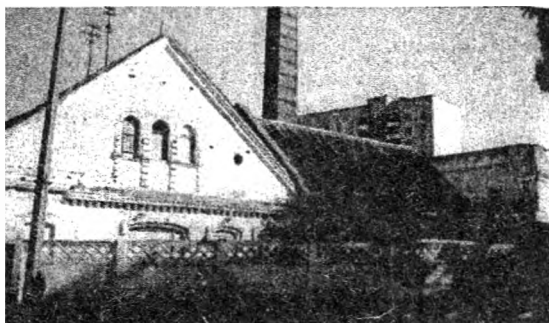

Рисунок 4 – Производственный корпус изразцового завода имени Станиставово в Гродно

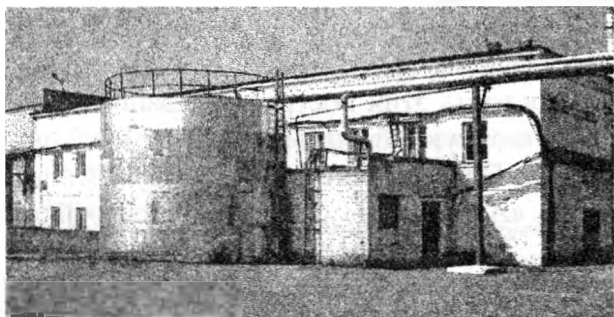

Рисунок 1 – Производственный корпус (бывший энергоцех) картонно-бумажного комбината «Альбертин»

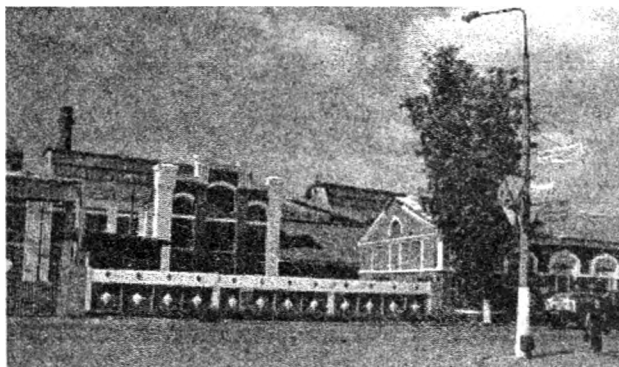

Рисунок 5 – Фабричные корпуса XIX в. в Добруше

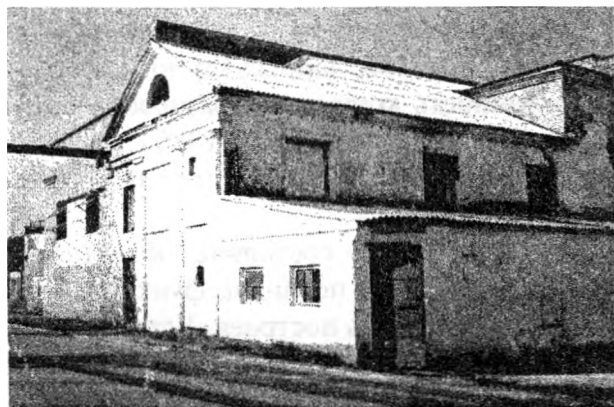

Рисунок 2 – Производственный корпус картонно-бумажного комбината «Альбертин»

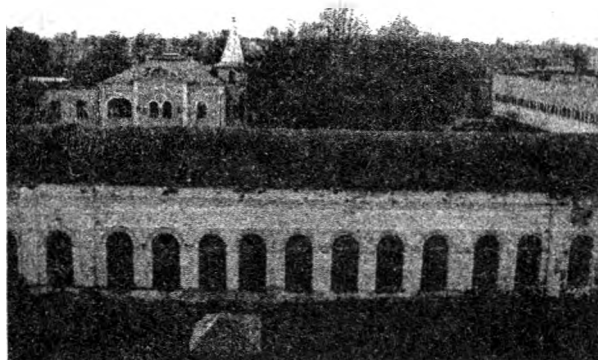

Рисунок 6 – Производственный корпус бумажной фабрики «Спартак» в Шклове

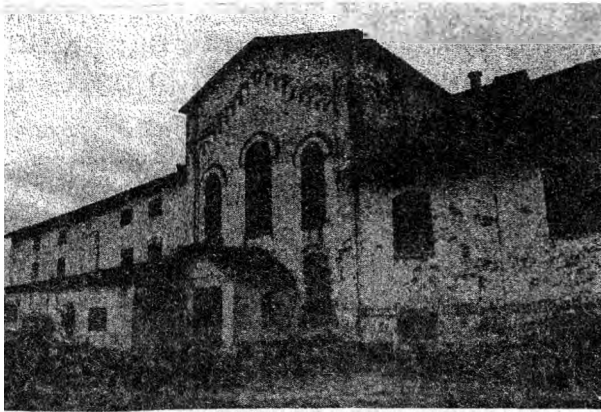

Рисунок 7 — Здание бывшего винокуренного завода в д. Сынковичи Зельвенского района

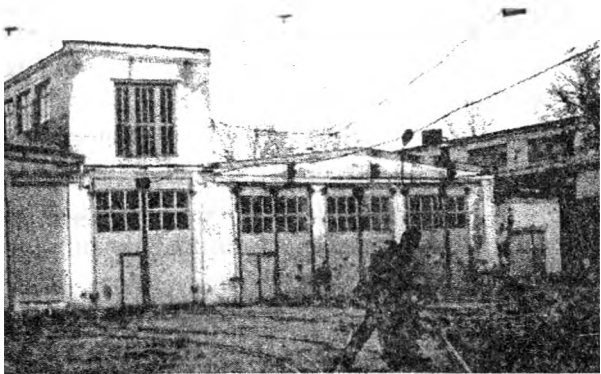

Рисунок 8 — Здание трамвайного депо в Витебске

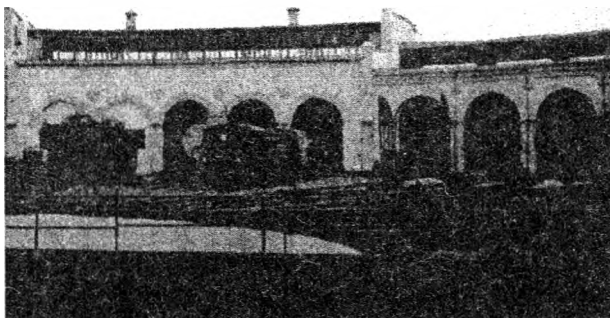

Рисунок 9 — Круговое паровозное депо в Волковыске

Рисунок 11 — Здание бывшей электростанции в Витебске

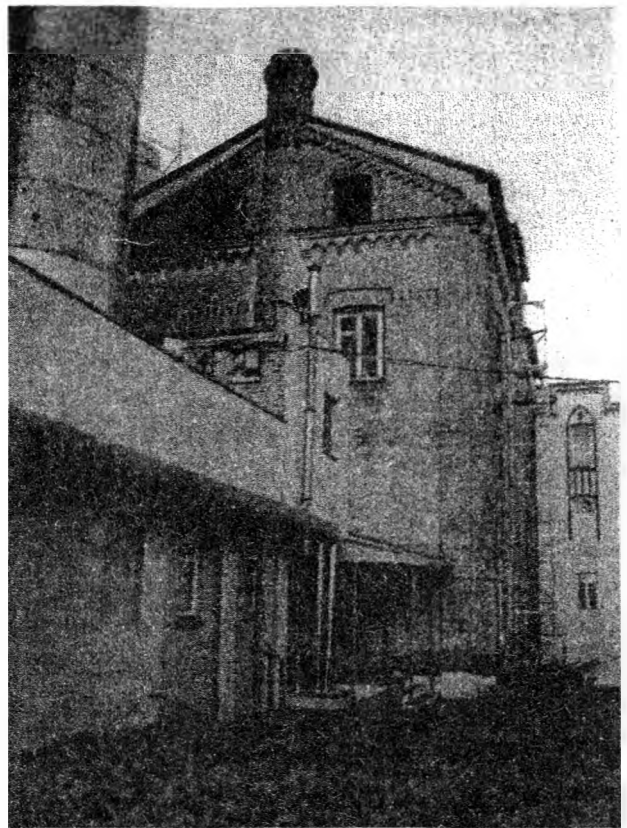

Рисунок 10 — Производственный корпус пивоваренного завода в Лиде

Ряд производственных зданий железной дороги, трамвайного депо в Витебске (рис. 8), пожарных депо в Минске, Несвиже, Бобруйске, Логойске продолжают в настоящее время нести изначальную функцию.

Тем не менее, часть объектов могла изменять первоначальную функцию на другую производственную, получить новую непромышленную функцию или вообще не использоваться. В связи с этим оценка современного состояния объектов производственного назначения в данной работе проводилась по двум критериям.

Первый критерий *функционального использования* объектов, где современное использование построек и их комплексов соответствуют одному из следующих положений:

- сохранность первоначальной производственной функции;
- изменение первоначальной функции на другую производственную;

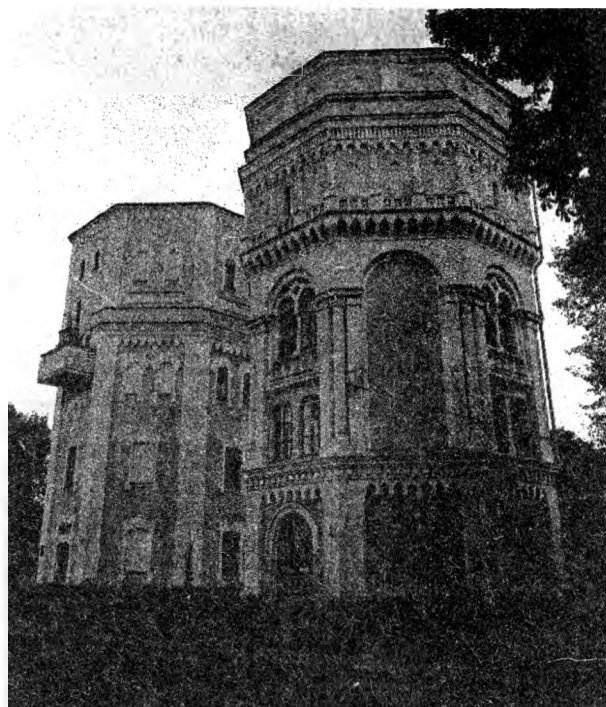

Рисунок 12 — Бывшие водонапорные башни в Гродно

Рисунок 13 — Здание бывшего пожарного депо в Слониме

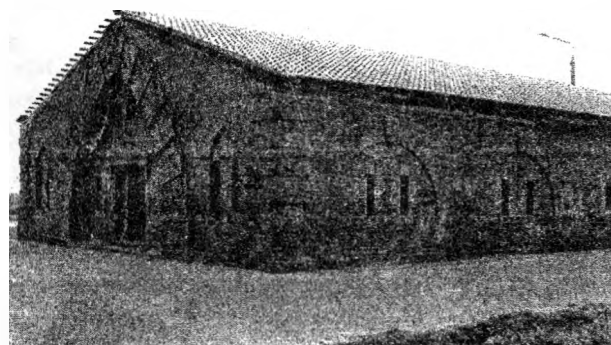

Рисунок 14 — Бывший пороховой склад в Бобруйске

- изменение производственной функции на непроизводственную – общественную или жилую;
- утрата функционального назначения.

Второй критерий *сохранности* понимается как наличие исходных материальных составляющих производственного объекта – контура внешних стен с отделкой и детализацией, проёмов, перекрытий и кровли, что устанавливается при натурном обследовании без проведения инженерных изысканий.

В работе принято, что полная сохранность условно соответствует существованию первоначального контура наружных стен с элементами кладки и проемами, внутренних опор, перекрытий и кровли с изменениями, не влияющими на внешний облик здания, например, окраской стен (60–100 %).

Неполную сохранность (30–60 %) характеризуют изменение очертаний, наращивание стен, закладка и пробивка новых проёмов, обстройка изначального здания, замена перекрытий и кровли. Разрушение стен и декоративных элементов, отсутствие заполнения проёмов и кровли, руинированное состояние соответствуют сохранности 10–30 %, что является *недостаточной сохранностью* для полноценного использования здания или сооружения. Сохранившиеся объекты разделены на четыре группы в соответствии с их современным функциональным использованием.

Первую группу представляют производственные здания и сооружения, несущие изначальную функцию. Именно они обладают наибольшей степенью сохранности, что объясняется как непрерывностью их использования, так и капитальностью объектов этой группы, обусловленной технологическими требованиями. Это демонстрируют здания и сооружения железной дороги в Волковыске (рис. 9), Бресте, Минске, Гомеле, Молодечно, Мостах, постройки объектов коммунального хозяйства (трамвайное депо в Витебске, пожарные депо в Минске, Несвиже, Бобруйске, Логойске, электростанции в Минске, Гродно, Витебске), корпуса

бумажного комбината в Добруше, бумажных фабрик в Чашниках и Шклове, корпуса предприятий дрожже -, винокурения и пивоварения (Минский дрожжевой комбинат, Минский завод «Кристалл», ликероводочные заводы в Бресте, Витебске, спиртзаводы в Закозели Дрогичинского р-на, Лынтупах Поставского р-на, Березино, пивзавод «Оливария» в Минске, пивзаводы в Лиде (рис. 10), Орше). Эта группа составляет 56,7 % от всех сохранившихся построек.

Во *вторую группу* вошли объекты, изменившие первоначальную производственную функцию на другую производственную. Степень сохранности объектов меньше, так как при переходе объекта к иному владельцу и приспособлении здания под другую технологию число перестроек возрастало. В эту группу вошли чугунолитейный и меднолитейный заводы в д. Вишнево Воложинского района, табачная фабрика Шерешевского и изразцовый завод в Гродно, вагоноремонтные заводы в Минске, Гомеле, обойная фабрика Шифмановича в Минске, сахарный завод в Поречье Пинского района, крахмальный завод в Опшмянах, кондитерская фабрика «Спартак» в Гомеле). Доля построек второй группы составляет 17,6 %.

В *третью группу* включены производственные постройки, поменявшие производственную функцию на жилую и общественную. Здесь радикальная смена функции приводит не только к перестройке при приспособлении здания, но и к смене режима использования разными владельцами, что значительно снижает степень сохранности объекта. Сюда относятся ткацкая фабрика в Логойске, обойная фабрика Эпштейна в Минске, железнодорожное депо в Мостах, Бресте, дрожже-винокурный завод Уревичей в Минске, водонапорная башня в Слониме, электростанция в Витебске (рис. 11), водонапорные башни в Гродно (рис. 12). Доля таких построек составляет 11 % от всех сохранившихся построек.

Четвертая группа состоит из объектов, утративших функциональное назначение, — разрушающихся зданий и сооружений. Сре-

ди них пожарное депо в Слониме (рис. 13), водонасосная станция в Витебске, винокурные заводы в Бобовне Копыльского района, Сынковичах Зельвенского района и Жодишках Сморгонского района, водяная мельница и винокурный завод в Лошице, пороховые склады в Бобруйске (рис. 14), водонапорная башня в Минске. Доля этих построек составляет 14,7 %.

Таким образом, установлено, что подавляющее большинство — 101 сохранившийся объект, в настоящее время входят в состав современных действующих предприятий, при этом именно объектам, несущим производственную функцию как первоначальную (56,7 %), так и измененную (17,6 %), присуща наибольшая степень сохранности.

Выявлено, что 72 % исследованных объектов расположены в городах, 28 % — вне городов, в сельской местности. Так же определено, что 17 объектов, исторически существовавших в сельской местности и входивших в состав имений, на данный момент находятся в пределах современных городских границ.

Выяснение функционального использования построек и деление их на группы важно для определения возможностей дальнейшего использования и реконструкции.

Выводы:

1. Проведенная оценка состояния производственных построек XIX — начала XX в. на белорусских землях показала, что 72 % объектов принадлежат действующим предприятиям в пределах населённых мест.

2. Наибольшая степень сохранности построек характерна для объектов, используемых по первоначальной функции или по измененной производственной функции в составе действующего предприятия.

Литература

1. Петросова, Е.Ю. «Готика» и неоготика в архитектуре Белоруссии: (К вопросу об использовании готических форм в архитектуре Белоруссии второй половины XVIII — начала XX вв.) : дис. ... канд. иск. : 17.00.04 / Е.Ю. Петросова; Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. — Минск, 1989. — 224 с.

2. Проект изразцового завода 1886 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 8. – Оп. 2. – Д. 991. – Л. 13.

3. Залеская, Г.Л. Архитектура производственных построек второй половины XIX – начала XX в. / Г.Л. Залеская // Архітэктура Беларусі : нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. кантэксце : у 4 т. – Мінск : Беларус. навука, 2006–2009. – Т.3, кн. 2. Другая палова XIX – пачатак XX ст. / А.І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск, 2007. – С. 514.

4. Восстановление народного хозяйства БССР (1921–1925 гг.) : сб. документов и материалов /

сост. Э.Л. Козловская [и др.]. – Минск : Беларусь, 1981. – 270 с.

EVALUATION THE MODERN CONDITION OF THE INDUSTRIAL STRUCTURES OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN BELARUS

Zaleskaya G. L.

The article describes the system of identical and valued characteristics for estimation the condition of the industrial architecture in Belarus at 19th – beginning of the 20th century.

Поступила в ред. 21.04.2011

УДК 711.554:629.33

ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННО-СЕЛИТЕБНОЙ ЗАСТРОЙКИ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА)

Купрейчик Л.В.

аспирант, кафедра «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции», БНТУ

В статье рассматривается история формирования и трансформации промышленно-селитебной застройки Минского автомобильного завода. Статья основана на малоизученных фактах и натурных исследованиях.

Введение. Промышленная территория современного города – это важная составляющая его планировочной и пространственной структуры, которая, как правило, складывается в течение длительного отрезка времени и является неотъемлемой частью городской среды. Это связано с тем, что подавляющее большинство промышленных предприятий, около 83 %, размещаются в городской черте. Такая высокая степень концентрации предприятий в городах обуславливает необходимость изучения вопросов исторического становления и формирования промышленной застройки и сопутствующих ей селитебных территорий. Это становится актуальным и востребованным в условиях происходящей сегодня масштабной корректировки генеральных планов населенных мест.

Основная часть. В планировочной структуре Минска промышленная застройка

занимает около 16,9 % (данные на 01.01.1997 г.) [1]. Наиболее крупным предприятием столицы является первенец белорусского автомобилестроения – Минский автозавод, гигант индустрии 1940-1950-х годах.

Проследить трансформацию промышленно-селитебной застройки автозавода можно с помощью метода временной и графической реконструкции - иллюстрированного восстановления последовательности строительства объектов, позволяющего видеть очередность застройки и все происходящие с ней изменения.

9 августа 1944 года было принято постановление Государственного Комитета Обороны о формировании на юго-восточной окраине города, в Красном урочище, Минского автосборочного завода.

Историю формирования промышленной застройки автозавода можно разделить на 3 периода:

- 9 августа 1944 года - конец 1945 года – период приспособления военных объектов под нужды завода;

- 1946 год - 1970-е года – период активного формирования промышленной застройки;

- 1970-е года - настоящее время – период структурных преобразований.

9 августа 1944 года - конец 1945 года – период приспособления военных объектов под нужды завода

Особенностью строительства предприятия являлся тот факт, что оно начало создаваться не на пустом месте. На данной площадке уже находились танковые ангары и мастерские, которые и послужили первыми производственными и административно-бытовыми помещениями завода. В структуру предприятия вошли постройки, сохранившиеся от воинской части. Так, в деревянном бараке, где до войны располагалось воинское управление, разместилось заводоуправление, а с 1970 года – отдел технического обучения и музей. По фотографиям, сохранившимся в музее автозавода, можно определить его месторасположение [2]. Так, первое здание заводоуправления находилось на ул. Социалистической, напротив бывших казарм. Размещение заводоуправления определило в дальнейшем место формирования центральной зоны обслуживания работающих. Однако из-за близкого расположения зданий к площадке завода, не была создана предзаводская площадь, один из планировочных элементов промышленных зон социалистического города.

До конца 1945 года на заводе не велось строительство новых производственных корпусов. Была сохранена и приспособлена под производственные помещения застройка, сохранившаяся от воинской части.

1946 год – 1970-е года – период активного формирования промышленной застройки.

Наиболее значимый этап в формировании застройки предприятия. В этот период происходило поэтапное строительство производственных мощностей завода.

Строительство завода велось ускоренными темпами. Так за месяц к 12 сентября 1945 года было подготовлено проектное задание на строительство предприятия, а в

январе 1946 года уже было начато его строительство. В 1948 году была пущена первая очередь завода, в 1950 – вторая. За 1948 год на предприятии было введено в эксплуатацию 11 тысяч квадратных метров производственных площадей, за 1949 год – более 15 тысяч, за 1950 – почти 47 тысяч квадратных метров. Судя по панораме застройки МАЗа конца 1940-х, видно, что уже в то время завод занимал огромную территорию, с сравнительно высокой для предприятий машиностроения плотностью застройки – около 30%. Однако для развития производства требовались новые корпуса, предприятие непрерывно наращивало свои мощности. Завод работал и строился одновременно – 28 июня 1946 года был введен в эксплуатацию ремонтно-литейный цех, 27 августа 1947 – начато строительство литейного цеха ковкого чугуна, в феврале 1949 – введен в эксплуатацию цех шасси, в 1949 – пущен главный конвейера по сборке автомобилей, в декабре 1950 – кузнечный цех, 26 января 1954 – сталелитейный цех, в январе 1960 года был введен в эксплуатацию конвейер сборки автоприцепов, в январе 1967 – инструментально-штамповочный цех, в мае – сдаточный корпус [2, 3, 4].

К 1970-му году занимаемая площадь предприятия составила около 163 га. Промышленная застройка была представлена как новыми производственными корпусами, так и приспособленными под нужды завода, танковыми ангарами и мастерскими.

1970-е годы - настоящее время – период структурных преобразований.

За 60 лет существования предприятия его застройка видоизменилась. Некоторые производственные корпуса сохранили свой первоначальный облик, в то же время отдельные корпуса подверглись реконструкции, повлиявшей на внешний вид зданий.

Вместе со строительством завода возводились и жилые кварталы (поселки) для рабочих. Предприятие совместно с «рабочим поселком» представляло сравнительно цельное градостроительное образование, в

котором соединялись три социальные функции – труд, жилище и обслуживание.

Автором проекта «рабочего поселка» Минского автомобильного завода был архитектор Г. Парсадонов. Он сформировал планировку «рабочего поселка» из трех самостоятельных подрайонов: южного, находящегося между промышленной площадкой и Партизанским проспектом, северо-западного и северо-восточного [5]. Каждый из подрайонов различен по характеру планировки и застройки.

В 1970-е годы территория «рабочего поселка» автомобильного завода составила более 100 га. Историю формирования такого крупного жилого района можно разделить на 3 периода:

- 1944 г. – 1945 г – формирование «рабочего поселка» на базе существующего военного городка;
- 1946 г. – 1970-е гг. – период активного строительства «рабочего поселка»;
- 1970-е гг. – настоящее время – период структурных преобразований.

1944 г. – 1945 г – формирование «рабочего поселка» на базе существующего военного городка;

Первоначально в планировочную структуру «рабочего поселка» вошли здания, ранее принадлежавшие расквартированным кавалерийским и артиллерийским полкам, по улицам Центральной и Социалистической.

В фотоархиве МАЗа сохранились первые послевоенные фотографии ул. Социалистической, застроенной тремя трехэтажными кирпичными казармами. Их строительство датировалось 1936 г. После войны две казармы были приспособлены под общежития для мужчин и женщин, а третья было отведено под здание техникума. Улица Центральная была застроена шестью четырехэтажными жилыми дома, двухэтажной столовой – и гостиницей. Четырехподъездные жилые дома имели высокий уровень комфорта, обусловленный первоначальной принадлежностью жилья офицерским семьям. На каждом этаже было расположено по две трехкомнат-

ные квартиры с ванной, туалетом, большой прихожей, кухней и кладовой [6].

Существующий военный городок стал основой планировки центральной части заводского поселка, от которого началось дальнейшее поселковое строительство.

1946 г. – 1970-е гг. – период активного строительства «рабочего поселка».

С середины 1940-х гг. началось расширение рабочего поселка. Строительные работы велись в его южной части. Застраивались ул. Социалистическая и ул. Лизы Чайкиной.

Общего планировочного замысла в размещении зданий не прослеживается, дома возводились как бы «по месту», располагаясь параллельно улице, все на одинаковом расстоянии от проезжей части, формируя строчную застройку из однотипных двухэтажных двухподъездных домов. В домах размещались благоустроенные 1 и 2-х комнатные квартиры, первоначально заселявшимися покомнатно. В сравнении с квартирами по ул. Центральной, квартиры по ул. Социалистической и Лизы Чайкиной имели меньшую общую площадь и уровень комфорта [6, 7].

С начала 1950-х годов застраивалась ул. Трудовая, на которой были построены пять трехэтажных жилых домов и двухэтажный детский сад. Два симметрично расположенных угловых дома с четырехугольными башнями оформили въезд на улицу со стороны Могилевского шоссе.

В 1954 г. на ул. Центральной был построен четырехэтажный жилой дом номер 9, внесший новый колорит в архитектурный ансамбль домов середины 1930-х гг. Завершающим аккордом архитектурного облика улицы стал большой четырехэтажный дом, угол которого был акцентирован массивной шестигранной башней с круглым проемом для часов. Использование данного приема подчеркнуло центральное значение улицы в поселке.

К середине 1950-х гг. сформировалась планировка южной части «рабочего поселка», однако основная застройка поселка разместилась по другую сторону Партизанского проспекта. Северо-западная и северо-

восточная части поселка застраивались преимущественно индивидуальными жилыми домами [8].

Широкое применение нашел восьмиквартирный дом, проект архитектора А. Великанова. Его внешний вид достаточно интересен: главный фасад акцентирован портиком, в торцах здания расположены веранды, и портики и веранды украшены колоннами тосканского ордера. Однако, квартиры в этих домах были небольшие, без ванных комнат, жилая площадь невелика.

Здания, сформировавшие фронт застройки Партизанского проспекта, были более представительными и масштабными, что было обусловлено размером самой магистрали.

Таким образом, к концу 1970-х годов на базе автомобильного завода, сооруженного на юго-восточной окраине города, сформировался крупный промышленно-селитебный район. Его рациональная планировочная структура, сформированная вдоль Могилевского шоссе, являющегося одним из основных направлений развития Минска, позволила в дальнейшем включить «рабочий поселок» в планировочную структуру города.

1970-е гг. - настоящее время – период структурных преобразований.

Несмотря на то, что «рабочий поселок» автомобильного завода сохранил свою планировочную структуру в неизменном виде (не была увеличена плотность застройки, довольно большие 4-этажные жилые дома остались стоять среди зелени), сегодня район постепенно теряет свой неповторимый вид середины 20 века. Это связано с тем, что реконструкции подвергается не вся застройка в целом, как единый архитектурный ансамбль, а только ее отдельные элементы – здания, которые при проведении проектных работ рассматриваются в стилистической оторванности от архитектуры «рабочего поселка». Например, подверглись реконструкции, без учета стиля окружающей застройки, детский сад по ул. Трудовой и кинотеатр на ул. Лизы Чайкиной, что привело к утрате стилового единства улиц.

Подверглись ремонту, с применением современного отделочного материала – сайдинга, фасады домов в северо-восточной части поселка.

Очевидно, что невозможно сохранить часть города в неизменном виде, однако необходимо проводить не штучную реконструкцию, что имеет место сейчас, а реконструкцию с учетом стилистики окружающей застройки промышленно-селитебного района.

Заключение. В итоге можно заключить следующее:

- промышленно-селитебная застройка Минского автомобильного завода начала формироваться в начале 1944 г. Более чем за 60 лет своего развития она прошла 3 периода (1944 г. - 1945 г., 1946 г. – 1970-е гг., 1970-е гг. – настоящее время), которые были одинаковыми и для промышленной, и для жилой застройки.

- определены особенности каждого периода:

I – приспособление существующих военных зданий и сооружений, находившихся на территории завода, под нужды предприятия;

II – формирование основной производственной и жилой застройки;

III – стилистические преобразования промышленно-селитебной застройки.

- создание Минского автомобильного завода послужило толчком для формирования крупного градостроительного образования, включающего в себя промышленную и жилую застройку, которое со временем стало частью планировочной структуры города Минска.

Литература

1. Морозова, Е. Б. Архитектура промышленных объектов: прошлое, настоящее и будущее / Е. Б. Морозова. – Мн.: Технопринт, 2003. – 316 с.
2. Музей Минского автомобильного завода. - Фототека.
3. Карповский, Я. Е. Белорусские богатыри: серия Флагианы отечественной индустрии. Альбом/ Я. Е. Карповский. – Минск: Панорама, 1991. – 360 с.
4. Карповский, Я. Е. МАЗ. Путь в шесть десятилетий: Фотоальбом на русском и английском языке/ Я. Е. Карповский. -- Минск: Минская фабрика цветной печати, 2005.

5. Егоров, Ю. А. Градостроительство Белорусии / Акад. Наук СССР, Ин-т истории искусства. – М.: Гос. Изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1954 г. – 284 с.

6. Архітэктурны воблік вуліцы Цэнтральнай у Мінску// Заводскай район. Будні. - №3-4 (33-34).

7. Фотоматериалы автора.

8. Авринская, Е. Северный на южной окраине/ Е. Авринская// Минск и минчане. – 2008. – 5 февраля. – С.12.

INDUSTRIAL-RESIDENTIAL DEVELOPMENT (BY THE EXAMPLE OF THE MINSK AUTOMOBILE PLANT)

Kupreichyk L.

This paper considers the history of formation and transformation industrial-residential development of the Minsk Automobile plant. It is based on the unknown facts and field observations.

Поступила в редакцию 21.04.2011

HISTORY OF TRANSFORMATION

УДК 711.554

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Морозова Е.Б.

доктор архитектуры, профессор, кафедра «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции», БНТУ

Рассматривается историческое формирование территориальных объектов промышленной архитектуры, модели их пространственной организации, включая временную трансформацию и новые подходы в современных условиях. Обосновывается возникновение новых форм пространственной организации территориальных объектов.

Введение. Вся совокупность объектов промышленной архитектуры в зависимости от уровня их пространственной организации делится на объемные объекты и объекты территориальные. Если к первым относятся производственные здания и сооружения, то вторые – это группы зданий и сооружений, объединенные одной площадкой и достаточно сложными функциональными, технологическими, пространственными и прочими взаимосвязями. Среди всех промышленных объектов именно территориальные напрямую вовлечены в формирование планировочной структуры города.

Производство, в том числе и промышленной продукции¹, представляет наиболее мобильную функцию города, активно реагирующую на социально-экономические

процессы. Поэтому происходящая в современных условиях неизбежная трансформация территориальных объектов промышленной архитектуры является индикатором направленности общих градостроительных изменений, и не может не отразиться на будущем наших городов.

Основная часть. Первой структурной единицей территориальных объектов является промышленное предприятие. В XX в. его пространственная организация была поставлена практически в полную зависимость от технологического процесса, планировочные схемы расположения зданий и сооружений на площадке разделились по отраслям. Однако жестко закрепленные в каждой отрасли схемы имели общую изоляционную модель пространственного формирования застройки. Это было обусловлено ярко выраженной автономностью существования предприятия и необходимостью сохранения его материальных составляющих. Обособленность и закрытость, дистанцирование от внешней среды обеспечивали предприятию возможность функционировать.

Изоляционная модель пространственной организации предприятия сложилась исторически еще в XVIII в. при строительстве в сельской местности первых вододействующих

¹ Производство в широком смысле включает – производство промышленной продукции (собственно промышленность), технологических новинок (наука), знаний (образование), денег (банковская сфера).

щих фабрик. Начавшийся в XIX в. процесс перемещения предприятий в города только усилил материализацию этого принципа – от закрытости, обособленности до полной изоляции, что соответственно отразилось на городской среде – промышленные предприятия в планировочной структуре города оставались «вещью в себе», закрытыми «пятнами», разрезающими городскую ткань.

Потребность сегодня включить предприятие в общую систему городских территорий обусловила формирование новой модели, которую можно назвать конвергентной. Она предполагает раскрытие объекта во внешнюю среду, обеспечение его всевозможными связями: визуальными, транспортно-пешеходными, доступом к производственным объектам и объектам социального обслуживания. Первые шаги к такой модели были сделаны в социалистических странах практикой вынесения социальных функций к внешним границам предприятия. Это сопровождалось значительным расширением перечня социальных услуг, оказываемых на предприятии, развитием пограничных, маргинальных, так называемых контактно-стыковых зон между предприятием и жилой застройкой.

Два примера белорусской практики могут проиллюстрировать этот процесс — велозавод и приборостроительный комплекс в Минске. Оба предприятия расположены практически рядом и выходят на один из проспектов города (Партизанский проспект). Первое предприятие строилось в 1940-е гг., второе – в 1970-е гг. Велозавод ориентирован на организацию и восприятие пространства изнутри, он окружен высоким ограждением, за которым сразу же стоят корпуса, проложена своя система проездов-проходов, есть небольшой сквер, фонтан, внутренняя площадь. Приборостроительный комплекс обращен к городу предзаводской площадью, именно здесь размещается ландшафтная скульптура, цветники и прочие элементы благоустройства. Внутри предприятия находится только производственный двор, фасады корпусов обращены на

улицу, фронт которой они формируют. Эти два примера демонстрируют разные подходы к организации пространства, причем последний пример – преодоление в определенной степени обособленности, замкнутости производственных территорий в городе.

Практическая реализация конвергентной модели возможна с развитием технических систем слежения, контролирующих входы на объекты предприятия. Такие примеры еще единичны и реализованы пока только в промышленно развитых, экономически стабильных странах. Например, в промышленном комплексе Брауна в Мелсунгене (Германия) все здания соединены между собой, рабочие могут перемещаться из одного цеха в другой по изолированным переходам, куда нет доступа посторонним. В то же время транспортные подъезды подведены прямо к корпусам, без организации традиционных объездов и грузового двора. Вся территория открыта и доступна любому посетителю, входы и въезды в здания контролируются техническими системами [1]. Такой подход позволяет включать площадку предприятия в общую систему городских территорий, осуществляя всевозможные связи: визуальные, транспортные, а также дает возможность активно вводить производственные объемы в застройку города, открывать их со всех сторон, обеспечивать возможность более широкого использования объектов социального обслуживания рабочих и другими категориями городских жителей.

Промышленный район является следующим в иерархии территориальных объектов промышленной архитектуры, и представляет собой группу предприятий, объединенных территориально и связанных между собой различной кооперацией. Появившийся на рубеже XIX-XX вв. сегодня он подвергается наиболее видимым преобразованиям.

За время существования промышленного района реализовывались две модели его пространственной организации. Первая, организационная, заключалась в том, что район представлял совокупность самостоятельных планировочных единиц, объединенных

территорией, транспортным и некоторым техническим обслуживанием. Прежде всего, такие районы появились в Великобритании и США – Трэффорд Парк в Манчестере, 1896; Парк Роял в Лечворте, 1903; Буш Терминал (Терминал Сити) в Нью-Йорке, 1902–1914; Централ Мануфэкторинг Дистрикт в Чикаго, 1908–1910) [2, 3].

Вторая, пространственная, модель предполагала застройку территории как нечто единое, формирующее пространственно целое. В связи с этим в пределах района выделялись главные улицы, застройка которых должна была формировать фасад, и специальные участки, как правило, в центре, для размещения административных и производственных зданий общего пользования. Планировочная структура строилась не просто на прямоугольной, а на модульной сетке, закладывающей определенную упорядоченность пространства изначально. Первыми примерами реализации этой модели были английские районы Тим Вэллей между Ньюкаслем и Лондоном (1937), Трифорест в Монмосшире (1936), Хиллингтон в Глазго (1937), Солвэй недалеко от Мэрипорта (1937–1938), Вест-Чиртон Саус в Тынмаусе (1951–1956) [3].

Наиболее последовательную реализацию пространственная модель получила в СССР (в том числе в БССР), где промышленный район был назван промышленным узлом. Белорусская практика строительства была самой большой и успешной, ее масштабы превосходили практику Великобритании, в которой тип промышленного района был создан (в БССР 55 промышленных узлов было разработано за 30 лет, в Великобритании – 81 промышленный район за 80 лет).

Белорусские промышленные узлы отличались, во-первых, системой разработки проекта и его дальнейшей реализации, и, во-вторых, ориентированностью архитектурно-планировочного замысла. Система разработки и реализации проекта предусматривала небольшой временной интервал освоения материальных фондов (3–8 лет), поэтому промышленные узлы представляли управ-

ляемые градостроительные образования с наивысшей степенью концентрации производственных функций (85–95 %) [4]. Ориентированность архитектурно - планировочного замысла распространялась на планировочное решение и объемно - пространственную композицию больших территорий (200–500 га), что в условиях значительных площадей и специфики производственных объектов было трудной задачей. Застройка Брестских Восточного и Южного, Гродненского Северного, Минского, Витебского промышленных узлов в ряде случаев создавала настоящие ансамбли. Причем единое композиционное решение прослеживалось на всех уровнях, вплоть до озеленения и благоустройства предприятий.

Успехи строительства промышленных узлов привели к закреплению нормативными документами положения о размещении предприятий в городе только в их составе. Однако эта прогрессивная в предыдущие исторические этапы форма территориальной организации объектов производства в настоящее время серьезно ограничивает возможности развития промышленного комплекса. Как результат – в настоящее время промышленные узлы перестали строиться в экономически развитых странах.

Потеряла актуальность и такая модификация промышленного района, как промышленно-селитебный район. Его основой является тесная связь промышленной зоны с прилегающими жилыми территориями, предназначенными для проживания работающих на предприятиях района. Именно эта связь стала уязвимой сегодня, в условиях приватизации жилья закреплённость проживающих в районе к местам приложения труда – предприятиям, перестала существовать.

В то же время имеющими перспективы развития следует признать две, сформировавшиеся в последней трети XX в., разновидности промышленного района – промышленный парк и технопарк.

Отличительной особенностью промышленного парка является низкая плотность застройки и коэффициент освоения терри-

тории за счет введения на площадку промышленного района большого количества озелененных участков (Уолтхэм Ресарч-Девелормент Парк в Массачусетсе, Брук Холлоу в Далласе, промышленный центр Нью Инглэнд в Ньютоне [3]). Размещение таких объектов возможно только в пригородной зоне городов, что в определенной степени уменьшает проблемы существования предприятий в городе – экологические, транспортные, социальные, пространственно-планировочные. Низкая плотность промышленной застройки в таких районах позволит в случае «наступления» города значительно легче трансформировать территорию, в том числе замещая производственную функцию.

Технопарк представляет собой равное соединение объектов трех функций – научной, производственной и обслуживающей. Концентрация производственных функций здесь снижена до 30–35 %, и охватывает наукоемкие технологии. Цель такого образования – разработка нового технологического продукта, его апробация, промышленное производство и доставка потребителю – фирмам, компаниям. Поэтому 30% всех функций технопарка ориентированы на обслуживание потребителя – это гостиницы, банки, выставочные залы, торговые, спортивные и проч. Пространственная реализация технопарка основывается на интегрированной модели. Ее отличие заключается в определенном паритете функций, в то время как в других моделях, главной составляющей является производство. Это предполагает тесную взаимосвязь всех объектов, их территориальное равенство, наличие многофункциональных комплексов. Размещение технопарков допускает использование не только пригородной, но и переходной, а в отдельных случаях и центральной планировочной зоны в городах.

Сегодня «Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы», предусматривает создание в городах 20 технопарков и 71 научно-производственного центра, которые по

своему организационно-структурному построению близки к технопаркам. Однако существующая в настоящее время архитектурно-строительная практика формирования технопарков в республике строится пока еще эмпирически, по отдельным аналогам и не учитывает основополагающие принципы организации этой уже однозначно оформленной типологической единицы. В результате целый ряд уже созданных технопарков является в действительности только организационной структурой и не имеет необходимой пространственной реализации, что ставит под сомнение возможность их существования.

Совершенно новой формой существования производственных объектов в городе в XXI в. должно стать такое территориальное образование как зона смешанного использования. Она представляет собой обособленную многофункциональную городскую территорию, где проживание, работа, обслуживание и отдых располагаются на одной площадке, в пределах пешеходной доступности. Производственные объекты здесь размещены дисперсно, они небольшие, с низкими показателями энерго- и ресурсопотребления, экологически безопасные. Их взаимосвязи очень разнообразны и практически не регламентируются, что предполагает как кооперацию объектов, так и полное ее отсутствие.

Формирование этого территориального объекта промышленной архитектуры еще только начинается. Практических реализаций очень немного. В США первые объекты стали формироваться на месте исторически сложившихся промышленных площадок как их реконструкция путем сокращения крупного производства, его деления и введения на освобождающиеся участки жилых зданий, а также обслуживающих объектов. В последнее десятилетие появились и совершенно новые территории, в которых изначально закладывались все необходимые условия для нормального совместного функционирования производства, жилья и обслуживания.

Применительно к условиям Беларуси основной для создания зон смешанного использования следует рассматривать существующие промышленные узлы. Освобождающиеся площадки и строительные объемы следует подвергнуть реконструкции с целью превращения их в непроемственные объекты, в том числе и жилые. Производственная функция зон смешанного использования, в виду довольно больших строительных объемов существующих цехов в реконструируемых промышленных районах, может организовываться по типу промышленных отелей [5].

Заключение. В заключении, следует сказать, что будущее развитие наших городов напрямую сопряжено с новыми формами пространственной организации территориальных объектов промышленной архитектуры. Времена так называемого «независимого» существования производства в городе уже прошли. Безусловно, рассмотренные в статье новые формы территориальных объектов промышленной архитектуры не являются единственно возможными, однако по

ним уже можно судить о направлении последующего движения.

Литература

1. Szparkowski, Z. *Architektura współczesnej fabryki* / Z. Szparkowski. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza Politechniki Warszawskiej, 1999. – 220 s.
2. Gibberd, F. *Town Design* / F. Gibberd. – 5th edition. – NY: Praeger, 1967. – 372 p.
3. Bredo, W. *Industrial estates: tool for industrialization* / W. Bredo. – Glencoe, Illinois: The Free Press, 1960. – 240 p.
4. Баранов, В. М. *Проектирование промышленных узлов* / В. М. Баранов, М. И. Лесовиченко. – М.: Стройиздат, 1970. – 137 с.
5. Морозова, Е. Б. *Эволюция промышленной архитектуры* / Е. Б. Морозова. – Минск: БНТУ, 2006. – 240 с.

NEW APPROACHES TO THE SPATIAL ORGANIZATION OF INDUSTRIAL ARCHITECTURE TERRITORIAL OBJECTS

Morozova Y.

It is considered the process of historical formation of the industrial architecture territorial objects, including their spatial models, terminal transformation and new approaches in modern situation. The forms of the industrial architecture territorial objects are determined.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.554

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ЗАСТРОЙКЕ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА

Сысоева О.И.

доцент, кафедра «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции», БНТУ

Исследование архитектурно-пространственной организации промышленных предприятий и производственных зданий в исторически сложившейся застройке кварталов смешанного использования в центрах современных городов, позволило определить направления их реконструкции для преемственного развития целостной архитектурной среды, с учетом обеспечения требований производства и экологии.

Объектами исследования являлись промышленные предприятия, и отдельные производственные здания центральной части городов Минска и Гродно.

На основе проведенного научного исследования выявлен их социально-экономический и архитектурный потенциал, определены факторы, влияющие на перспективы развития, определены направления трансформации в центрах городов Беларуси: комплексная реконструкция, адаптация, реновация. При реконструкции исторически сформировавшейся застройки кварталов смешанного использования ориентация на эти направления предлагается для сохранения в городской среде объектов с характеристиками промышленной архитектуры и, улучшения ар-

хитектурно-пространственной и архитектурно-планировочной структуры застройки городского центра.

В натурных обследованиях принимали участие магистранты кафедры "Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции" Белорусского национального технического университета.

Введение. В современном городе зону центра формирует застройка, в которой пространственно объединены объекты различного функционального назначения, в том числе, промышленные предприятия и отдельные производственные здания. Архитектурные формы и стили зданий различных исторических периодов строительства создают особую атмосферу городского центра, что представляет собой определенную культурную и историческую ценность. Сейчас много внимания уделяется упорядочению застройки центров городов, их реконструкции и благоустройству, что вызвано потребностями уплотнения и развития функций в центральной зоне и желанием повысить привлекательность архитектурной среды. Реализация перспективной тенденции сохранения пространственной целостности исторически сложившейся застройки, её масштаба и планировочной структуры предполагает поиск новых возможностей существования производственных объектов в современных условиях городского центра.

Основная часть. Исследования промышленных объектов в центральной зоне основывались на использовании следующих методов:

Натурные обследования застройки кварталов смешанного использования центра Минска (в пределах второго транспортного кольца) и центра Гродно с фотофиксацией промышленных объектов. Это кварталы с преобладанием производственной функции (комплексы производственных зданий и сооружений занимают до 80% общей территории квартала).

Структурный анализ выполнялся на основе результатов натурного обследования и заключался в выявлении организации архитектурно-пространственной и планировочной структуры застройки промышленных объектов в кварталах центра.

Сравнительный анализ позволил выявить характеристики производственных объектов, потенциально подлежащих ревитализации, реконструкции или реновации, определить перспективы и направления реконструкции планировочной и пространственной организации застройки территорий смешанного использования с промышленными объектами.

Основная часть. Реконструкция промышленных объектов в значительной степени может обеспечить развитие городского центра с учетом современных требований, предъявляемых к качеству городской среды. Важный аспект архитектурной среды города – это качество её экологической составляющей. В центрах крупных городов из-за плотности застройки происходит скопление загрязняющих веществ. Хотя здесь основным источником выбросов является автотранспорт (76%), негативное воздействие некоторых промышленных предприятий дополнительно ухудшает ситуацию. При решении вопросов экологии часто происходит необоснованное вытеснение производственной функции из центров городов. С учетом потребности решения экологических проблем требуется новый рациональный подход к реконструкции застройки городского центра, при котором может быть сохранена производственная функция и объекты промышленной архитектуры, обладающих особыми пространственными характеристиками и исторической ценностью. Следует иметь в виду и ряд других положительных моментов существования производственных объектов в застройке центра. К ним относятся: социально-экономическая целесообразность сохранения рабочих мест на предприятиях центра города с хорошей транспортной доступностью, широкие возможности использования существующих общественных центров общегородской системы обслуживания населения, эффективность развития предприятиями собственных современных объектов культурного, бытового и торгового назначения для предприятия и города, инвестиционная привлекательность.

Сейчас в центрах крупных белорусских городов промышленные объекты, как правило, размещены в кварталах смешанного использования, а их физическое состояние, экономический, архитектурный потенциал и градостроительные условия очень разнообразны. Поэтому представляется целесообразным обратить внимание на определение направлений и разработку приемов развития промышленных предприятий в сложившихся городских кварталах при реконструкции центров городов, при условии, что производственная среда будет рассматриваться как важная часть городской среды.

Разнообразие промышленной застройки в городской среде сложилось не только из-за типологического выявления в архитектуре зданий особенностей технологического процесса, но и благодаря проявлению исторических слоев в архитектуре центра. По характеристикам архитектурно-планировочных структур, конструктивным и композиционным особенностям промышленные здания в центрах белорусских городов могут быть разделены на четыре основные группы: объекты, построенные до 1917 г., в период с 1917 по 1945 годы, с 1945 г. до начала 1960-х годов и здания 1960-х – 70-х годов строительства.

Здания дореволюционного периода строительства, сохранившиеся в застройке центра города, имеют относительно небольшие размеры, для них характерны индивидуальные параметры строительных конструкций, использование традиционных строительных материалов. Промышленные объекты отличаются скромностью фасадных решений, но здания предприятий формируют пространственно выразительные комплексы в историческом контексте города (пивоваренный завод «Оливария» в Минске).

Здания предвоенного периода возводились с использованием новых для своего времени планировочных и конструктивных решений на основе типизации. Использование приема блокирования разновысоких производственных блоков и корпусов различной этажности производственного и административно-бытового назначения позво-

лило разнообразить пространственное решение застройки, композиция которой строилась на основе ритмического ряда архитектурных элементов: пилястр, контрфорсов и т.п. (хлебозаводы № 1 и 2 в Минске, тонкосуконный комбинат и табачная фабрика в Гродно).

Здания послевоенного периода, построенные в центрах городов, отличаются значительными размерами и объемом. При возведении промышленных зданий большое внимание уделялось архитектурной выразительности главных фасадов, выходящих на городские магистрали и площади. Их строительство часто велось по авторским проектам, что повышает ценность этой промышленной застройки (полиграфический комбинат им. Якуба Коласа и завод электронных вычислительных машин в Минске, арх. Н. Шпигельман, И. Бовт, С. Ботковский). Для зданий этого периода строительства характерно использование элементов ордерной системы классической архитектуры на всю высоту помещения, башенок на углах зданий и пр.

Промышленные здания более позднего периода строительства, с начала 1960-х годов до начала 1970-х, возводились уже с использованием следующих основных приемов: четкий прямоугольный план, отсутствие пристроек, единая в пределах объема сетка колонн, наличие минимальных перепадов по высоте, применение сборных крупноразмерных железобетонных конструкций и унифицированных типовых секций. Промышленные здания периода массового строительства отличаются некоторой монотонностью архитектуры. В решении их фасадов получили распространение: ленточное остекление, вынос из объема производственных зданий и архитектурное акцентирование коммуникационных, вентиляционных и бытовых блоков.

Представленные особенности конструктивных, пространственных, образных характеристик зданий разного периода необходимо учитывать при выборе направления реконструкции застройки и определении

приемов объединения в единое целое «старой» и «новой» архитектуры. Следует отметить, что если промышленные объекты, обладающие исторической и архитектурной ценностью, требуют сохранения и выявления в застройке, то объекты периода массового строительства требуют привнесения новых композиционных элементов: вставок, акцентов, деталей.

На основании произведенного исследования в качестве альтернативного подхода к решению экологических проблем предполагаются следующие направления трансформации производственных объектов в зоне центра:

- комплексная реконструкция, сохраняющая существующее производство при условии модернизации и решения вопросов экологии;
- адаптация производственных зданий к другому технологическому процессу, оказывающему меньшую экологическую и транспортную нагрузку на окружение;
- реновация, сохраняющая промышленный характер застройки при ликвидации производственной функции.

Промышленные объекты, являющиеся составляющими элементами застройки кварталов смешанного использования, последовательно проходя в своем развитии названные ступени преобразования и реконструкции, получают возможность постоянного обновления, на длительный срок сохраняются в контексте архитектурной среды. Это не только обеспечивает типологическое разнообразие архитектуры, преемственность и стабильность городского пространства, сокращает масштабы негативно воспринимаемого вмешательства в сложившуюся застройку, но и поддерживает экономическое развитие производства, расширяет возможности привлечения инвесторов в процесс реконструкции.

При выборе направления реконструкции представляется важным учитывать следующие критерии для оценки перспектив развития застройки кварталов смешанного ис-

пользования с промышленными предприятиями и производственными зданиями:

- площадь квартала (количественная характеристика земельного участка);
- площадь промышленной застройки (количественная характеристика земельного участка, занимаемого комплексом производственных зданий и сооружений);
- тип элементов планировочного каркаса, ограничивающего квартал смешанной застройки;
- функциональное наполнение;
- структура планировочных и пространственных взаимосвязей объектов различного функционального назначения;
- экономическая жизнеспособность производства (полная, частичная загрузка предприятия, перспективы и возможность перепрофилирования);
- выраженность специфических черт промышленной архитектуры (масштаб, своеобразие форм, наличие открытого технологического оборудования);
- наличие памятников архитектуры или технической культуры, которые имеют или могут иметь национальное или международное значение, историческую и архитектурную ценность для города и республики.

Комплексную реконструкцию с упорядочением планировки и застройки целесообразно проводить для экономически рентабельных промышленных предприятий 5 класса (санитарной классификации) с целью выполнения необходимых требований по охране окружающей среды и формированию эстетически полноценной производственной среды. Комплексная реконструкция обеспечивает возможность сохранения промышленной застройки и реализации преимуществ размещения предприятия в городском центре: доступность мест приложения труда, развитие фирменной торговли, рекламы продукции и т.п.

При невозможности привести производство в соответствие необходимым экологическим требованиям реконструктивными мероприятиями, при неэффективности использования территории промышленного

предприятия по экономическим причинам целесообразна адаптация промышленного объекта к другой технологии с меньшими грузопотоками или полная ликвидация производства, предполагающая реновацию промышленного объекта городского центра. Реконструкция с изменением технологии производства может обеспечить рост количества работающих, что целесообразно для предприятий, оказавшихся в зоне влияния станций метрополитена.

Реновация создает условия сохранения промышленного характера сложившейся застройки и использования её архитектурного и исторического потенциала. Главная особенность этого направления реконструкции состоит в том, что при выработке проектных решений учитываются психологические факторы, связанные с восприятием объектов и территорий, закрепленные в сознании потребителей сложившегося архитектурного пространства.

В процессе исследований промышленных объектов выявилось, что смешанная застройка в центрах городов сформировалась:

- при размещении общественных и жилых зданий на производственных территориях при сокращении производственной функции, упорядочении застройки промышленных предприятий, отчуждении неэффективно используемых площадей;
- на селитебных территориях вокруг сохранившихся отдельных производственных зданий или мелких предприятий.

Особенностью размещения промышленных предприятий центров является то, что они занимают важные в градостроительном отношении участки. Они в значительной мере определяют застройку улиц и площадей, прибрежных территорий. Обычно промышленные объекты проектировались пространственно обращенными к магистралям и поэтому изначально не имеют выраженных планировочных и композиционных связей с жилой застройкой расположенной в этом же квартале. При уплотнении застройки промышленных кварталов центра объекты общественного назначения проектируются и раз-

мещаются как пространственно автономные архитектурные элементы. Это и определило отсутствие в обоих случаях планировочных, пространственных взаимосвязей промышленной и селитебной застройки центра, особенно внутри кварталов смешанного использования.

При комплексной реконструкции предприятий целесообразно развитие застройки «внутри» территории квартала, проведение мероприятий по формированию новых планировочных, композиционных взаимосвязей промышленности и селитебной, единых благоустроенных пространств с общественными объектами для жителей и города. При сокращении или ликвидации производства для обеспечения оптимальных пешеходных и транспортных связей в зоне центра может быть предложено членение крупных планировочных образований на более мелкие кварталы, что соответствует сложившемуся масштабу застройки.

Особые подходы целесообразны при трансформации сложившейся застройки с промышленными объектами в прибрежных зонах. Здесь необходимо более жестко подходить к обеспечению при реконструкции производства требований по охране природы. А в процессе реновации наиболее важным фактором, влияющим на поиск архитектурных решений, является сохранение выразительности сложившейся панорамы для восприятия со стороны водных артерий и формирование функционально, пространственно и планировочно обоснованных выходов к водоемам.

Следует отметить, что проведение реконструктивных мероприятий по всем представленным направлениям: реконструкция, адаптация и реновация – должно осуществляться с учетом сложившегося исторического контекста города, бережного сохранения архитектурного наследия и традиций существующей городской среды.

Заключение. Застройка центров городов Беларуси исторически сформировалась с участием зданий производственного назначения, которые благодаря своим особым архитектурно-пространственным характеристикам придают определенное своеобразие

городской среде. Сохранение объектов промышленной архитектуры при решении задач развития общественных функций центра и обеспечении экологической безопасности – важное направление реконструкции. При таком подходе могут быть созданы условия гармоничного функционального и пространственного развития исторически сложившейся застройки центров городов с участием промышленных объектов, учтены современные требования, предъявляемые к качеству архитектурной среды.

Литература

1. Мамлеев, О. Реновация исторических производственных зданий и их адаптация в городской среде / О. Мамлеев // *Архитектура. Строительство, Дизайн.* – 2001. – №1. – С. 21–27.
2. Мюллер-Менкенс, Г. Новая жизнь старых зданий / Г. Мюллер-Менкенс – М.: Стройиздат, 1981. – С. 48.

PERSPECTIVE DIRECTIONS OF INDUSTRIAL RECONSTRUCTION IN HISTORICAL CITY CENTER

Sysoyeva O.

Successful development of the architectural environment can be reached by industrial reconstruction in historical mixed use city center. Perspective directions were defined by scientific research of taking into account technical and ecological appeal.

Industrial enterprises and buildings of Minsk and Grodno city centers composed a Research Object. Their social, economic and architectural potential was revealed. The factors that influence a transformation direction choice in the belarussian city centers were defined, such as: complex reconstruction, adaptation, renovation. Usage of these directions was proposed in order to achieve preservation of characteristic objects of industrial architecture within the city mixed use center, as well as to improve architectural and spatial structure of the city center.

The research was conducted by the Chair of Industrial Architecture and Construction of the Belarussian National Technical University. Master Course students contributed to the investigation on sites.

Поступила в редакцию 21.04.2011

Научное издание

АРХИТЕКТУРА

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Подписано в печать 30.12.2011.

Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Отпечатано на ризографе. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 16,74 + 0,70 вкл. Уч.-изд. л. 6,54 + 0,27 вкл.

Тираж 100. Заказ 995.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Белорусский национальный технический университет.

ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009.

Проспект Независимости, 65. 220013, Минск.